

т. 1

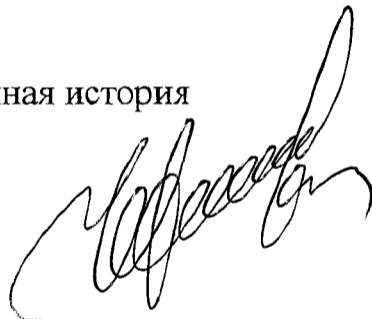
Липецкий государственный технический университет

На правах рукописи

Черников Сергей Васильевич

**Дворянские имения Центрально-Черноземного региона России
в первой половине XVIII века**

Специальность: 07.00.02. – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель –
доктор исторических наук,
профессор В.М. Важинский

Липецк – 2000

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДВОРЯНСКОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА	41
1.1. Особенности феодального земельного права в России в первой половине XVIII века	41
1.2. Правовое регулирование дворянского землевладения в первой половине XVIII века	46
1.3. Межевое законодательство и межевая практика России первой половины XVIII века	68
ГЛАВА 2. ДВОРЯНСКИЕ ИМЕНΙΑ ЧЕРНОЗЕМНОГО ЦЕНТРА РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА: РАЗМЕЩЕНИЕ И СОЦИАЛЬНО-ЧИНОВНАЯ СТРУКТУРА	82
2.1. Размещение и структура дворянских владений в ЦЧР в первой половине XVIII века	82
2.2. Социально-чиновная структура дворянских владений Центрального Черноземья в первой половине XVIII века	98
ГЛАВА 3. РОДОВАЯ СТРУКТУРА ДВОРЯНСКИХ ИМЕНИЙ В ЦЧР В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА	113
3.1. Титулованное дворянство	116
3.2. Нетитулованные старомосковские фамилии	131
3.3. Провинциальное дворянство	143
3.4. Фамилии, вошедшие в состав российского дворянства в первой половине XVIII века	161
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	174
ПРИМЕЧАНИЯ	180
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	243

ВВЕДЕНИЕ

Одним из основных направлений развития отечественной исторической науки на протяжении XIX-XX веков остается изучение аграрной истории России периода позднего феодализма. Обширный пласт работ посвящен и вопросам, связанным с процессом эволюции светского феодального землевладения в эту эпоху. Вместе с тем, до настоящего времени 1-я половина XVIII столетия остается значительно менее изученной по сравнению как с предыдущим, так и с последующим периодами.

Актуальность выбора темы «Дворянские ¹ имения ² Центрально-Черноземного региона России ³ в первой половине XVIII века» определяется целым рядом объективных факторов.

Являясь сосредоточием политической власти в стране и социальной опорой российской монархии на всех этапах ее существования, сословие светских феодалов оставалось на протяжении многих веков господствующим и в экономической сфере. Основу этого господства неизменно составляла собственность боярско-дворянского сословия на землю и крепостных. Имение светского феодала, вместе с тем, представляло собой ячейку феодального способа производства и служило отражением социального облика дворянства. С этой точки зрения исследование размещения, эволюции и структуры светской феодальной собственности предстает в качестве одного из приоритетных направлений изучения истории России периода феодализма.

Весьма важной представляется и региональная направленность работы ⁴.

Освоение новых плодородных земель в условиях экстенсивного развития крепостнического хозяйства было основой сохранения его доходности. Уже к рубежу XVII-XVIII вв. ЦЧР становится одним из центров светского феодального землевладения, а в 1-й половине XVIII столетия процесс расширения дворянских имений на Юге России резко активизируется. В это же время в Центральном Черноземье окончательно формируется один из основных зернопроизводя-

щих районов страны ⁵.

Первая половина XVIII столетия также стала новым этапом в развитии дворянского землевладения в России. Протекал процесс консолидации дворянства. В состав данного сословия были включены многочисленные общественные группы, составлявшие в Московском государстве слой светских феодалов. Вместе с тем, возникает новый источник пополнения сословия – выслуга. Линия правительства на унификацию социальной структуры общества сопровождалась процессом монополизации права на владение землей и крепостными в руках дворянства. На протяжении указанного периода произошло окончательное слияние двух форм феодальной собственности на землю, была ликвидирована поместная система, существовавшая в России с конца XV века. К 1762 г. завершился процесс освобождения дворянства от обязательной государственной службы. Происходил масштабный количественный рост светского феодального землевладения. В Центральном Черноземье процесс расширения дворянских имений был тесно связан с освоением Юга страны и борьбой за землю с однодворческим населением.

Объектом исследования в настоящей работе являются дворянские имения Центрально-Черноземного региона России в 1-й половине XVIII в.

В качестве **предмета** диссертационного исследования выступают: размещение дворянских имений, а также структура и процесс эволюции данного вида дворянской собственности в Центральном Черноземье на протяжении 1-й половины XVIII в.

Известный российский почвовед В.В. Докучаев определял Центрально-Черноземную Россию как регион, в который входили территории бассейна Дона, верхнего и среднего течения Дона, а также правых притоков Оки и Волги (приблизительно от Тетюшей до Камышина) ⁶. Однако поскольку почвенное и административное деление Российского государства не совпадали, то **географические рамки** нашего исследования охватывают территорию двух губерний: Белгородской и Воронежской (в границах 1727 г.) ⁷. В соответствии с современным территориальным делением здесь расположены Белгородская, Воронеж-

ская, Курская, Липецкая, Орловская, Тамбовская, а также части смежных с ними областей. Указанный район обладал практически одинаковыми природно-климатическими и хозяйственными условиями развития⁸.

Хронологические рамки работы охватывают период с 1700 по 1762 г., и подобный выбор объясняется в первую очередь наличием массовых источников, необходимых для раскрытия указанной темы⁹.

Цель исследования заключается в осуществлении комплексного анализа процесса эволюции дворянских имений в Центрально-Черноземной России в 1-й половине XVIII века.

Исходя из вышеуказанной цели, поставлен целый ряд **задач**:

1. Проанализировать законодательное регулирование прав дворянства на землю; рассмотреть вопросы, связанные с характером и юридическим статусом этой собственности, ролью государства и родовых корпораций в структуре собственности; дать адекватную оценку взаимосвязи служебных обязанностей привилегированного сословия и его прав на владение землей и крепостными.

2. Изучить количественные и структурные характеристики имений дворянства на Юге России в 1-й половине XVIII века, в частности, их поуездное размещение и соотношение различных типов владений (крупных, средних, мелких).

3. Раскрыть социально-чиновную структуру владений сословия светских феодалов в регионе; определить удельный вес имений различных чиновных групп и роль правящей верхушки сословия в расширении дворянского землевладения в ЦЧР; выявить взаимозависимость чиновного статуса дворянина и структуры его владений.

4. Рассмотреть родовую структуру дворянских имений на Юге России, в частности, выяснить роль «новой знати» XVIII в., старомосковской и княжеской аристократии, а также провинциального дворянства в расширении владений сословия светских феодалов в регионе; сделать вывод о степени стабильности землевладения фамилий, вошедших в состав знати в петровское и послепетровское время; установить смогла ли «новая знать» потеснить землевладение бояр-

ской аристократии и тех родов, которые формировали правящую верхушку сословия светских феодалов в XVII веке; рассмотреть структуру и размещение владений наиболее значимых дворянских фамилий.

* * *

История светского феодального землевладения в России остается одним из важнейших объектов изучения в отечественной исторической науке уже более полутора столетий. Обострение крестьянского вопроса к середине минувшего века выдвинуло на передний план проблемы, связанные с сущностью феодальной собственности на землю, а в послеоктябрьский период данная проблематика приобрела методологический аспект, и феодальная собственность стала объектом пристального теоретического изучения. В качестве первоочередных рассматриваются вопросы, связанные с определением атрибутов феодальной собственности, отличающих ее от частной, особенностей и направленности эволюции феодальной собственности в России, круга субъектов отношений собственности и их роли в этих отношениях, соотношения объема владельческих прав на землю различных субъектов собственности: монарха, дворянского рода, отдельного его представителя и целый ряд иных проблем.

К анализу эволюции феодальной собственности на землю в России в течение 1-й половины XVIII века (в частности, к указам 1714, 1730, 1731 гг., а также к проблеме степени свободы отдельно взятого дворянина в вопросе прав распоряжения землей) неоднократно обращались буржуазные историки. Для этих авторов было характерно исследование преимущественно юридических аспектов землевладения, стремление объяснить сущность феодальной собственности с помощью терминологии буржуазного права, противопоставление помещного землевладения как «несвободной собственности» и вотчинного – как «полной». В связи с этим игнорировались аспекты, сближающие их, – то, что как поместье, так и вотчина являлись различными формами феодальной собственности на землю. Так, К.А. Неволиним вотчина определялась как собственность, находящаяся в вечном и потомственном владении, как собственность рода. Поместье же, считал автор, являлось собственностью Государя, а

помещик рассматривался лишь как «условный владелец» на время службы. С этой точкой зрения соглашался и В. Сергеевич, подчеркивая, что «до возникновения обязательной службы Государству» вотчинники были «свободными обладателями» вотчин, и право распоряжения ими «не подлежало никаким ограничениям», «вотчины служилых людей признавались их частной собственностью»¹⁰.

Значение петровских пунктов 1714 г. в процессе эволюции дворянской собственности XVIII века вполне четко осознавалось в буржуазной историографии, и, указывая на данный законодательный акт как на завершающий этап слияния статуса поместья и вотчины, подавляющее большинство историков этого периода справедливо подчеркивало, что настоящий процесс начинается еще в XVII веке¹¹. В результате введения в действие петровского указа, а также целого ряда других реформ 1-й четверти XVIII века, отмечали исследователи, произошло ограничение свободы распоряжения как вотчинами, так и поместьями. Однако авторы расходились во мнениях по вопросу о наличии и степени взаимосвязанности служебных обязанностей дворянства и его права владеть землей и крепостными, и как следствие этого, характера ограничений, наложенных на дворянское землевладение петровским законодательством.

Первые (М.Ф. Владимирский-Буданов, К.А. Неволин) утверждали, что в результате введения петровских пунктов поместье было приравнено по статусу к вотчине и передано дворянству «на праве собственности», причем владение имуществом, – ошибочно полагали авторы, – либо не обуславливалось службой, либо эта связь была только номинальной. При рассмотрении ограничений, введенных при Петре I в части распоряжения недвижимостью, ими необоснованно абсолютизировались чисто фискальные и полицейские интересы государства, связанные с проведением этих мер, и игнорировалась заинтересованность власти в дворянстве как служилом сословии. Так, подчеркивая ограниченный характер права собственности дворян на землю и одновременно отсутствие связи данных ограничений со службой, Владимирский-Буданов отмечал, что права вотчинников за время царствования Петра I и Анны Иоанновны были «подве-

дены к среднему типу родовой вотчины», и фактически вплоть до эпохи Екатерины II единственным значимым шагом, с точки зрения расширения владельческих прав шляхетства, было «уничтожение ... поместного права»¹².

Взглядов достаточно близких к вышеуказанным придерживались А. Лакиер и М.М. Шульгин. Однако своеобразие позиций этих исследователей заключалось в том, что авторы настаивали на большей степени развитости частного права в России в 1-й половине XVIII века.

Так, А. Лакиер полагал, что частная собственность на недвижимость уже существовала в России в это время, «но в малом объеме» и образовалась «главным образом» через пожалования Государем земель частным лицам, а также «через подтверждение правительством прав ... на земли». Ограничения, введенные законодательством Петра I «на пользу ... Государства» в сфере владения и распоряжения дворянскими имениями, являлись весьма существенными, но, по мнению автора, это служило лишь доказательством того, что «право частной собственности не вполне еще развилось»¹³.

М.М. Шульгин еще в большей степени акцентирует внимание на том, что дворянские имения в 1-й половине XVIII века являлись частной собственностью. Он полагал, что в этот период в России «появляется частная /дворянская. – Ч.С./ земельная собственность в точном юридическом смысле этого слова», и к середине века «мы можем считать» этот институт «уже сложившимся». «Прочное начало» процессам превращения недвижимого имения в объект частного права, постепенной утраты служилого характера землевладения, его освобождения «от преобладавших в области поземельных прав публично-правовых начал», целого ряда «условностей и зависимостей, являвшихся следствием связи между государственной службой и землевладением», по мнению автора, положил именно указ 1714 года¹⁴. Существовавшие ограничения (регальные права казны на недра, леса и т.д.), введенные «под влиянием временных потребностей», считал Шульгин, «не выходили из рамок земельно-правового режима, основанного на принципе частной собственности, и всегда поражали собственность лишь частично», а также «являлись лишь исключением» и «еще более

подчеркивали полноту и независимость дворянской земельной собственности». Констатируя тот факт, что время до 1714 г. было эпохой «нормального действия поместной системы», историк определяет дату «окончательного» прекращения поместных раздач 1736 годом. Продолжавшиеся после этого земельные пожалования имели, по его мнению, иное значение и были связаны с широким развитием фаворитизма и дворцовыми переворотами. Несмотря на необоснованные попытки Шульгина рассматривать право дворянства на землю в исследуемый период, как основанное на частной собственности и не обусловленное службой, автору необходимо поставить в заслугу констатацию таких важных аспектов социально-экономической жизни России этого времени, что отличало его от предшественников, как сословная обособленность дворян и монополизация дворянством права на землевладение¹⁵. Новым шагом в развитии отечественной историографии был и подход Шульгина к вопросу об основных источниках роста дворянского землевладения. Если А. Васильчиков считал основной причиной этого процесса пожалования, а Владимирский-Буданов рассматривал в качестве такого фактора сделки между частными лицами, а также частными лицами и казной, то Шульгин отметил, что важную роль в расширении землевладения сословия сыграли захваты дворянством пустующих и населенных земель¹⁶.

Более обоснованная позиция по вопросу о сущности поземельных отношений после введения единонаследия была свойственна, с нашей точки зрения, ряду других историков (А. Васильчиков, А.Д. Градовский, В. Сергеевич, В. Якушкин, Н.А. Благовещенский, А. Романович-Славатинский). По их мнению, как владение поместное, так и вотчинное были при Петре I непосредственно связаны со службой представителей привилегированного сословия.

Так, анализ процесса слияния поместья и вотчины, проведенный А. Романовичем-Славатинским, привел историка к следующему выводу: взаимопроникновение начал вотчинного и поместного владения началось еще в XVII веке, в связи с чем как поместье, так и вотчина и до петровских реформ представляли собой «один вид земельного владения» – «несвободную земель-

ную собственность», поскольку обладание ими было возможно лишь при условии государственной службы. Такое положение дел сохранилось и в царствование Петра I, и Анны Иоанновны, причем «соединение» статуса вотчины и поместья было, по мнению историка, «в интересе распространения регальных прав государства на всякое поземельное владение, окончательным торжеством порядка, который вырабатывался уже в XVII столетии – подчинение условиям ограниченного поместного владения полного и вотчинного». Перечисляя регальные права государства (*jura regalia*), Романович-Славатинский утверждает, что при Петре «поземельная собственность... превратилась в поземельное владение весьма ограниченное как относительно пользования, так и относительно распоряжения»¹⁷. Среди очевидных ошибок Романовича-Славатинского необходимо отметить его мнение о том, что дворянство в течение 1-й половины столетия находилось «почти в такой же крепостной зависимости от правительства, в какой от него /дворянства.– Ч.С./ крестьяне»¹⁸.

Весьма близких взглядов по вопросу о статусе дворянской собственности на землю придерживался и А. Васильчиков, рассматривавший всякое поземельное дворянское владение 1-й половины XVIII века как условное, на которое была «наложена служебная повинность». Однако надлежит поставить под сомнение его утверждение, что вплоть до 1785 г. существовало лишь дворянское право «владения» землей (наследственное, пожизненное или временное), обусловленное службой. Стремясь подчеркнуть традиционно решающую роль верховной власти в регулировании земельных отношений в России, автор, тем не менее, значительно ее преувеличивал, отмечая, что статус поместья и вотчины в Московском государстве определялся не «законом или обычаем», а зависел «непосредственно от личной политики или даже от нрава государя». Кроме того, Васильчиковым, как и Романовичем-Славатинским ошибочно отождествлялись служебные обязанности дворянства с «тяглом» крепостного крестьянства¹⁹.

«Изоброченность» всей земли в России, в том числе и для дворянства, «крайнее ограничение права распоряжения недвижимостью» в результате действия указа 1714 г. и «умаление вотчинных прав» отмечались также Н.А. Благо-

вещенским и В. Сергеевичем. Сходной точки зрения придерживался и А.Д. Градовский, расценивая петровские реформы в области земельного права как попытку сближения статуса вотчины с поместьем с доминированием черт последнего²⁰.

«Ярким выражением ... верховных поземельных прав государства» считал указ 1714 г. и В. Якушкин. По его мнению, слияние вотчины и поместья привело к образованию разряда «служилого землевладения», и «вотчины ... подлежали почти все тем ограничениям, которым подчинялось поместье». Вместе с тем, данный процесс имел и обратную сторону, поскольку «помещики освоили себе некоторые из вотчинных прав». Двойственность статуса «недвижимого имения» обоснованно отметил и В.О. Ключевский, указав среди признаков «нового небывалого вида землевладения» наследственность, неделимость и «вечнообязанность»²¹.

Наиболее общей тенденцией в буржуазной историографии дворянского землевладения послепетровского периода следует признать то, что историки рассматривали это время как эпоху укрепления собственнических прав привилегированного сословия на землю, расширения свободы распоряжения имениями и постепенного освобождения дворянства от службы (начала «раскрепощения сословий»²²). В качестве основных вех этих процессов авторы выделяли указы 1730, 1731 гг., 16 марта 1736 г., манифесты 1762, 1785 гг. По мнению одних (В.О. Ключевский, К.А. Неволин), процесс эволюции дворянского права на землю к «полной» собственности протекал более быстрыми темпами и завершился после издания указа 1731 г.²³; с точки зрения других, он шел менее активно и «полная» собственность восторжествовала в России в царствование Екатерины II (А. Васильчиков, М.М. Богословский, В. Сергеевич, В. Якушкин, А. Лакиер, М.Ф. Владимирский-Буданов, А. Романович-Славатинский и др.)²⁴. Часть вышеупомянутых исследователей, в частности, А. Васильчиков, В. Сергеевич, В.О. Ключевский необоснованно приравнивали вотчинную, «полную» собственность к частной²⁵.

Следует также отметить, что подавляющее большинство историков этого

периода не акцентировало внимания на причинах эволюции феодального землевладения в послепетровское время, и данный процесс фактически представлялся лишь как следствие ряда законодательных актов. В отдельных случаях постепенное расширение прав дворянского сословия в вопросе распоряжения землей и освобождение от обязательной службы рассматривались либо как естественный процесс «раскрепощения сословий», либо как меры, предпринятые правительством под влиянием дворянства (недовольство единонаследием, тяготами обязательной службы и т.д.²⁶). Отличная от вышеуказанных точка зрения была высказана В.О. Ключевским. Не отрицая того, что настроения привилегированного сословия оказывали влияние на правительственную политику, он вполне справедливо указал в качестве одной из причин расширения дворянского права на владение и распоряжение недвижимым имуществом в 30-60-х гг. XVIII века (в том числе и крепостным населением вотчин) чисто фискальные интересы казны, связанные со стремлением «бездоимочного» сбора подушной подати, однако вряд ли возможно полностью согласиться с тем мнением автора, что «на деле эти сословные привилегии были правительственными полномочиями, даже не связанными с правом земельной собственности..., и само право дворянской собственности поглощалось этими полномочиями, претворяясь из института гражданского права в государственное учреждение»²⁷.

Одним из ключевых направлений развития буржуазной историографии являлось исследование попыток проведения генерального межевания в 1-й половине XVIII столетия. Подавляющее большинство авторов указывало, что основной целью межеваний XVIII века являлась необходимость разграничения спорных владений²⁸. Один из ведущих исследователей межевого дела И.Е. Герман утверждал, что его уровень в XVIII веке оставался практически тем же, что и в предшествующем столетии. Автор предполагал, что основными причинами провала аннинского межевания явились недостаток средств, межевщиков, их необученность, а также трудности в составлении писцового наказа применительно к новым условиям землевладения. Практически тот же перечень причин мы находим у М.М. Шульгина. Значительные изменения, которые пре-

терпело землевладение с конца XVII века, являлись основной причиной того, что межевая инструкция не была составлена, и по мнению К.А. Неволлина²⁹.

Межевание 50-начала 60-х гг. XVIII века исследовалось более подробно. Так, И.Е. Германом и К.А. Неволлиным были указаны источники составления Межевой Инструкции 1754 г.: Уложение 1649 г., Писцовые указы, в первую очередь, 1684 г., Инструкция 1731 г., а также материалы частных межеваний. Среди важнейших причин неудачи межевания авторами выделяются: принцип ревизии и редукции, которого придерживалось правительство, и как следствие – столкновение поземельных прав государства с давностью владения частных лиц, сыск и раздел «по способности» примерных земель, а также обязательное размежевание общих и чересполосных дач. Первая из этих причин называется также и П. Ивановым, а В.О. Ключевский и К.А. Неволлин говорят о том, что проведение в жизнь принципов межевания привело к противодействию владельцев и многочисленным тяжбам. С.М. Соловьев выделял в качестве главной причины прекращения межевания его финансовую необеспеченность. Другим исследователем – М.М. Шульгиным – отмечается громадная работа по составлению Межевой Инструкции, и в качестве важнейшего ее источника указывается Писцовый указ 1684 г. По его мнению, правительственное мероприятие потерпело неудачу из-за перенесения в условия нового земельного порядка, под которым он понимает преобладание частной поземельной собственности, старого принципа писцовых межеваний – ревизии и редукции, что не соответствовало интересам дворянства и привело к сопротивлению межеванию. Вопрос о примерных землях, как считает автор, был решен более удовлетворительно. Тем не менее, историк обращает внимание как на трудность изъятия примерных земель, так и на несоответствие данного стремления правительства новому земельному порядку, поскольку отсутствовала служба по земле, а следовательно, государственный поместный фонд. Несмотря на то, что распределение примерных земель в соответствии с числом душ было в интересах сословия светских феодалов в целом, тем не менее, справедливо отмечал Шульгин, это ущемляло индивидуальные интересы дворян, во владении которых эти земли издавна со-

стояли. К числу ошибок правительства автором также отнесены невозможное с чисто технической точки зрения обязательное разверстание общих и чересполосных владений и громоздкость аппарата межевания³⁰.

Важнейшими итогами развития отечественной исторической науки в до-октябрьский период в части анализа проблем, связанных с изучением сущности и эволюции феодальной поземельной собственности, стали следующие. Исследователями было введено в оборот значительное число источников в первую очередь касающихся сферы правового регулирования феодального землевладения, а также межевого дела. Объектом изучения являлись проблемы, связанные с возникновением поместной системы, эволюции поместья и вотчины и сближения их статуса. Были сделаны выводы об условном и служилом характере поместного владения, подверглись анализу те аспекты проблемы, которые касались степени взаимосвязи дворянского землевладения и службы привилегированного сословия, верховных собственнических прав власти на дворянскую недвижимость после слияния вотчины и поместья. Однако незначительное внимание к социально-экономическим аспектам феодальной собственности, а также рассмотрение феодального землевладения исключительно в рамках буржуазного права, послужили основной причиной того, что закономерные выводы о природе феодальной поземельной собственности, ее отличиях от частной так и не были сделаны.

Вышеуказанные проблемы стали первоочередными объектами изучения в послеоктябрьский период.

Так, в работе П.И. Лященко были обобщены основные характеристики феодального способа производства на этапе существования крепостничества³¹. В качестве таковых автор выделял: господство натурального хозяйства, слабо развитое общественное разделение труда и соединение промышленного труда с земледельческим, который являлся базисом производства; собственность феодала на средства производства и «неполную собственность на работника, крепостного», как основу производственных отношений; единоличную собственность непосредственного производителя, крестьянина на свои орудия производ-

ства; экономическое и внеэкономическое принуждение по отношению к крепостному крестьянину³². Касаясь аспектов, связанных с отношением непосредственного производителя к земле и его места в структуре феодального производства, П.И. Лященко, а также М.А. Баргом, А.Л. Шапиро, Б.Ф. Поршневым, Л.И. Дембо и др. признавалось, что одной из особенностей феодальной собственности является, по крайней мере, фактическое наделение землей земледельца, а также личная зависимость последнего от собственника надела (феодала), причем степень этой зависимости может быть различна³³. Анализ специфических черт феодальной собственности привел другого исследователя – А.Л. Шапиро – к справедливому выводу, что «феодальной мы должны именовать такую собственность на землю, которая приносит отработочную, продуктовую и денежную ренту». «Находящаяся в собственности получателя этих видов ренты земля, – говорит автор, – используется им своей властью и в своем интересе. В то же время эта земля находится (целиком или частично) во владении крестьян»³⁴.

А.В. Венедиктовым, Л.И. Дембо, М.В. Колгановым, Б.Ф. Поршневым справедливо подчеркивались такие атрибуты феодальной собственности на землю как сословность, иерархичность, условность. Было обращено внимание на неразрывную связь экономической и политической структур в феодальном обществе и, как следствие этого, слияние частно- и публично-правовых отношений³⁵. Одновременно в отдельных исследованиях обоснованно признавалась верховная собственность государства на весь земельный фонд³⁶. Б.Ф. Поршневым, а также рядом историков более позднего времени (М.А. Барг, Л.В. Данилова) был отмечен тот факт, что при феодализме слияние в руках государства политической власти и верховного права на землю находит свое продолжение в отношениях феодала и «наделенного крестьянина», поскольку последний подвержен вотчинной юрисдикции со стороны землевладельца – помещика³⁷. Б.Ф. Поршневым, а затем и М.А. Баргом были проанализированы два аспекта феодальной земельной собственности: сеньориально-крестьянский и межфеодальный, и был сделан закономерный вывод о ее двойственном характе-

ре, поскольку по отношению к крестьянским наделам собственность феодалов как с экономической, так и с правовой точек зрения, являлась «полной, свободной, неограниченной и безусловной», тогда как, если говорить о месте отдельно взятого дворянина в иерархии собственников, то его собственность будет ограниченной, условной и т.д. М.А. Барг также отметил, что носителем юридического титула неограниченной и безусловной собственности в феодальном обществе являлась корпорация со-собственников – совокупный «класс феодалов» во главе с монархом³⁸.

Рассматривая проблему эволюции феодальной земельной собственности, ряд авторов вполне обоснованно подчеркивали в межфеодальных отношениях в качестве основного процесс разложения феодальных иерархических структур, который выражался в деформации феодальной лестницы на этапе позднего феодализма. Следствием этого являлось постепенное укрепление владельческих прав феодалов – непосредственных держателей вотчин в ущерб всей иерархии со-собственников, а также усиление владельческих прав верховного собственника – монарха. Подобное мнение, в частности, было высказано М.А. Баргом, А.А. Преображенским, А.В. Венедиктовым³⁹. Параллельным вышеуказанному процессом, отмечали М.А. Барг и А.Л. Шапиро, является укрепление суверенитета короны и постепенное освобождение земельной собственности дворянства от публично-правовых функций (суд, полицейские функции и т.д.)⁴⁰. Констатируя постепенное слияние в руках монарха как прав суверена, так и сюзерена, М.А. Барг согласился с А.Н. Новосельцевым, В.Т. Пашуто и Л.В. Черепниним, определявшими данную тенденцию как становление государственной формы феодальной собственности. Справедливым является и то мнение авторов, что наиболее яркое выражение эта тенденция нашла в восточно-европейских странах. Другой стороной эволюции феодальной собственности на землю (межклассовый аспект) являлось изменение форм ренты: отработочная и продуктовая с течением времени сменяются денежной⁴¹. Предельно же общим объективным процессом в сфере феодального землевладения в советской историографии обоснованно считается постепенное ее превращение в товар и сближение с ча-

стной собственностью, что выражается в первую очередь не в области права, которое остается феодальным, а в сфере экономического содержания отношений собственности⁴². Вместе с тем, подчеркивал Б.Ф. Поршнев, феодальный характер поземельной собственности (и именно в экономическом аспекте данного общественного института) сохраняется до тех пор, пока она используется для барщинной или оброчной системы эксплуатации «наделенных землей крестьян»⁴³.

Таким образом, советской историографией, особенно во 2-й половине XX века, были заложены прочные теоретические основы в сфере исследования поземельных отношений феодального периода. Тем не менее, вышеуказанные исследования не были свободны от целого ряда ошибочных выводов. Так, П.И. Лященко приходит к выводу, что в основе феодального способа производства лежит «экспроприация земли у непосредственного производителя господствующим классом», в связи с чем крестьянин «принужден работать на частновладельческой земле»⁴⁴. Впоследствии данная точка зрения Лященко, фактически игнорирующая всю сложность феодальных поземельных отношений и сводящая право феодала на землю к «частнособственническому», была справедливо подвергнута критике М.В. Колгановым⁴⁵. Другой исследователь, А.В. Венедиктов, развивая теорию «разделенной» или «расщепленной» собственности, в соответствии с которой констатировалось наличие в феодальном обществе в период его расцвета собственности верховной (сеньора) и собственности подчиненной (вассала), необоснованно признавал отдельные категории крестьян носителями подчиненной собственности⁴⁶. Нами прослеживается определенная схожесть с идеями Венедиктова и концепции Колганова, поскольку последний также утверждал, что земля является объектом присвоения нескольких субъектов, в том числе и крестьян. «Положение крестьян, как владельцев земли, – указывает автор, – ничем не отличалось от положения феодалов»⁴⁷. Против включения крестьянина в число со-собственников выступил Л.И. Дембо, справедливо полагая, что лишь сословие феодалов, получателей феодальной ренты, является носителем права земельной собственности (дан-

ную точку зрения поддерживали Б.Ф. Поршневу, А.П. Новосельцеву, В.Т. Пашуто и Л.В. Черепнин⁴⁸); крестьянские наделы автор называл «держаниями» или «владениями»⁴⁹.

М.В. Колганов справедливо отмечал, что базовой правовой категорией в сфере отношений собственности для средневековья было понятие «владение». Вместе с тем, он необоснованно отрицал применимость термина «собственность» к феодальному землевладению. Автор полагал, что «в данном случае мы имеем дело с такого рода поземельными отношениями, когда ни один субъект присвоения земли не являлся собственником, а был всего лишь владельцем»⁵⁰. Тем не менее, большинство историков нового времени справедливо подчеркивало возможность и необходимость применения к феодальным поземельным отношениям термина «собственность». Отсутствие в феодальном праве четкой границы между «отдельными формами вещно-правового господства», по мнению А.В. Венедиктова, и, как следствие этого, неразработанность юридической терминологии и весьма частая подмена понятия «собственность» термином «владение», имело своей основной причиной господство в феодальном обществе разнообразных форм ограниченной собственности⁵¹. К тем же выводам приходили М.А. Барг и Л.В. Данилова⁵².

Достаточно прочная теоретическая база, созданная в изучении экономических и правовых аспектов феодальной собственности на землю, позволила отечественным исследователям в послевоенное время значительно продвинуться в анализе целого ряда проблем, связанных с развитием дворянской собственности на землю в России XVIII века.

Анализ структуры феодальной поземельной собственности этого периода, проведенный А.А. Преображенским, привел автора к важным выводам об упрощении к началу столетия иерархии земельных собственников и ликвидации между верховным собственником-монархом и дворянином-землевладельцем промежуточных ступеней феодальной лестницы, что привело, в конечном счете, к расширению прав непосредственного владельца земли. Автор обратил внимание и на процесс концентрации публично-правовых функций в руках верховной

власти и «расщепление» от политической власти представителей сословия феодалов⁵³. Однако автор не уделил должного внимания дворянскому роду как одному из субъектов отношений собственности, а также тому факту, что в XVIII веке процесс консолидации публично-правовых функций в руках государства еще не был завершен, поскольку дворянство сохранило за собой право вотчинной юрисдикции по отношению к крепостному населению.

В отечественной историографии как в дореволюционной, так и советского периода, XVIII век справедливо рассматривался как период расширения прав дворян на распоряжение недвижимостью и освобождения привилегированного сословия от обязательной службы. Традиционным для советской историографии является стремление объяснить данные процессы воздействием привилегированного сословия на правительство. Эта позиция нашла свое отражение в «Очерках истории СССР» XVIII века, изданных в 50-х гг.⁵⁴ Подобные идеи выдвигались также П.И. Лященко, А.А. Преображенским и М.Ю. Малышевым⁵⁵. Первым была даже высказана точка зрения, что политика правительства в послепетровский период «определялась в первую очередь интересами дворянства»⁵⁶. Однако некоторые российские и западные исследователи, в частности, А.Л. Шапиро и М. Раев, вполне обоснованно считают, что процесс освобождения дворянства от обязательной службы мог иметь в своей основе не только эту причину, поскольку к середине XVIII века в России складывается достаточно мощный бюрократический аппарат, для того чтобы государство не зависело от обязательной службы дворянства⁵⁷.

Выводы, касающиеся темпов самого процесса освобождения дворянской поземельной собственности от черт условности и ограниченности, также не являлись однозначными. Целым рядом исследователей появление «безусловной», «полной» собственности дворян на землю относится уже к 1-й трети XVIII века, что нельзя признать в достаточной степени обоснованным. Так, Б.В. Виленский утверждал, что указ 1714 г. предоставил собственникам поместий «право неограниченного распоряжения» ими (продажа, заклад, завещание, передача в качестве приданого «и проч.»). В связи с этим, по мнению автора, был ликвидиро-

ван «антагонизм внутри господствующего класса» между «боярами-вотчинниками», которые имели «неограниченное право» распоряжения имениями и «дворянами-помещиками», добивавшимися этого⁵⁸. По мнению же В.В. Мавродина, в результате данного законодательного акта «все земли стали полной собственностью дворян»⁵⁹. Сторонником той точки зрения, что к началу 30-х гг. XVIII века были упразднены «какие бы то ни было» ограничения в распоряжении дворянской земельной собственностью был и А.А. Преображенский⁶⁰. Другие исследователи (Н.И. Павленко, Л.И. Дембо), утверждавшие, что указы 1714 и 1731 гг. отменили «условную» форму землевладения и заменили ее «безусловной», фактически игнорировали взаимосвязь землевладения и государственной службы в 1-й половине XVIII в.⁶¹ Достаточно близкую точку зрения высказывал и М.Ю. Малышев. Он полагал, что с 1714 г. происходит разрыв между служебными обязанностями дворянства и его правом на землю, и с этого времени дворянство служило не с земли, а с «социального статуса». Однако и данная позиция является спорной, в первую очередь, именно потому, что привилегированный «социальный статус» дворянства включал в себя в качестве главной составляющей право на владение землей и крепостными. Нельзя согласиться и с мнением автора, что с 1731 г. необходимость «служить за землю» была не более чем «морально-этическим» принципом⁶².

Иная точка зрения по данной проблеме, основанная на тезисе о сохранении дворянским землевладением XVIII века феодального характера, была высказана М.В. Колгановым, А.В. Венедиктовым, Б.В. Носовым, Е.С. Соколовой и Н.В. Киприяновой. Так, Б.В. Носов справедливо утверждал, что несмотря на то, что система распоряжения дворянством земельными фондами в XVIII веке была «во многом более свободна», чем в XVII, несмотря на значительное расширение прав дворянства на землю в 30-70-е гг., а также освобождение сословия от обязательной государственной службы, государство сохранило за собой право верховного земельного собственника. Оставались практически в неизменном виде те права в отношении дворянского землевладения, которыми власть обладала в XVII веке – право получения феодальной ренты со всех земельных владений,

право пожалования и конфискации земель. Кроме того, в XVIII веке дворянство отвечало своим имением за уплату в казну подушной подати. Была создана система государственной опеки над дворянскими имениями, которая должна была поддерживать систему родового землевладения. Вплоть до 80-х гг. XVIII века сохранялись ограничения на распоряжение (наследование, отчуждение и т.д.) недвижимого имущества, направленные на усиление прав дворянского рода и государства. На протяжении данного периода, утверждает автор, изменению подвергались лишь методы осуществления этой политики, и правительство постепенно отказывалось от прямого регламентирования землевладения привилегированного сословия, однако феодальный характер поземельных отношений государства и дворянства оставался неизменным. Рассматривая эволюцию поместной системы, Носов отмечал, что вплоть до 1762 г. сохранялась традиционная система дворянского землевладения, в основе которой в 30-е гг. лежала непосредственная, а в 40-начале 60-х гг. косвенная взаимосвязь государственной службы и права на владение землей, хотя относительно последнего периода указывается, что пожалования утрачивают черты условных раздач, приобретая «в основном» наградной характер⁶³. Автор также подчеркивал, что в XVIII в., как и ранее, одним из правовых субъектов земельной собственности являлся род, дворянская фамилия. Родовая собственность была персонифицирована в лице владельца имения, однако это право в значительной степени ущемлялось как правами рода, так и прерогативами государственной власти, правами императора как верховного собственника земли. Анализируя точку зрения исследователя, следует тем не менее отметить, что Б.В. Носовым не были прослежены те тенденции, которые вели к сокращению объема прав дворянской родовой корпорации на земельную собственность непосредственного владельца имения, и как следствие этого, к определенной индивидуализации собственнических начал в праве дворян на имения. Однако, мы не можем согласиться с мнением другого исследователя – И.А. Исаева, который утверждал, что уже в 1-й половине XVIII века «столкновение родового и индивидуального начал в сфере поземельной собственности завершается победой второго над первым»⁶⁴. Вместе

с тем, несомненно, что постепенный выход индивида из-под власти родовых корпораций привел, в конечном счете, к тому, что он стал более подвержен «власти государства»⁶⁵.

Рассматривая последствия указа 1714 г., Е.С. Соколова также отметила, что введение единонаследия привело к образованию «единой по своему правовому режиму ... дворянской собственности ограниченного характера», причем «сознательно спровоцированная бедность дворянских наследников» усиливала их зависимость от власти⁶⁶. В результате петровских реформ, справедливо отмечает автор, дворянство рассматривалось «как подвижная социальная группа, объединенная вокруг верховной власти обязанностью пожизненной службы». И несмотря на ликвидацию ряда ограничений, и в послепетровское время «владелец поместно-вотчинного комплекса по-прежнему делил право собственности на служилые земли с монархией». Автор также подчеркивал служилый характер дворянства в течение всей 1-й половины XVIII века, определяя сословие как «землевладельческое ... феодального типа»⁶⁷. Практически к тем же выводам приходит и Н.В. Киприянова⁶⁸.

Присутствие активного вмешательства самодержавия в формирование дворянской земельной собственности и использование государственной властью земельного фонда для собственного укрепления и консолидации дворянства было также доказано Е.И. Индовой на основании анализа ведомостей о пожалованиях и конфискациях. Был сделан вывод о непрерывном перераспределении земель государством. По ее подсчетам, размеры конфискованных земель значительно превышали размеры пожалований⁶⁹. Выводы Индовой были подтверждены работами К.В. Сивкова, который опубликовал значительное количество материалов из отписных книг 1-й четверти XVIII века; по его данным, за это время отписка имений была произведена не менее чем у 3000 лиц различного общественного положения⁷⁰.

«Форма землевладения, которая установилась в России в конце XVIII века, сохраняла еще в основном черты сословного феодального землевладения» и, по мнению М.В. Колганова, законодательные акты времен Анны Иоанновны и

Екатерины II были лишь первыми шагами на пути превращения «феодалного землевладения в свободно отчуждаемую частную собственность», поскольку 1) сохранялось крепостное право, 2) из свободного распоряжения исключались родовые имения, 3) круг субъектов собственности согласно законодательству ограничивался дворянами ⁷¹.

Достаточно важное место в советской историографии в качестве объекта исследования занимало и Генеральное межевание 1755-1763 гг. ⁷²

При рассмотрении целей межевания, а также причин его неудачи рядом исследователей (Ю.Я. Коган, Ю.В. Готье, Ф.И. Лаппо, Б.Б. Кафенгауз, М.А. Рахматуллин, С.Л. Марголин) высказывалась точка зрения, согласно которой основной задачей, поставленной правительством, было укрепление в ходе данного землеустроительного предприятия дворянского землевладения ⁷³, остальные же, в частности, прекращение споров на межах, захватов государственных земель, должны были быть разрешены лишь попутно ⁷⁴. Причины же неудачи инициативы правительства крылись, по мнению этих авторов, в сопротивлении межеванию самих помещиков, поскольку основные его принципы (ревизия и редукция) противоречили желанию дворянства сохранить за собой земли, приобретенные в результате захватов ⁷⁵. Однако необходимо отметить, что вышеуказанный тезис не был подкреплён источниками и с этой точки зрения не может считаться доказанным.

Важный вывод по вопросу о причинах начала межевания середины XVIII века был сделан Н.В. Киприяновой. Автор указывает на необходимость его проведения, поскольку фактическое состояние поземельных владений (чересполосица, неопределенность границ, совместное пользование) находились в противоречии с укреплением наследственных прав дворянства на землю ⁷⁶.

Более обоснованная позиция по вопросу о причинах провала елизаветинского межевания была занята Л.В. Миловым и Б.В. Носовым. Так, Л.В. Милов не без оснований подчеркивал в первую очередь чисто технические: необходимость обязательной проверки крепостей и проведение генерального межевания на основе устаревшей крепостной документации. К второстепенным причинам

он относил требование полного уничтожения общего и чересполосного владения и наделение межевщиков чрезмерно широкими судебными и административными полномочиями, что приводило к произволу. Следствием данных причин стали многочисленные тяжбы и споры, которые, по мнению Л.В. Милова, являлись формой выражения недовольства дворянства общими принципами и методами проведения межевания. Другой советский исследователь Б.В. Носов отметил, что принципы ревизии и редукции, положенные в основу межевания 1754 г., выражали стремление правительства обеспечить преемственность поземельной системы XVII и XVIII веков и подчеркнуть верховную собственность государства на землю. Он также утверждал, что документы не дают оснований для заключений о сопротивлении дворянства генеральному межеванию, и справедливо считал причинами его неудачи неразработанность межевого законодательства, неспособность государственного аппарата провести межевание, отсутствие необходимого количества кадров и средств, а также затруднения и тяжбы при разверстке примерных земель (исследователь отмечает, что недовольство дворянства вызвала не попытка правительства взыскать за них деньги, а сам факт необходимости их раздела)⁷⁷.

Центральное место в качестве объекта исследования в советский период развития отечественной исторической науки занимали проблемы, связанные с социально-экономическими процессами, протекавшими в сфере феодального землевладения России 1-й половины XVIII века. В обобщающем труде «Очерки истории СССР», а также ряде других в качестве таковых называются:

количественный рост феодальной земельной собственности, заселение и активное освоение черноземных земель Юга России, монополизация права землевладения дворянством, измельчание землевладения рядового служилого дворянства и стабилизация размеров земельного фонда для большинства дворянских родов в связи с прекращением пожалования земель за службу и введением принципа единонаследия; также подчеркивается процесс концентрации земли у высшего дворянства и возникновение «латифундиального землевладения», причем не последнюю роль в этом процессе, констатируют авторы, сыграли разда-

чи земель государством, а также их захват⁷⁸.

Количественный анализ процессов, протекавших в дворянском земле- и душевладении в Европейской России XVII-XIX вв., содержат работы О.А. Шватченко, Я.Е. Водарского и Н.М. Шепуковой, построенные на основе обширного статистического материала.

Так, О.А. Шватченко было проведено фундаментальное исследование эволюции вотчинной системы светского феодального землевладения II половины XVII века. Рассмотрены размещение, населенность, социально-чиновные характеристики и родовая структура дворянского вотчинного фонда в данный период. Монография О.А. Шватченко, также как и более ранние работы С.В. Веселовского и А.П. Павлова, позволяет, вместе с тем, раскрыть чиновную и генеалогическую историю многих дворянских фамилий, входивших в верхушку сословия в 1-й половине XVIII в.⁷⁹

Большим шагом в изучении дворянского землевладения XVII-XIX вв. стали труды Я.Е. Водарского, базировавшиеся на анализе материалов межеваний 2-й четверти XVII и 2-й половины XVIII вв., а также данных сводных источников о дворе- и душевладении представителей привилегированного сословия в 1678-1700 гг. (на основе Алфавитов к сказкам Генерального двора) и по I ревизии (на основе Табели 1737-38 гг.). Работы историка содержат весьма ценные суммарные сведения о поместно-вотчинном фонде правящей верхушки дворянства рубежа XVII-XVIII столетий и ее генеалогическом составе. Автором был внесен существенный вклад и в изучение историко-географических аспектов землевладения светских феодалов⁸⁰.

Однако следует признать, что исследователем не была использована возможность детального анализа социально-чиновной и родовой структуры дворянских имений начала XVIII в., а подсчеты Я.Е. Водарского и Н.М. Шепуковой по табели 1737-38 гг., из-за несовершенной методики обработки сведений, содержащихся в источнике, недостаточно точны⁸¹.

Значительным для разработки нашей темы также является монографическое исследование С.М. Троицкого⁸², собравшего уникальный материал, отно-

сящийся к процессу складывания российской бюрократии, сословной ее структуре и имущественной обеспеченности различных слоев правящего сословия России в середине XVIII в. Автором был сделан и проиллюстрирован крайне важный вывод о «качественном» изменении состава чиновной верхушки сословия в петровское и послепетровское время за счет привлечения на высокие государственные посты «среднего и мелкого дворянства», а также выходцев из социальных низов⁸³.

Та же проблематика изучалась и М.Д. Рабиновичем, проанализировавшим в своей статье социальное происхождение и имущественное положение офицерского состава русской армии в конце Северной войны⁸⁴.

Важным шагом в разработке проблем социально-экономического развития южных уездов России, в частности, проникновения крупного светского феодального землевладения в данный регион, являются исследования А.А. Новосельского, В.И. Недосекина, М.Т. Белявского и А.Г. Слюсарского. Так, в довоенных работах А.А. Новосельского автором были показаны масштабы экспансии крепостнического землевладения в ЦЧР к концу XVII в., а также дана характеристика и периодизация правительственной политики в отношении землевладения однодворцев и нижних чинов на Юге страны. Весьма значимы наблюдения В.И. Недосекина и М.Т. Белявского давших достаточно точную оценку роли захватов государственных и однодворческих земель в расширении южных дворянских вотчин в XVIII столетии⁸⁵.

Целый ряд исследований посвящен раскрытию эволюции светского феодального землевладения на основе анализа материалов, характеризующих экономические аспекты развития отдельных дворянских вотчин (А.Л. Шапиро, Н.И. Бураковская, П.К. Алефиренко, Л.И. Петрова, В.И. Крутиков, С.М. Троицкий)⁸⁶.

Трудно переоценить и исследования В.М. Кабузана, являющиеся одними из базовых в разработке проблем народонаселения и истории податных сословий России XVIII-XIX вв.⁸⁷

Значительное внимание в советской историографии уделяется и общим

проблемам развития сельскохозяйственного производства, генезиса буржуазных начал в сельском хозяйстве, развитию рынка, в частности хлебного, экономическому положению крепостного крестьянства, в том числе и в ЦЧР (Л.В. Милов, В.К. Яцунский, Н.А. Горская, В.М. Слободин, К.В. Сивков, П.А. Колесников, А.Л. Шапиро, Н.Л. Рубинштейн, Б.Б. Кафенгауз, С.М. Троицкий, Н.М. Шепуковой, Н.И. Павленко, Г.С. Лялина, В.Н. Павленко, Е.И. Индова, Б.Н. Миронов, М.Ф. Прохоров и др.)⁸⁸.

Однако несмотря на значительные успехи, достигнутые отечественной исторической наукой, в том числе учеными ЦЧР, в изучении землевладения дворянства в России XVII-XVIII вв., 1-я половина XVIII столетия остается менее исследованной. Так, в частности, по Центрально-Черноземному региону дальнейшей разработки требуют вопросы, связанные с количественным, а также структурным анализом дворянского поместно-вотчинного фонда. В недостаточной степени изучен чиновный состав дворян – землевладельцев ЦЧР, а также те аспекты землевладения привилегированного сословия, которые связаны с родовой организацией дворянства. Нельзя признать всесторонней и разработанность проблем, относящихся к движению населения в южных уездах страны. Также существует необходимость продолжения исследования целого ряда общих проблем, относящихся к сфере законодательного регулирования дворянского землевладения в 1-й половине XVIII века в первую очередь на основе введения в оборот новых архивных данных.

* * *

Настоящая работа построена на анализе преимущественно неопубликованных источников, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), часть из которых впервые вводится в научный оборот. Были привлечены материалы фондов как центральных, так и местных учреждений 1-й половины XVIII века. Среди них, в первую очередь, фонды 248 (Сенат и его учреждения), 264 (VI Департамент Сената), 1209 (Архив прежних вотчинных дел), 350 (Ландратские книги и ревизские сказки), 342 (Комиссия о сочинении нового Уложения), 447 (Тамбовская провинциальная канцелярия) и 453 (Шацкая

провинциальная канцелярия). Автор также обращался к отдельным материалам, находящимся в Архиве Российской Академии Наук (РАН)⁸⁹.

Использованные в исследовании архивные источники мы разделили на две группы.

Первую группу составили многочисленные официальные материалы, характеризующие различные стороны законодательного регулирования дворянского землевладения в изучаемый период.

Здесь следует указать разнообразные законодательные акты, регламентирующие права дворянства на распоряжение недвижимостью; неопубликованные варианты писцовых наказов и межевых инструкций, а также документы, раскрывающие процесс их обсуждения; материалы, касающиеся истории помещичьей системы в 1-й половине XVIII века и связанные с раздачами и конфискацией помещичьих земель; делопроизводственную документацию; судебно-следственные дела.

Наиболее важными среди них являются вводимые нами в научный оборот материалы, касающиеся принятия указа 16 марта 1736 г. о запрещении помещичьих раздач и обсуждения планов их возобновления в 30-начале 40-х гг. XVIII в.⁹⁰ Значительный интерес также представляют неопубликованные проекты межевой инструкции и писцового наказа Анны Иоанновны, восполняющие пробелы в эволюции межевого законодательства конца XVII-2-й половины XVIII вв.⁹¹ Крайне существенными, с научной точки зрения, являются документы, раскрывающие причины провала межевания 1755-63 гг., в частности, «Рассуждение ... каким образом государственное размежевание производить», поданное в 1765 г. в Комиссию о государственном межевании надворным советником П. Херасковым⁹².

Вторую, и основную, группу источников составляют архивные материалы статистического характера, отражающие распределение феодально-зависимого населения между представителями сословия светских феодалов в ЦЧР в 1-й половине XVIII в., использованные нами для анализа размещения, чиновной и родовой структуры дворянских владений в вышеуказанный период. К их числу

следует отнести Алфавиты к Сказкам Генерального двора 1700 г., Табель 1737-38 гг., а также прокурорские ведомости и сказки III ревизии.

Отсутствие данных о размерах пашни и других угодий, составлявших земельный фонд дворянства в 1-й половине XVIII в., объясняется тем фактом, что в указанное время объектом налогообложения являлись двор, а затем ревизская душа. Кроме того, за период со 2-й четверти XVII в. до 2-й половины XVIII в. в России не было проведено полностью ни одного межевания земель: валовое описание конца XVII в. завершено не было и не затронуло значительного числа уездов, попытка межевания при Анне Иоанновне провалилась еще на стадии подготовки межевой инструкции, а в период правления Елизаветы было обмежевано только 359 дач⁹³. По этим причинам правительству для оценки размеров земельных угодий приходилось пользоваться старыми писцовыми книгами⁹⁴.

В отечественной исторической науке вопрос о возможности анализа структуры землевладения на основе данных о населенности земель был решен положительно. Так, М.А. Цветков, рассматривая взаимосвязь между населенностью губерний Европейской России в XVIII-начале XX вв. и их распаханностью, пришел к следующим основным выводам: 1) между количеством населения и количеством пахотной земли существует «несомненная определенная связь», и при неизменной системе земледелия с увеличением населения увеличиваются размеры сельскохозяйственных угодий; 2) «количество пахарей может служить мериллом для определения общих размеров пашни»⁹⁵. Выводы М.А. Цветкова фактически были подтверждены Я.Е. Водарским⁹⁶. Кроме того, в тех случаях, когда отсутствуют полные данные о пашне и других земельных угодьях, анализ размеров имений на основе их населенности является единственно возможным, а главное достоверным и достаточно точным методом, что было продемонстрировано в работах Я.Е. Водарского, О.А. Шватченко, В.М. Воробьева, А.Я. Дегтярева, Н.М. Шепуковой⁹⁷.

Постараемся подтвердить эти выводы с помощью методов математической статистики.

Для выяснения характера зависимости между населенностью и размерами

имения воспользуемся корреляционным анализом⁹⁸, который дает возможность установить, ассоциированы ли наборы данных по величине. В том случае, если большие значения из одного набора данных связаны с большими значениями другого набора, говорят о положительной корреляции, и наоборот, при связи меньших значений одного ряда данных с большими значениями другого – об отрицательной. Колебания коэффициента корреляции возможны в пределах от -1 до 1, и чем ближе он к предельному значению, тем выше связь между изучаемыми признаками. С ослаблением степени этой взаимосвязи, их корреляция приближается к нулю.

Оценим характер распределения данных, т.е. является ли оно нормальным. Нормальным считается распределение, обладающее следующими свойствами:

1. Значения выше среднего встречаются с той же вероятностью, как и значения ниже среднего.
2. Значения, расположенные ближе к среднему, более вероятны, чем значения, расположенные дальше от среднего.

Поскольку крупные имена встречаются гораздо реже, чем мелкие, то распределение данных не будет являться нормальным.

В этих обстоятельствах обычно используют так называемые непараметрические методы оценки корреляции рядов данных, в частности методику К. Спирмэна, основанную на применении рангов.

Ее суть такова:

1. Каждой единице совокупности присваивается номер (ранг), который отражает ее положение в ряду данных, с точки зрения возрастания количественного признака (см. приложения 32, 33).
2. Подсчитывается разница рангов (обозначается – d_i) по каждой паре соответствующих друг другу показателей.
3. Далее вычисляется коэффициент корреляции Спирмэна (обозначается – ρ) по нижеследующей формуле:

$$\rho = 1 - \frac{6 \sum_{i=1}^n d_i^2}{n(n^2 - 1)},$$

где n – количество пар всех признаков,

$\sum_{i=1}^n$ – знак суммирования всех вариантов от 1 до n .

4. В том случае, если подсчитанная величина ρ превосходит критическую величину рангового коэффициента Спирмэна (табличное значение), то говорят, что коэффициент корреляции ρ является существенным или значимым, а, значит, вывод о взаимосвязи между изучаемыми признаками, сделанный на основе выборки, может быть распространен на всю генеральную совокупность.

В нашем распоряжении находятся данные за 1-ю половину XVIII века по 57 имениям Центрально-Черноземного региона, в частности, подворные описи из отписных книг, опубликованных К.В. Сивковым (см. приложения 32, 33). Подсчет выявил, что коэффициент корреляции (ρ) между населенностью владения и общими размерами пашни по указанной выборке (36 имений) равен 0,75. Зависимость между числом душ м.п. и площадью обрабатываемой земли (36 имений) еще выше – коэффициент корреляции в этом случае равен 0,90. Исходя из того, что ρ может быть равно единице лишь в случае строгой линейной зависимости между признаками, взаимосвязь между населенностью и размерами имения, на основании вышеприведенных данных, следует признать весьма высокой.

Поскольку в обоих случаях рассчитанные показатели превышают табличные значения коэффициента корреляции Спирмэна⁹⁹, выводы о высокой степени зависимости между площадью имения и его населенностью, сделанные выше на основе выборки, могут быть распространены на весь комплекс дворянских имений изучаемого времени.

Для классификации имений по их величине мы воспользовались подхо-

дом Я.Е. Водарского, который относил к числу мелких владения с численностью крепостных от 1 до 20 душ м.п., к средним – от 21 до 100 душ м.п., к крупным – с населенностью более 100 душ. В ряду крупных поместий и вотчин выделяются следующие группы имений: с числом душ м.п. от 101 до 500, от 501 до 1000, от 1001 до 2000 и более 2000¹⁰⁰. При пересчете числа дворов в души м.п. использовалось соотношение – 4,5 души м.п. на двор¹⁰¹.

Подтвердив возможность использования данных о населенности дворянских имений для анализа их размеров, перейдем к характеристике самих источников.

Как было показано Я.Е. Водарским, сказки, поданные светскими феодалами на Генеральный двор в селе Преображенском в 1699-1700 гг., в соответствии с указом о наборе в армию даточных людей, отражают размещение крестьянских дворов, принадлежавших дворянству, на рубеже XVII-XVIII вв.¹⁰² В 1852-1855 гг. по материалам Сказок были составлены Алфавиты¹⁰³, которые являются более удобным в использовании источником, имеющим четкую алфавитную пофамильную структуру. В Алфавитах за каждым владельцем указано количество дворов по уездам, иногда с разбивкой по населенным пунктам.

Алфавиты к Сказкам Генерального двора использовались Я.Е. Водарским для анализа размещения поместно-вотчинного фонда светских феодалов в России в 1700 г. Историком были опубликованы перечни фамилий лиц, упоминаемых в Сказках, а также итоги обработки Алфавитов¹⁰⁴. Однако возможность применения данных источника для изучения чиновной и родовой структуры дворянских владений исследователем использована в полной мере не была.

Источник охватывает 90 % дворовладения светских феодалов в ЦЧР на начало XVIII века (см. приложение 1). Чиновные характеристики землевладельцев, содержащиеся в Сказках и Алфавитах, являются далеко не полными. Однако, если для книг № 661 и 662, в которые вошли преимущественно представители средних и низших слоев привилегированного сословия, указание чина помещика или вотчинника является исключением, то в книге № 664, содержащей алфавит фамилий «бояр, окольничих и других почетных лиц», в подавляющем

большинстве случаев чины обозначены. Дополнив эти данные фактами о дворовладении думных, верхушки дворцовых чинов и стольников, содержащимися в книгах 661, 662, мы можем получить достаточно полную картину структуры поместно-вотчинного фонда верхушки сословия светских феодалов, а, следовательно, и остального дворянства, в нее не входившего.

Весьма ценным источником по широкому кругу вопросов, связанных с аграрной историей России 1-й половины XVIII века, является Табель 1737-38 гг., составленная в царствование Анны Иоанновны по материалам I ревизии, для проведения рекрутского набора¹⁰⁵. Источник был введен в широкий научный оборот Я.Е. Водарским и Н.М. Шепуковой. Однако несовершенная методика обработки данных, содержащихся в источнике, использованная исследователями, значительно исказила реальную структуру дворянских владений¹⁰⁶.

В Табель внесены данные о фамилии, имени и отчестве владельцев (иногда указан чин), местоположении вотчин (уезд, стан, волость, село, деревня и т.д.). Указано число душ м.п., положенных в оклад за владельцем по I ревизии как по имению в целом, так и по отдельным селам и деревням.

Фактически Табель 1737-38 гг. содержит два слоя данных: 1) итоговые данные I ревизии, 2) в источнике частично учтены изменения, произошедшие в структуре вотчинного фонда с момента завершения ревизии до 1737-38 гг. Среди них: переходы имений от владельца к владельцу, в том числе и раздел владений; по ряду уездов указаны «прибылые» после переписи и «сысканные» беглые крестьяне; отмечены отдельные отписные имения. Однако данные Табели не могут характеризовать дворянское душевладение 2-й половины 30-х гг. XVIII века, как утверждали Я.Е. Водарский и В.М. Кабузан¹⁰⁷, поскольку уточнения касаются лишь отдельных владений, а число «прибылых» крестьян незначительно. Кроме того, в тех случаях, если в Табели отмечался переход или раздел имения, количество душ м.п. указывалось на момент I ревизии. Часть владений в Табели записана за дворянами, скончавшимися задолго до 2-й половины 30-х гг. XVIII в. Исследователи также упускают тот очевидный факт, что между I и II ревизиями никаких других переписей податного населения общероссий-

ского масштаба не проводилось, и, как следствие этого, «уточнения», внесенные составителями Табели 1737-38 гг. в материалы I ревизии лишь искажают первоначальный источник. Тем не менее структура Табели 1737-38 гг. все-таки предоставляет возможность, исключая более поздние данные, достаточно полно восстановить структуру вотчинного фонда дворянства на момент завершения I ревизии в ЦЧР, что и было сделано.

Датируя данные, полученные таким образом, обратим внимание на особенности проведения I ревизии. Она осуществлялась в два этапа: 1) подача сказок – 1719-1721 гг. и 2) «свидетельство душ м.п.» – 1722-1728 гг., ставшее «в сущности ... новой переписью». «Сказки периода свидетельства ... фиксировали происшедшие с 1719-1721 гг. перемены в ... составе» населения. подача большей части сказок во время 2-го периода переписи фактически завершилась к 1725 г.¹⁰⁸ По этой причине информацию, содержащуюся в Табели 1737-38 гг. (после исключения «уточнений», внесенных ее составителями), мы датируем серединой 20-х гг. XVIII в.¹⁰⁹

Данные Табели, по сравнению с Алфавитами 1700 г., менее полны: отсутствуют материалы по 8-ми уездам, в которых было сосредоточено около $\frac{1}{3}$ помещичьих крестьян ЦЧР: Белевскому, Брянскому, Карачевскому, Кромскому, Мценскому, Путивльскому, Рыльскому и Трубчевскому¹¹⁰. Тем не менее, сведения, содержащиеся в Табели 1737-38 гг., являются репрезентативными и достаточно полно характеризующими дворянский вотчинный фонд по подавляющему большинству уездов ЦЧР, что наглядно продемонстрировано в приложениях 2 и 3, а сопоставление данных Табели с другими документами позволяет свести к минимуму вышеперечисленные недостатки источника.

Для решения поставленных задач нами также используются материалы III ревизии (1761-1767 гг.): в первую очередь прокурорские ведомости¹¹¹ и ревизские сказки¹¹².

Поуездные ведомости о численности оброчных и барщинных крестьян по III ревизии были составлены воеводскими и провинциальными канцеляриями в 1765-67 гг. по запросу генерал-прокурора кн. А.А. Вяземского¹¹³.

На ценность ведомостей как исторического источника обратил внимание еще В.И. Семевский¹¹⁴. Однако в историографии получили распространение лишь итоговые данные из прокурорских ведомостей¹¹⁵. Полная обработка материалов по ЦЧР и привлечение их в качестве источника по истории дворянских вотчин производятся впервые.

В ведомостях содержатся данные о количестве крестьян в каждом имении (с разделением на барщинных и оброчных), чинах, фамилии, имени и отчестве владельцев, указаны наименования населенных пунктов, в которых проживали крепостные¹¹⁶. Сведения, содержащиеся в прокурорских ведомостях, мы дополнили данными из сказок III ревизии, что объясняется отсутствием ведомостей по ряду уездов или их неполнотой.

Следует отметить, что к настоящему времени в научный оборот прочно вошли многочисленные итоговые таблицы III ревизии. Однако первичные материалы переписи были незаслуженно обойдены вниманием исследователей. Между тем, ревизские сказки являются весьма информативным историческим источником.

Ревизии носили сословный и феодальный характер и выполняли фискальные функции, поскольку учитывали исключительно податное население. Ревизская сказка также являлась документом, подтверждающим право собственности феодала на крепостное население вотчины.

Проведение III ревизии осуществлялось непосредственно губернскими, провинциальными и воеводскими канцеляриями¹¹⁷, и подавляющее большинство сказок этой переписи сохранилось в копиях, направленных в центральные учреждения. Сказки содержат данные о владельце (ФИО, чин) и расположении имения; нередко указан собственник вотчины на время II ревизии. В сказку поименно вносились все крепостные, проживавшие в вотчине (в том числе и лица женского пола), с указанием возраста, семейного положения; в ряде случаев особо выделяются дворовые. В источнике отмечаются изменения произошедшие в составе населения имения между ревизиями (перевод крепостных, купля-продажа, бегство, рождение, смерть и т.д.). В ряде уездов формуляр сказки

включал в себя итоговые подсчеты душ обоего пола по II и III ревизиям. В случае изменения состава населения в ходе самой ревизии, вотчинники подавали дополнительные сказки. Подавляющее большинство переписных материалов относится к периоду 1761-1762 гг.

Привлеченные нами для анализа размещения и структуры дворянских вотчин ревизские сказки, как было отмечено Ф.И. Лаппо, являются также ценными при разработке проблем народонаселения (изучение естественного прироста и миграционных процессов), дают сведения о случаях бегства крестьян. Содержат косвенные данные о вытеснении однодворцев с их земель дворянами¹¹⁸.

В общей сложности, использованные в работе источники, зарегистрировали 85 % крепостных, числившихся по III ревизии в Белгородской и Воронежской губерниях (см. приложение 4) и весьма полно отражают размещение дворянских вотчин в регионе на это время. Чиновные характеристики дворянства, владевшего имениями в ЦЧР к 1762 г., также являются репрезентативными, поскольку известны для дворян, в собственности которых находилось 71,5 % крепостных региона (см. приложение 5). Кроме того, естественно образовавшаяся выборка, с данными о чинах владельцев имений, весьма точно отражает структуру вотчинного фонда дворянского сословия в целом (см. приложение 6).

Следует заметить, что проводимые в течение 1-й половины XVIII в. реформы административно-территориального деления практически не затронули поуздную структуру Юга России¹¹⁹. Кроме того, возможная утайка крепостного населения от переписи не влияет на итоговые данные в части структуры владений. По этим причинам данные Алфавитов 1700 г., Табели 1737-38 гг. и материалов III ревизии являются полностью сопоставимыми. Итоги обработки источников представлены в табличной форме в приложениях¹²⁰.

Наряду с архивными материалами, для раскрытия темы исследования привлекались опубликованные источники.

Так, весьма серьезную базу для анализа законодательного регулирования прав дворянства на землю и крепостных представляет собой Полное собрание

законов Российской империи¹²¹. Были привлечены публикации Соборного Уложения 1649 г., законодательства XVII в., а также глав проекта Уложения 1754-66 гг.¹²² Значительная часть актового материала вошла в Сборники Русского Исторического Общества¹²³. Научный интерес представляют отдельные публикации материалов по истории межевого дела¹²⁴.

В работе также использованы, опубликованные Я.Е. Водарским, итоговые ведомости II-III ревизий, характеризующие размещение различных категорий податного населения в изучаемом регионе¹²⁵. Полнота данных содержащихся в ведомостях не вызывает сомнения¹²⁶.

В качестве источника нами привлечены, изданные Я.Е. Водарским и О.А. Шватченко, перечневые ведомости к Алфавитам Сказок Генерального двора¹²⁷, которые содержат сведения о дворовладении дворянских фамилий России на рубеже XVII-XVIII вв.

Крайне важным источником по аграрной истории России 1-й половины XVIII в. являются отписные книги, составлявшиеся при конфискации имений. Часть отписных книг 1-й четверти XVIII века была опубликована К.В. Сивковым¹²⁸. Книги содержат подробную информацию об общих размерах имения (нередко выделяются угодья по категориям – пашня, сенокосы, леса, рыбные ловли, бортные ужожаи, охотничьи угодья и т. д.), формах эксплуатации (с указанием площади барской запашки, крестьянских наделов, размеров и видов оброка), населенности крестьянского двора, составе семьи, крестьянском хозяйстве¹²⁹. Отписные книги были использованы нами для оценки взаимосвязи населенности дворянских имений и их размеров.

В качестве источника также привлекались многочисленные генеалогические справочники, позволившие дополнить и уточнить социально-чиновные характеристики ряда представителей дворянского сословия¹³⁰.

Несмотря на то, что значительная часть вышеперечисленных источников уже использовалась в отечественной исторической науке для разрешения различных проблем, касающихся аграрной истории России¹³¹, следует признать тот факт, что их потенциал раскрыт далеко не полностью, и на их основе пред-

ставляется возможным дать комплексный анализ эволюции имений дворянского сословия в Центральном Черноземье в 1-й половине XVIII столетия.

* * *

В качестве **методологической базы** исследования использовались как общелогические (анализ, синтез, абстрагирование, обобщение и т. д.), так и научные методы. Среди последних следует выделить материализм, как основной методологический принцип анализа общества; диалектическое рассмотрение всех процессов во взаимосвязи и развитии; системный подход, в основе которого лежит рассмотрение объектов исследования как целостной системы; исторический метод, базирующийся на выявлении исторических фактов и воссоздании на их основе логики и закономерностей исторического развития; метод классификации, использующийся для структурирования объектов исследования на основании существенных признаков. Для исследования степени взаимосвязи населенности имений и их размеров был привлечен метод корреляционного анализа¹³². В качестве дополнения к вышперечисленным использовался количественный метод, применяющийся для сравнения объектов со стороны их количественных характеристик.

Научная новизна представляемой диссертационной работы, по мнению автора, определяется тем, что на базе привлечения массовых архивных источников впервые дан комплексный анализ эволюции дворянских имений в Центрально-Черноземном регионе России в 1-й половине XVIII в. Приложения содержат количественные характеристики этого процесса. Часть источников впервые вводится в научный оборот.

Практическая значимость диссертации заключается в возможности дальнейшей разработки темы как в региональном масштабе, так и в более широких территориальных рамках. Материалы настоящей работы могут быть использованы преподавателями и студентами вузов в рамках учебных курсов по отечественной истории, права, а также краеведению. Статистические данные, приведенные в приложениях к диссертации, представляют практический интерес для исследователей, занимающихся аграрной историей Центрально-

Черноземного региона России XVIII в., и по этой причине могут служить основой для создания общедоступной компьютерной базы данных.

На защиту выносятся следующие основные положения:

1. Автором проанализированы основные направления законодательного регулирования дворянского землевладения в 1-й половине XVIII в.

2. Изучено размещение дворянских владений и их количественные характеристики. Прослежены хронология, основные этапы и региональная направленность процесса расширения владений светских феодалов в Центральном Черноземье. Представлена поуездная и общая структура дворянских владений в ЦЧР в 1-й половине XVIII в.

3. Получены данные о чиновной структуре дворянских имений Центрального Черноземья в 1-й половине XVIII в. Сделаны выводы о соотношении в регионе владений различных социально-чиновных групп на протяжении указанного периода. Выявлена общая зависимость между чиновным статусом дворянина, величиной и структурой его владений.

4. Рассмотрена эволюция родовой структуры дворянских владений в Центрально-Черноземном регионе в 1-й половине XVIII в. Проанализирована роль княжеской аристократии и нетитулованных старомосковских родов, провинциального дворянства и «новой знати» в расширении крепостнического землевладения в регионе в указанный период. Выявлены изменения, произошедшие в соотношении размеров земельного фонда вышеперечисленных групп внутри сословия светских феодалов в ЦЧР за период с 1700 по 1762 гг. На примере Центрально-Черноземной России прослежен процесс обновления правящей верхушки дворянства за счет привлечения в нее представителей провинциальных фамилий и выходцев из низов общества.

5. Полученные результаты исследования проиллюстрированы обширным статистическим материалом, размещенном в приложениях к диссертации.

Структурно работа разделена на введение, заключение и три главы, содержит список использованных источников и научной литературы, а также приложения. Первая глава посвящена законодательному регулированию дворянско-

го землевладения в изучаемый период. Во второй и третьей главах рассматриваются размещение, а также чиновная и родовая структура дворянских имений Центрально-Черноземной России в 1-й половине XVIII века.

ГЛАВА 1. ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДВОРЯНСКОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

1.1. Особенности феодального земельного права в России в первой половине XVIII века

Основным экономическим содержанием феодальной собственности на землю являются рентные отношения между зависимым крестьянством, с одной стороны, и сословием феодалов и государством, с другой. И с этой точки зрения «феодальной мы должны именовать такую собственность на землю, которая приносит отработочную, продуктовую и денежную ренту»¹. Характеризуя основополагающие связи периода феодализма – между непосредственными производителями, сословием феодалов и феодальным государством, – рентные отношения вскрывают сущность данного способа производства.

Вместе с тем, следует подчеркнуть, что существует и юридическая сторона проблемы. И одним из важнейших вопросов, связанных с анализом дворянского землевладения 1-й половины XVIII в., является вопрос о том, каким образом право и законодательная практика того времени определяли сущность таких важнейших понятий, как «собственность», «владение», «движимое» и «недвижимое имущество».

Как справедливо было замечено рядом отечественных исследователей, одной из характерных черт феодального права, в том числе и позднего периода, было отсутствие четких границ между правом собственности и другими вещными правами (распоряжения, владения, пользования). Правосознание и законодательство России 1-й половины XVIII века также, как и средневековое европейское право, использовали в качестве термина, обозначающего обладание какой-либо вещью, объектом, термин «владение». Отношения собственности (само понятие появляется в отечественном законодательстве только в 1767 г.²) рассматривались лишь как более «твердое», более обоснованное, наследственное владение. Одной из основных причин подобного положения дел являлось то,

что «в феодальном обществе преобладающую роль играло не право свободной, необремененной собственности, обеспечивающее его носителю ... полную всестороннего и исключительного господства над вещью, но разнообразные формы связанной, обремененной» и условной собственности³. Кроме того, причина отсутствия четких границ между различными формами вещно-правового господства заключалась и в том, что феодальная собственность по самой своей природе являлась одновременно собственностью всего сословия феодалов и предполагала множественность субъектов отношений собственности одновременно⁴.

С этой точки зрения удовлетворительное разрешение проблемы сущности поземельных отношений в феодальной России возможно лишь на основе осознания того факта, что «носителем юридического титула неограниченного и безусловного земельного собственника ... выступала корпорация со-собственников, то есть совокупный класс феодалов» во главе с монархом и, рассматривая межфеодальный аспект общественных взаимоотношений, связанных с собственностью на землю, необходимо учитывать, что, несмотря на существенное упрощение иерархии земельных собственников⁵, к началу XVIII в. между феодалом и верховным собственником – государем сохраняется промежуточное звено – дворянский род. Как следствие этого, собственность отдельно взятого представителя дворянского сословия в значительной степени была ограничена как правами рода, так и правами монарха – верховного собственника земли. Вместе с тем, как справедливо замечал М.А. Барг, «перед лицом своих наследственно-зависимых крестьян» дворянин являлся носителем права «свободной, неделимой, безусловной» и полной собственности⁶.

Одной из основополагающих черт феодальной собственности также являлось то, что земельные отношения в феодальном обществе самым тесным образом были связаны с публично-правовыми отношениями, и в качестве одной из форм этого единства на этапах развитого и позднего феодализма выступала вотчинная юрисдикция землевладельца по отношению к крепостному крестьянству⁷. Вследствие этого, не подвергая сомнению общую направленность эво-

люции феодальной собственности, в том числе и в России, в сторону постепенной концентрации прав собственности на землю в руках непосредственного ее владельца в ущерб всей иерархии земельных собственников, необходимо учитывать, что превращение феодальной собственности в частную предполагает не только максимальное расширение прав собственника по отношению к объекту собственности, но также и концентрацию публично-правовых функций в руках государства, а этот процесс может быть завершен лишь в случае ликвидации крепостной зависимости.

В 1-й половине XVIII в. существовало деление недвижимости на родовую (полученную по наследству, либо купленную из поместья в вотчину и субъектом собственности которой являлся дворянский род), выслуженную (полученную от короны в качестве вознаграждения за службу) и благоприобретенную (право собственности на которую приобретались путем частных сделок с чужеземцами и казной). Традиционно выслуженные вотчины приравнивались по статусу к родовым. Переход имени из разряда благоприобретенного в число родового происходил в случае его однократного наследования родственником. Родовое имущество, проданное родственнику, не переставало быть родовым⁸.

Законодательные акты 1-й половины XVIII в. позволяют нам выявить, какой смысл вкладывался в данное время в термины «недвижимое» и «движимое имущество», рассмотреть изменение их дефиниции, а также причины этой эволюции. Впервые сущность понятия «недвижимые вещи» раскрывалась в пунктах 1714 г., и под этим термином подразумевались родовые, купленные, выслуженные вотчины и поместья, а также дворы и лавки⁹. Указ 25 октября 1730 г. включал в категорию недвижимого имущества примерно тот же перечень объектов собственности – поместья и вотчины, дворы, лавки, амбары, каменные погреба, соляные варницы «в Москве и по городам». Вопрос о том, к какой категории имущества относились «люди и крестьяне», решался данным законодательным актом весьма нечетко¹⁰. Однако проект Уложения 1720-1725 гг. рассматривает их как «недвижимое»¹¹. Следовательно, под терминами «вотчина» и «поместье», упоминаемыми в указах 1714 и 1730 гг., по всей видимости, подразуме-

валось имение как единый территориально-хозяйственный комплекс, в том числе поселенные в нем крепостные. В пользу указанного толкования данных терминов говорит и Сенатский доклад, поданный императрице в конце 1730 г., в котором упоминается, что при разделе имений по пунктам 1714 г. «в деревнях обретающийся хлеб, лошади и всякой скот» ошибочно «за движимое почитают»¹². Таким образом, необходимость единонаследия в период с 1714 по 1730 г., а также стремление правительства сохранить дворянские имения как единое производственное целое предопределили включение в состав недвижимого имения тех имуществ, которые должны были быть и позднее были отнесены к движимости.

Значительный интерес с точки зрения разрешения вышеозначенной проблемы представляет глава I «Что есть движимое и недвижимое ...» проекта Уложения, составленного в правление Анны Иоанновны. В нем сохранились три варианта статьи, посвященной дефиниции понятий «движимое» и «недвижимое имение»¹³. Первый вариант датируется 20 сентября 1731 г., время составления второго определено нами между 8 декабря 1738 г. и 6 апреля 1739 г., третий вариант, самый поздний, также был составлен до 6 апреля 1739 г.¹⁴ В первом варианте к недвижимому имению относятся: 1) родовые, выслуженные, купленные вотчины и поместья, 2) дворы, сады, пруды, мельницы, «пчелы», «всякия заводы и фабрики какова б звания ни были», находящиеся в поместьях и вотчинах, 3) дворовые люди и крестьяне с землею и без земли, 4) «всякия по вотчинным делам иски и возвращенныя по вотчинам выкупныя деньги, которыя взять надлежит, а до смерти вотчинника в дом не взяты», 5) скот, птица и хлеб в деревнях вотчинника.

К движимому отнесены: 1) городовые и загородные дворы и лавки, 2) заводы и фабрики, построенные, «кроме деревень», на городских и загородных дворах, на наемных и на данных к фабрикам и заводам землях, 3) «в тех дворах и заводах» «всякие пожитки», наличные деньги, мебель, платье, утварь, домашний скот и птица «и тому подобные вещи», 4) долговые деньги, «которыя не по вотчинам принадлежат», заслуженное жалование, хлеб (в городских и загород-

ных дворах, на фабриках), 5) иски, «которые умершему принадлежат не по вотчинам, но по особливым делам», 6) платье, посуда, «конские ... уборы» в деревнях и дворах вотчинника.

Первый вариант статьи обращает на себя внимание откровенной классификацией имущества на движимое и недвижимое по сословному критерию: одни и те же объекты собственности – заводы, фабрики, хлеб, домашний скот и птица относятся к различным видам имущества только на основании того, кто является собственником. Подобный подход противоречил законодательной практике, сложившейся с начала века¹⁵.

Как следствие этого, во втором варианте из перечня движимого имущества были исключены, а к недвижимому причислены городские, загородные дворы и лавки «со всяким же каменным и деревянным и прочим строением», дворовые и лавочные места, а также заводы и фабрики, построенные «не в деревнях», со всеми строениями, инструментами, мастерскими, работными людьми, «к ним принадлежащими». Домашний скот и птица «в домах и деревнях вотчинников», в отличие от 1-го варианта, рассматриваются как движимость. Третий вариант содержал перечень недвижимости практически аналогичный предыдущему.

Несмотря на столь значительные разночтения вариантов статьи, указывающие на то, что четкая дифференциация имущества на движимое и недвижимое в 30-е гг. XVIII в. еще не сложилась, наметившаяся к этому времени тенденция в классификации имущества была реализована в законодательном порядке в начале 60-х гг. В 1762 г. были признаны недвижимым имуществом заводы, фабрики, мануфактуры «со всяким строением», «медные и железные рудники, соляные росолы и трубы», а также земли, леса, «люди и крестьяне, ... к тому принадлежащая». Был также подтвержден статус недвижимости для дворов¹⁶. В качестве движимого имущества рассматривались скот, хлеб сжатый и молоченый, инструменты, «материалы», уборы и различные «припасы» и иные «движущиеся вещи» во дворах, лавках, заводах, фабриках и вотчинах, а также «выработанные на ... заводах ... руды, металлы и принадлежащие к тому материалы и ин-

струменты» и прочее, «что состоит в наружности и из земли уже приобретено»¹⁷. Законодательство более раннего периода относилось к данному разряду имуществ также драгоценные камни, деньги, серебро, уборы, экипажи¹⁸.

1.2. Правовое регулирование дворянского землевладения в первой половине XVIII века

Одним из важнейших процессов, протекавших в сфере феодального землевладения России 1-й половины XVIII в., стала монополизация дворянством права владеть населенными и ненаселенными землями.

Традиционным для этого времени был запрет на владение недвижимостью, в том числе и землей, для дворцовых, синодальных, архиерейских, монастырских и помещичьих крестьян¹⁹. Право собственности на ненаселенные земли категорически не признавалось за купечеством, а владение деревнями обуславливалось исключительно наличием фабрик и заводов с припиской деревень к последним. То есть, сословию было предоставлено право владения землей лишь как средством обеспечения посессионных крестьян²⁰. В начале 60-х гг. XVIII столетия права владеть землей и крепостными лишилась церковь²¹.

Одновременно с монополизацией дворянством права на земле- и душевладение, на всем протяжении изучаемого периода происходят достаточно сложные изменения в структуре самого сословия. Осуществляются слияние различных привилегированных социальных групп и унификация их сословного статуса, а также включение в состав шляхетства выходцев из других сословий, основанное на новом принципе – личной выслуги. Однако данный процесс имел и обратную сторону – «уточнение» социального состава сословия, что в ряде случаев вело к лишению части его представителей дворянского достоинства и как следствие этого – дворянских привилегий.

В начале XVIII в. в состав шляхетства автоматически были включены московские чины, а также весьма узкий круг городских дворян²², служивших по московскому списку и по нарядам из Разрядного приказа. В данное время также

началось достаточно интенсивное пополнение дворянского сословия выходцами из низов общества, которое основывалось на 11 и 15 пунктах Табели о рангах 1722 г., положивших начало приобретению дворянского достоинства по выслуге. В соответствии с ними представители непривилегированных сословий получали потомственное дворянство, дослужившись в воинской службе до 14 ранга (обер-офицерские чины), а по гражданской и придворной табелям – до 8-го ранга. Гражданские и придворные чины 14-9 классов не могли передавать дворянское достоинство своим потомкам, поскольку имели личное дворянство²³. (Необходимо отметить, что термины «личное» и «наследственное» или «действительное» дворянство были впервые употреблены лишь в Жалованной грамоте 1785 г.²⁴).

Однако право на земле- и душевладение признавалось законодательством 1-й половины XVIII в. за всеми дослужившимися до низшего чина Табели о рангах без исключения, а также за детьми, родившимися после достижения их отцами 14 класса, что было подтверждено в 1754 г. елизаветинской Межевой инструкцией²⁵. Таким образом, подобная привилегия распространялась не только на потомственных и личных дворян, но и на детей последних, которые, даже будучи рожденными «в классах», не принадлежали, согласно Табели о рангах, к «благородному сословию».

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что законодательство России вплоть до 2-й половины 50-х гг. не содержит каких-либо актов, в которых бы затрагивалась проблема законности землевладения обер-офицеров и их детей. Это позволяет сделать вывод об отсутствии в правовой практике изучаемого времени разноречивых мнений и существовании довольно четкой традиции в разрешении данного вопроса. Тем не менее, уже в начале 30-х гг. XVIII в. составители проекта Вотчинной главы Уложения не отождествляли обер-офицеров с «природным шляхетством»²⁶. Ту же позицию по отношению к этой категории служилого сословия правительство продемонстрировало и в Межевой инструкции 1754 г.²⁷

Возникновение интереса законодателя к правовому статусу обер-

офицерского землевладения мы можем отнести к концу царствования Елизаветы Петровны. Этот период стал временем усиления влияния при дворе продворянской группировки Воронцовых, что сказалось на изменении общего правительственного курса²⁸. В первую очередь это просматривается в работе Комиссии по составлению нового Уложения 1754-1766 гг. и в ряде законодательных актов 50-начала 60-х гг. XVIII в. Так, Сенатский указ 6 февраля 1758 г., опираясь на гл. XXX Межевой инструкции 1754 г. и пункты 11 и 15 Табели о рангах, исключил получивших обер-офицерские чины по гражданской и придворной табели после 13 мая 1754 г. из числа лиц, имевших право владеть деревнями на том основании, что «их дети не суть дворяне»²⁹. Вышеозначенная категория служилых людей в указе не отождествлялась с сословием дворянства, хотя и прямого указания на отсутствие у них дворянского достоинства в законодательном акте не содержится. Подобное двойственное положение выслужившихся до 14-9 классов по придворной и гражданской табелям фактически стало лишь этапом в процессе окончательного размежевания «благородного сословия» с теми ранее входившими в него общественными группами, за которыми принадлежность к дворянству признана не была. Так, указ 24 мая 1758 г. отменил предыдущий законодательный акт в части запрета на владение вотчинами для «придворных нижних чинов, состоящих в обер-офицерских рангах», однако вновь подчеркнул, что им «по учиненному в Правительствующем Сенате по Табели о рангах определению деревень иметь не велено», и напрямую не подтвердил их дворянского достоинства³⁰. 23 ноября 1760 г. было предписано «всех производимых /после 13 мая 1754 г.– Ч.С./ по статской службе не из дворян в обер-офицерские чины ... с действительно-военнослужащими в дворянстве не счислять и деревень им за собою не иметь». Как и в 1758 г., указ предписывал продать их в полгода. Определяя статус придворных чинов 14-9 ранга и их право на земле- и душевладение, законодательный акт ссылался на указ 24 мая 1758 г.³¹

Поскольку одним из важнейших направлений правительственной политики 50-начала 60-х гг. XVIII в. становится выработка дефиниции понятия «дво-

рянство», проект Уложения также уделял этому вопросу значительное внимание. К дворянству были причислены лица «происшедшие от знатных и древних поколений» Российского и других государств, а также пожалованные дворянским достоинством российским или иностранным монархом. В число дворян включались доказавшие дворянское достоинство своих предков до 1700 г. Одним из доказательств благородного происхождения могли быть пожалование земель в вотчину и из поместья в вотчину по переписным и писцовым книгам и дачи земель в указное число по писцовому наказу. Дворянами также признавались дослужившиеся в военной и гражданской службе до обер-офицерского чина до издания данного Уложения, а также их дети, рожденные в этих чинах. Со времени апробации Уложения лица недворянского происхождения, получившие в военной и статской службе чины 14 класса, не включались в дворянское сословие; дворянами являлись лишь их дети, родившиеся после достижения отцами обер-офицерского ранга. Право землевладения являлось по проекту Уложения монопольным правом дворянского сословия³².

Ряд указов конца 50-начала 60-х гг. также касался проблемы источников приобретения дворянского достоинства. Указ 13 ноября 1758 г. предписывал считать дворянами прежних служб служилых людей, записанных в десяти, а указ 23 мая 1761 г. повторяет идею проекта елизаветинского Уложения о том, что одним из доказательств принадлежности к привилегированному сословию может считаться верстание предков поместными окладами и пожалование вотчинами. При занесении в дворянский список, помимо справок Разрядного Архива о возможности причисления какого-либо лица к дворянству, требовалось также свидетельство о дворянстве просителя от его родственников. 16 октября 1761 г. Сенат предписал начать составление новой дворянской родословной книги³³. Вышеуказанные «доказательства благородства» рассматривались как таковые и в Жалованной грамоте 1785 г.³⁴

Таким образом, к концу изучаемого периода к числу лиц, имевших право владеть населенными и ненаселенными землями, относились дворяне по происхождению, а также недворяне, выслужившиеся до обер-офицерского ранга по

воинской, придворной и, до издания Межевой инструкции 1754 г., по гражданской табели, и их дети, рожденные в этих чинах. Из числа непривилегированных социальных групп правом на владение землей и крепостными обладали одноворцы и находящиеся на гражданской и воинской службе приказные служители, даже в случае отсутствия у них обер-офицерских рангов, причем последние лишь при условии, что их предки имели дачи по писцовым и переписным книгам, верстались поместными окладами, жаловались за службу из поместья в вотчину или земли им были даны по писцовому наказу в указное число³⁵.

Одной из наиболее ярких особенностей политики самодержавия периода позднего феодализма явилось активное вмешательство власти в процесс формирования дворянской земельной собственности. Использование практики пожалования и конфискации населенных имений, «непрерывное перераспределение земельной собственности», наблюдаемые на протяжении всей 1-й половины XVIII в., являлись мощным рычагом для достижения правительством политических целей: создания возле престола преданного окружения, а также обезземливания и изоляции оппозиционно настроенных представителей привилегированного сословия³⁶. Как следствие этого вопросы о роли земельных пожалований и конфискации дворянских имений, а также роли поместного права в землевладении 1-й половины XVIII в., являются одними из важнейших, связанных с раскрытием проблематики дворянского землевладения данного периода.

Реформы начала XVIII в. нарушили связь между обязательной службой дворянина и особой формой жалования за нее – поместьем. Обязанность служить стала в первую очередь следствием самого факта принадлежности человека к привилегированному сословию независимо от формы землевладения³⁷. Петровские пункты 1714 г., установившие единые принципы в наследовании как поместий, так и вотчин, послужили законодательной базой для прекращения поместных раздач. Именно то, что «новоучиненными пунктами учинено одно недвижимое, а окладов поместных ныне нет», служило основной причиной для подавляющего большинства отказов по челобитьям различных чинов о дачах из порозжих земель и дикого поля³⁸. Но, несмотря на то, что поместное

верстание было прекращено, подача челобитных как от дворян, так и от однодворцев продолжилась и после 1714 г.³⁹

Ликвидация в 1711 г. Разрядного приказа, который определял размеры поместных окладов и посылал указы о верстании и дачах челобитчикам в Поместный приказ, нарушила функционирование достаточно стройной системы. Полномочия ликвидированного Разряда не были возложены ни на одно учреждение. Созданная в 1722 г. Вотчинная коллегия, не получая указов «челобитчиком по сколько четвертей давать», имела возможность только «определять» «о сыску и досмотре и о мере и о учинении чертежей» землям, указанным в челобитных, не «чиня» самих дач. Тем не менее, не исключается, что раздачи из порозжих земель осуществлялись по решению местных властей «собою»⁴⁰. По большинству доношений из Вотчинной коллегии в Сенат о необходимости какого-либо положительного решения по челобитным о дачах из дикого поля указов получено не было. В ряде случаев как сам Сенат, так и Верховный тайный совет предписывали «указ учинить в Вотчинной калегии а ежели той калегии за чем указу учинить будет невозможно о том подать в Сенат доношение»⁴¹. Несомненно, что подобная канцелярская переписка не создавала никакой юридической базы для разрешения данной проблемы.

Указ 17 марта 1731 г. подтвердил тождественность правового статуса двух форм феодальной собственности на землю. Законодательный акт предписал «как поместья, так и вотчины именовать равно» – «недвижимое имение вотчина»⁴².

Тем не менее, как явствует из источников, вопрос о поместных раздачах не был закрыт, о чем говорит его обсуждение в правительстве по крайней мере на протяжении 30-х-начала 40-х гг. XVIII века. Одним из важнейших документов, раскрывающих судьбу поместной системы в исследуемое время, является проект Вотчинной главы Уложения 30-х гг. XVIII в. В пункте 1 «О даче земель из диких поль», 9-й ее части, были определены нормы испомещения по указным статьям служилых людей, находящихся в чинах от прапорщика до генерал-фельдмаршала по военной табели, и рангах, соответствующих им по статской и

придворной. Предполагалось также «дачи чинить» как дворянам, которые не достигли вышеуказанных рангов, так и «шляхетству, которые обретаются в прежних чинах», существовавших до принятия Табели о рангах 1722 г. В их число были включены думные, дворцовые и столичные, служившие по «московскому списку», чины, а также верхушка приказной бюрократии. «В монастыри и ... духовным чинам», а также городским подьячим, в том числе и столичным, «которые не из шляхетства», из дикого поля дачи не предусматривались⁴³. В подобном подходе к поместным раздачам возобладал сословный принцип, поскольку во всех случаях право на получение дач имели лишь представители дворянства. И если при наделении поместьями служилых людей, достигших обер-офицерских чинов, петровский принцип личной выслуги был сохранен, то по отношению к дворянам, не служившим после принятия Табели о рангах и находившимся «в прежних чинах а не в рангах», он был грубо нарушен.

Принцип непризнания за недворянами права на испомещение отразился и в вопросе о дачах из дикого поля и порозжих земель однодворцам. В проекте предполагалось сохранить за ними старые дачи, а также отмежевать те земли, которые им было помечено дать, в том случае, если на них были грамоты. Однако было указано, что «ныне равномерно им разночинцом дачи положить невозможно» и впредь из порозжих земель их «чинить» однодворцам «смотря по местам тех земель и по состоянию времени и мест особливыми ис ... Сената указами»⁴⁴. Подобные дачи предполагалось производить однодворцам, переведенным на Украинскую линию в 30-х гг. XVIII в. Поселенцам предписывалось «дать ... земли и всяких угодий каждому против того, как было давано им прежде»⁴⁵.

Важнейшим вопросом, относящимся к проблеме поместных раздач в 1-й половине XVIII в., является история составления сенатского указа 16 марта 1736 г. Документы, сохранившиеся в делах Правительствующего Сената по Вотчинной коллегии, позволяют осветить данную проблему⁴⁶.

24 ноября 1735 г. генерал-лейтенантом Румянцевым было направлено в

Сенат доношение, в котором указывалось, что «из Вотчинной коллегии в Казанскую губернию по прошением разных уездов иноверцов присылаются указы об отводе им пустых порозжих земель в поместную дачу», и они «в прежних своих местах поместные свои дачи оставя впусе переезжают на те порозжие земли и селятца вновь ... от чего ... в зборе подушных денег и в карабельной работе чинитца помешательство и доимки немало»⁴⁷. 23 декабря того же года определением Сената, а также указом в Вотчинную коллегию было предписано «впредь без указу из Сената таких дач отнюдь не чинить, а представлять в Сенате». Последний потребовал от коллегии доношения «по каким указом или собою роздают /порозжие земли.— Ч.С./ и для чего и сколько четвертей и кому имяны и в которых местах и когда роздано»⁴⁸.

В ответном доношении Вотчинной коллегии Сенату от 27 января 1736 г. было указано, что она «никому никаких дач не чинила и не чинит ... понеже ис таких порозжих земель и диких поль челобитчиком по скольку четвертей давать кроме прежних указов не имеется» и «оная калегия определяла токмо о сыску и досмотре и о мере и о учинении чертежей и о присылке оногo в Вотчинную калегию»⁴⁹. К доношению был приложен «экстракт»⁵⁰, в котором было указано, что по Казанской губернии, а также «Пензе и Синбирску» 1691 человек «татар и разночинцов ... земли требовали на 117835 чети, сенных покосов на 1552300 копен», из них по посланным из Вотчинной коллегии указам «сыски и свидетельства и мерные книги и чертежи» в коллегию были присланы только на 8186 четвертей порозжей земли. Тем не менее, «Вотчинная коллегия не токмо по показанным челобитьям но и по сыском и свидетельству и мерным книгам и чертежам тем челобитчиком никаких дач ис тех порозжих земель без указу Ея императорского величества не чинила»⁵¹.

5 марта 1736 г. был подписан именной из Правительствующего Сената указ в Новгородскую губернию, по которому было приказано «порозжих и диких земель никому без указу из Сената не давать; и о сыску и о досмотре и о мере указов не посылать и челобитен не принимать». Обязательной отписке подлежали ненаселенные дачи, которые «воеводы ... собою чинили» без указов

из Вотчинной коллегии. Аналогичные указы были посланы в Архангелогородскую, Московскую, Воронежскую, Белгородскую, Смоленскую, Нижегородскую губернии, а также в Тверскую, Орловскую, Вологодскую, Севскую провинции⁵², а 16 марта 1736 г. принимается указ подобного содержания по Казанской губернии⁵³. «Запретительный» указ Сената Вотчинной коллегии «о недаче никому из диких поль» был подписан 6 апреля 1736 г.⁵⁴

В отечественной историографии является общепринятым мнение, что данные указы⁵⁵ окончательно положили конец поместным раздачам в России. Однако подобная точка зрения не отражает всей сложности проблемы, поскольку существуют документальные свидетельства, которые позволяют утверждать, что правительство Анны Иоанновны рассматривало прекращение поместных раздач лишь как явление временное и намеревалось возобновить их, а ряд законодательных актов от марта-апреля 1736 г. о запрете сыска, досмотра, измерения порозжих земель и их раздач «без указа из Сената» были направлены в первую очередь на предотвращение неконтролируемой раздачи земли местными властями.

Отсутствие законодательной базы, на основе которой было бы возможно возобновление поместных раздач, вынуждало Сенат отказывать челобитчикам. Так, при рассмотрении в Сенате дела по челобитью полковника В. Беклемишева «о учинении ему дачи из дикой степи» 23 августа 1738 г. была вынесена резолюция, в которой указывалось, что «до опробации вотчинной главы ныне ис порозжих земель дачи ему учинить не можно понеже по нынешним рангам поместных окладов никому не учинено». Кроме того, было «велено» ускорить разработку Вотчинной главы и «от сочинения Уложения о роздаче порозжих диких земель учиненной проэкт предложить к слушанию немедленно»⁵⁶.

В ходе рассмотрения данного дела в Сенате обсуждался и вопрос о возможности возобновления поместных раздач «по прежним примером» до подписания главы, «понеже не надежно чтоб вотчинная глава в скором времени окончана и опробована быть могла». Подобный вариант излагался в ведении Сенатской конторы, которая в качестве основного условия дач из дикого поля рас-

сматривала обязательное согласование их размеров с окладами, которые впоследствии будут установлены в новом Уложении. Обосновывая то, что подобные раздачи из порозжих земель возможны и необходимы до подписания императрицей Вотчинной главы, контора указывала, что «оныя ... как известно есть к хлебному роду лутчия, а особливо в такое время когда в хлебе недород чинитца». Кроме того, по мнению конторы, «на таких диких землях за пустотою более происходит воровство и пристанище беглым». На заседании 23 августа 1738 г. эти предложения не были поддержаны Сенатом на том основании, что приведение действительных размеров дач в соответствие с указанными в Уложении окладами после апробации последнего может привести к «напрасному разорению» помещиков, вынужденных переводить «на прежняя жилища» крестьян, поселенных на землях, которые оказались бы сверх установленных новых окладов. По мнению Сената, это вело бы и к «помешательству ... в зборах Государственных». Однако 22 сентября того же года Сенат согласился с мнением Сенатской конторы, указав, что подобных негативных последствий возможно избежать, отказавшись от изъятия земель сверх оклада. По его предложению эти пашенные земли «с угодья» должны были продаваться по рублю за четверть. Вышеприведенные предложения Сената и Сенатской конторы были представлены на рассмотрение Кабинета Е.И.В., однако последний не вынес решения по данному вопросу⁵⁷.

В мае 1743 г. в Сенате также слушалось дело по челобитной М.А. Охлестышева о даче ему земель из дикого поля. Сенат не удовлетворил прошения, однако примечательна сама мотивация отказа: «понеже по имянному ... 206 году указу никому челобитчиком выморочных и порозжих земель без имянного ... указа давать не велено також и по резолюции Правительствующаго Сената 1738 году августа 23 дня положено что до опробации вотчинной главы ис порозжих земель дачи никому не чинить понеже по нынешним рангом поместных окладов никому не учинено а означенная вотчинная глава еще не опробована»⁵⁸. Таким образом, правительство Елизаветы в это время также рассматривало отсутствие поместных раздач как временное явление, сохраняющееся до

апробации Вотчинной главы Уложения.

Возрождение поместных раздач, планируемое в 30-начале 40-х гг. XVIII в., с нашей точки зрения, тем не менее нельзя расценивать как попытку возвращения к допетровскому статусу поместья и вотчины, поскольку проект Вотчинной главы сохранял единый порядок их наследования. Кроме того, этому препятствовали довольно значительные изменения, произошедшие в сфере взаимоотношений самодержавия и привилегированного сословия. Они касались как дворянских прав на распоряжение недвижимостью, так и характера служебных обязанностей дворянства, связанных в отличие от допетровского времени не столько с фактом владения земельной собственностью, сколько с сословной принадлежностью служилого человека. Однако попытка возрождения системы земельного обеспечения дворянской службы, связанной с иерархией дворянских чинов, показательна сама по себе, поскольку это подчеркивало связь дворянского землевладения, служилых обязанностей и традиций привилегированного сословия, связь, которая во многом сохранялась и после петровских реформ на всем протяжении 1-й половины XVIII столетия. Кроме того, проект Уложения в части поместных раздач из дикого поля наглядно продемонстрировал курс правительства к консолидации привилегированного сословия, поскольку, во-первых, раздачи предполагались как массовая акция в масштабах всего служилого сословия, во-вторых, проект основывался на совмещении «старой», XVII века, и «новой», петровской, служилых иерархий.

Несмотря на отсутствие практики поместного верстанья и массовых раздач из дикого поля и порозжих земель, в пожалованиях 1-й половины XVIII в., как справедливо заметил А.В. Романович-Славатинский, как до, так и после 1736 г., «сказывались следы старой поместной системы»⁵⁹. Так, указом 25 апреля 1737 г. населенные имения были пожалованы шляхетству, «находящемуся в службе при казенных горных заводах» при условии продолжения службы на них. При переходе «в другую службу» или в случае смерти без наследников мужского пола деревни передавались другим дворянам, служившим при заводах. На поступку, продажу и заклад этих имений был наложен запрет⁶⁰. Ярким

примером сохранения в землевладении 1-й половины XVIII в. элементов поместной системы служат прошения генерал-фельдцейхмейстера гр. Ф. Миниха от 23 февраля 1732 г. и 20 января 1737 г., в которых в качестве основания для пожалования и владения именьями указывается продолжение государственной службы: «обязался я ... служить еще 10 лет верно и честно» и «да повелит державство ваше ... пока я в службе Вашего И. В-ва пребуду ... всемилостивейше пожаловать мне ... село Кабону с принадлежащими к нему доходами»⁶¹. Поместные черты также усматриваются нами в пожаловании земель грузинским князьям и дворянам при создании из них гусарской роты (1738 г.), при формировании Елизаветой Сербских полков (1752 г.)⁶² и в ряде других случаев.

Тем не менее, большая часть пожалований 1-й половины XVIII в., несмотря на то, что в челобитных и указах в качестве основания для пожалования нередко указывались «долголетные ... верная службы» просителя, что вновь подчеркивало взаимосвязь служилого характера дворянства и его права владеть населенными и ненаселенными землями, носит наградной характер и не связана напрямую с поместными традициями XVII в.⁶³ Указом 20 июля 1726 г. было запрещено просить в дачу дворцовые, монастырские, лифляндские и эстляндские деревни; запрещение не распространялось только на отписные и выморочные именья. Закон подчеркивал наградной характер возможных пожалований, позволяя подачу челобитных только «заслуженным /дворянам.— Ч.С./, которые довольно служили и были на баталиях и штурмах»⁶⁴. Систематическое нарушение указа 1726 г. челобитчиками вызвало появление указа 9 августа 1733 г., который вообще запретил подачу прошений «о награждении деревнями». В нем подчеркивалось, что если кто «явится достоин, ... награждены будут без прошения их»⁶⁵. Однако сила традиции вознаграждения за службу земельными дачами и на этот раз оказалась сильнее правительственного указа. Указ 1726 г. был еще раз подтвержден 6 декабря 1742 г. — деревни могли жаловаться из конфискованных и выморочных и вновь «по усмотрению службы»⁶⁶.

Кроме основной статьи пожалования — в качестве награды за воинскую, гражданскую и придворную службу⁶⁷ — деревни как правило жаловались за

«правый донос»⁶⁸, «на прожиток» жене и детям осужденного из его конфискованного имущества. В ряде случаев либо часть, либо все недвижимое имение передавалось другим его родственникам⁶⁹. Имена могли быть пожалованы дворянину «в вечное потомственное владение»⁷⁰, либо «по его смерти», либо «по его и жены его смерти»⁷¹. Указом 27 ноября 1751 г. было предписано, что деревни, пожалованные без указания срока, считаются «дарованными в вечное и потомственное владение»⁷². Иногда деревни жаловались вместо каких-либо отписанных ранее⁷³. Встречаются пожалования одного имения нескольким лицам одновременно⁷⁴. Прибалтийские мызы, челобитные о которых продолжали подаваться в нарушение указов 1726 и 1742 гг., как правило передавались в аренду «без платежа арендных денег», либо без этой привилегии. Пожалование могло быть пожизненным, на определенное количество лет или «до указу»⁷⁵.

По далеко не полным подсчетам Е.И. Индовой, за 1-ю половину XVIII в. было пожаловано 170986 душ м.п. (или около 57000 дворов). Широкомасштабные раздачи происходили в 1700-1715 гг. – 12662 двора, 1728-1732 гг. – 19955 дворов, 1742-1744 гг. – 21297 дворов (всего за три вышеуказанных периода – 53914 дворов). Причем, они практически не коснулись самого дворцового фонда, так как из него было пожаловано 34923 души м.п., остальные же – 136063 души не являлись дворцовыми. За это же время в дворцовое ведомство были включены вотчины, в которых проживала 75331 душа м.п. Таким образом, справедливой является точка зрения, что раздачи населенных имений производились в первую очередь не из государственного резерва, а за счет перераспределения собственности – из конфискованных и выморочных имений⁷⁶.

Масштабы отписки и конфискации деревень из-за нерегулярного их учета довольно трудно определить точно, однако бесспорно, что они были весьма значительными, так как лишь за 1-ю четверть XVIII в. по подсчетам К.В. Сивкова имущество было конфисковано не менее, чем у 3000 лиц различного общественного положения⁷⁷. Основными причинами конфискации были уклонение от государственной службы, нарушения и «нерадение» по службе⁷⁸, несостоятельное поручительство, долги, недоимки по подушным податям, подлог доку-

ментов, невыполнение подрядов. Частой была отписка имений за казнокрадство, злоупотребления при исполнении служебных обязанностей, взяточничество, казенные растраты, фальшивомонетничество и другие уголовные преступления, а также раскол. Конфискация имущества являлась обычным наказанием по делам, связанным с государственной изменой и преступлениями против короны⁷⁹. Отписка могла быть в ряде случаев временной, в частности, за неявку в срок на военный смотр или в суд к рассмотрению дела⁸⁰.

Как было отмечено выше, связь между служебными обязанностями дворянского сословия и его правом на земле- и душевладение сохранялась на всем протяжении 1-й половины XVIII столетия, что находило свое выражение в первую очередь в практике пожалования и конфискации земельных владений дворянства. Однако эта взаимосвязь претерпевала значительные изменения. Классическое условное поместное землевладение уже со 2-й половины XVII в. постепенно начинает сменяться обязанностью привилегированного сословия служить как с поместья, так и с вотчины. Постепенное слияние статуса обеих форм феодального землевладения к началу XVIII в. привело к образованию «единой по своему правовому режиму ... дворянской собственности ограниченного характера»⁸¹. Обязанность службы стала неотъемлемым условием права дворянина на владение недвижимостью, и нарушение служебного долга рассматривалось короной на всем протяжении 1-й половины XVIII в. как достаточное основание для конфискации дворянского имения. Постепенная либерализация позиции правительства в отношении сроков и методов прохождения государственной службы представителями привилегированного сословия отнюдь не привела к отказу от отписки как от средства наказания дворянина за «нежелание нести государеву службу» и недобросовестное ее исполнение. Верховная власть сохраняла за собой право конфискации имений и после издания Манифеста о вольности дворянства⁸² вплоть до принятия Жалованной грамоты 1785 г.⁸³ Вместе с тем, необходимо отметить, что освобождение дворянства от обязательной службы было в достаточной мере условным, поскольку даже в Жалованной грамоте корона подчеркивала служилый характер сословия и оставляла

за собой право призвать дворянина на службу⁸⁴.

Статус земельных пожалований в течение 1-й половины XVIII столетия также значительно меняется. Если в начале века они являлись массовыми и раздачи земель производились в рамках поместной системы, то, начиная с 1714 г. вплоть до середины 30-х гг., их число резко снижается. Пожалования начинают осуществляться по большей части из числа конфискованных и выморочных имений, а не из порозжих, ненаселенных государевых земель, постепенно приобретая наградной характер. Как следствие этого, сам факт земельного пожалования превращается из общего правила в исключение. И в 40-50-х гг. пожалования, осуществляемые в той или иной мере на условии службы, становятся крайне редкими.

Таким образом, к середине XVIII в. связь между служилыми обязанностями дворянства и его земельной собственностью постепенно приобретает односторонний характер. Самодержавие перестает рассматривать наделение дворянина землей из казенного фонда в качестве своей обязанности, исправное выполнение которой необходимо для несения им государственной службы, но в то же время продолжает расценивать дворянскую земельную собственность как залог добросовестного осуществления сословием своих обязанностей по отношению к верховной власти. С точки зрения казны, вся поземельная дворянская собственность являлась условной, право сословия на которую обуславливалось службой государству, остававшемуся и в этот период верховным земельным собственником.

Традиционная государственная регламентация дворянского землевладения, являвшаяся одной из форм контроля служилого сословия со стороны верховной власти, во всей своей полноте отразилась в петровском законодательстве. Введенная указом 1714 г. практика единонаследия фактически была направлена на обезземеливание значительной части привилегированного сословия с целью привлечения неимущих дворян на государственную службу⁸⁵. Пункты 1714 г., вместе с тем, стали беспрецедентной попыткой ограничения прав собственника. Они полностью запрещали продажу и заклад недвижимости за исклю-

чением тех случаев, когда подобное отчуждение имения требовалось для «совершенных нужд и расплаты долгов». В указе также констатировалось намерение правительства «впредь» запретить использование поместий и вотчин в качестве приданого⁸⁶. Значительно урезались права завещателя. Кроме введения самого принципа единонаследия, было указано, что при наличии детей, наследник должен был быть определен из их числа. Если имелись сыновья, приоритет в обязательном порядке отдавался им. Лишь в случае бездетности, завещатель имел право выбора между другими представителями своего рода. При отсутствии в роду наследников мужского пола наследование недвижимости лицом женского предусматривалось, только если супруг (будущий или настоящий) принимал фамилию жены. В противном случае имение должно было быть конфисковано государством⁸⁷.

Запрет завещателю передавать недвижимость более дальнему родственнику при наличии сыновей наглядно отразился в деле Л. Линева, которое рассматривалось в Сенате в 1730 г. Суть дела заключалась в том, что завещатель изменил духовную и новым наследником вместо сына «определил» внука. Основанием для подобного решения стало то, что его сын-наследник заложил без позволения отца недвижимость, которая должна была отойти ему только после смерти родителя. 20 декабря 1730 г. Сенат утвердил новое завещание, но только «чтоб не подать поводу другим сыновьям при отцах своих деревень без воли отеческой продавать и закладывать», «хотя по указом надлежало утвердить за сыном». Создав прецедент, Сенат признал впредь право родителей «исключать от наследства сыновей и назначить вместо их наследниками внуков»⁸⁸.

Указом 14 апреля 1714 г. право на землевладение тех дворян, которые не могли наследовать недвижимость, было прямо увязано с их службой. Так, кадеты-дворяне для получения права приобретать деревни покупкой должны были отслужить 7 лет на воинской, 10 лет на гражданской службе, либо 15 лет в «купеческом звании»⁸⁹.

Некоторые из положений пунктов 1714 г. были отменены еще до 1725 г. Так, указом 15 апреля 1716 г. было предписано в случае смерти одного из суп-

ругов выделять второму $\frac{1}{4}$ недвижимого имущества умершего «в вечное владение»⁹⁰. Но подлинная ревизия указа о единонаследии началась практически сразу после смерти Петра I. Пунктами 28 мая 1725 г. «О вотчинных делах»⁹¹ была разрешена продажа и заклад от старшего брата-наследника младшему «собственного своего» (благоприобретенного) недвижимого имущества. Также был фактически отменен петровский указ 14 апреля 1714 г., и дворянам-кадетам было позволено покупать деревни «без урочных лет», сразу же по их вступлении в военную или гражданскую службу⁹². Естественно, что подобные изменения в законодательной практике регулирования статуса недвижимого имущества удовлетворили в первую очередь зажиточную часть дворянского сословия, в том числе и аристократию, располагавшую значительными капиталами для приобретения имущества покупкой, но отнюдь не подавляющее большинство дворян, которые имели возможность приобрести недвижимость только в порядке наследования. Недовольство рядового дворянства единонаследием было достаточно наглядно продемонстрировано в начале 1730 г. при вступлении Анны Иоанновны на российский престол⁹³. Как это, так и многочисленные нарушения петровских пунктов привели к их отмене, и указом 9 декабря 1730 г. были восстановлены разделы недвижимого имущества по Уложению 1649 г.⁹⁴

Отмена единонаследия незначительно изменила положение дел в сфере прав завещателя. Указом 17 марта 1731 г. законодатель фактически обязывал родителей составлять завещание в пользу своих детей, которые должны были получить равные части недвижимого имущества. Указ подтвердил нормы Соборного Уложения и Новоуказных статей, которые строго регламентировали наследование вотчин и обязывали служилого человека передавать родовые и выслуженные вотчины ближайшему родственнику⁹⁵. На протяжении всей 1-й половины столетия сохраняется обязательное выделение указной части вдове умершего вотчинника, а также приданого при выдаче дочерей замуж, что также ограничивало права завещателя⁹⁶.

Соотношение собственнических прав дворянина и казны наглядно проявлялось в статусе недвижимого имущества, принадлежавшего последнему предста-

вителю дворянского рода. Не признавая за ним права на распоряжение родовой недвижимостью и передачу ее «чужеродцу», корона подчеркивала свое право как верховного земельного собственника.

Законодательное оформление преимущественного права короны на владение выморочным имуществом в XVIII в. произошло в 1712 г., когда указ от 23 января запретил вышеуказанной категории привилегированного сословия отчуждать недвижимость⁹⁷. С 1725 г. данное ограничение перестало распространяться на благоприобретенное имение. Его продажа разрешалась «на оплату долгов» и «когда нужда позовет», однако поскольку указы не предполагали проверки причин продажи имений, подобное разрешение становилось безусловным⁹⁸. В соответствии с указом 3 февраля 1729 г. были изменены формуляры крепостей, и отныне в купчей или закладной должно было указываться, что «продавец или закладчик недвижимого имения не последней в роде»⁹⁹.

Анализ отношений собственности в феодальном обществе невозможен без рассмотрения собственнических прав такого социального института как дворянская родовая корпорация, поскольку владельческие права каждого отдельного ее представителя в условиях господства феодальных отношений всегда находились в тесной зависимости с правами рода в целом.

Имущественные права рода неизменно проявлялись при отписке на Государя собственности преступника. При конфискации имущество осужденных отделялось от имущества родителей и жены¹⁰⁰. С конца 20-х гг. XVIII в. также складывается практика выкупа родственниками недвижимости, конфискованной за иски, с разрешения короны. Подобное право рода было зафиксировано в указах 31 мая 1728 г. и 6 ноября 1740 г.¹⁰¹ Однако недвижимое имущество, отписанное за наиболее тяжкие преступления, выкупу у казны не подлежало, а в соответствии с Соборным Уложением 1649 г. запрещался родовой выкуп имений изменников, поступивших по закладу или продаже во владение других лиц до совершения преступления¹⁰².

Отдельные правительственные проекты, которые объективно укрепляли собственнические права дворянских родовых корпораций, не стали частью дей-

ствующего законодательства, но, тем не менее, они достаточно явно иллюстрируют общие тенденции политики правительства в этом вопросе. Так, проект Уложения, составленный в царствование Анны Иоанновны, предписывал передавать деревни изменника ближайшим его родственникам в случае отсутствия указа об их отписке. В доношении Сената императрице, поданном в феврале 1727 г., предлагалось рассмотреть вопрос о разрешении родственникам закладчика выкупать заложенное недвижимое имение, которое прежде отписывалось у заимодавца в числе выморочного. «Отдача» проданного или заложенного недвижимого из выморочных на выкуп родственникам предполагалась и в проекте аннинского Уложения¹⁰³.

Одним из средств правительственного регулирования дворянского землевладения была практика запрещения и разрешения на сделки с недвижимым имением. Наряду с традиционным запретом на его продажу и заклад на время следствия и судебного разбирательства по различным делам, а также в случае неплатежа по векселям или «безумства» владельца¹⁰⁴, подобная мера использовалась и с целью защиты имущественных интересов дворянского рода, одновременно ущемляя владельческие права отдельных его представителей. Примером этого может служить применение вышеуказанной практики к расточителям. Разновидностью запрета являлось предписание последним производить сделки с недвижимым имением «с согласия и позволения родственников», которое должно было подтверждаться их подписью в крепостных актах¹⁰⁵. Тем не менее, необходимо отметить, что подобное ограничение прав распоряжения недвижимостью в значительной мере обуславливалось не только, а может быть и не столько, защитой собственнических прав рода, сколько фискальными интересами казны.

В том же направлении – защиты родовой дворянской собственности – действовала сформировавшаяся в конце 20-30-х гг. XVIII в. система государственной опеки над имениями несовершеннолетних дворян, которые по указу Петра I не имели права на отчуждение своей движимой и недвижимой собственности¹⁰⁶. Это было разрешено только в 1729 г., и лишь в случае необходимо-

сти выплаты долгов и выкупа заложенных имений¹⁰⁷. В царствование Петра II данные вопросы находились в компетенции Верховного тайного совета. В 30-е гг. разрешение осуществлялось исключительно самой императрицей по докладу Сената, причем контроль за продажей производился не только опекунами, родственниками и душеприказчиками, но также Вотчинной и Юстиц-коллегиями и «при письме крепостей в крепостных конторах». Продажа и заклад имущества разрешались лишь на ту сумму, которая требовалась для уплаты долга и выкупа имений. Необходимо также отметить, что в 30-е гг. число таких разрешений было незначительно¹⁰⁸. Указом 27 апреля 1741 г. право решения подобных дел было передано Сенату, что подтверждалось в 1742 г. Елизаветой¹⁰⁹, однако сохранялась и практика апробации разрешений со стороны монарха¹¹⁰.

Одним из базовых институтов феодального права в России являлся институт родового выкупа, в котором реализовывались собственные права дворянского рода в отношении недвижимых имуществ, находящихся во владении отдельных его представителей.

Петровские реформы значительно видоизменили систему родового выкупа и в первую очередь это было связано с введением единонаследия указом 23 марта 1714 г.¹¹¹

Со времени издания Уложения 1649 г. родовому выкупу подлежали лишь родовые и выслуженные вотчины¹¹². Петровским указом он распространяется на все имущество, определяемое пунктами как недвижимое (вотчины, поместья, дворы, лавки). Указы 1737 и 1744 гг. ограничили право выкупа «деревнями», «вотчинами»¹¹³. Однако, учитывая слияние вотчин и поместий в единую форму феодального землевладения, можно утверждать, что родовому выкупу в 1-й половине XVIII в. подлежали все имения, как родовые и выслуженные, так и благоприобретенные, т.е. любой тип дворянской поземельной собственности.

Изменения касались и круга лиц, которые допускались к родовому выкупу. В XVI-XVII вв. от права выкупа традиционно отстранялись прямые наследники (дети и внуки) продавца или закладчика родовой вотчины, и приоритет

отдавался родственникам боковых линий (братьям, племянникам и т. д.)¹¹⁴, что было связано с необходимостью поддержания собственных прав рода в целом. С 1714 г. недвижимость было предписано выкупать тем прямым наследникам, которые «будут по линии ближние, а не кадетам их»¹¹⁵. Таким образом, как наследуемая недвижимость, так и выкупаемая концентрировались в одних руках, тогда как по Уложению 1649 г. при преобладающем наследовании по прямой нисходящей линии и выкупе родовых вотчин по боковым, подобное совмещение собственных прав на наследуемое и выкупленное имущество являлось лишь редким случаем. Тенденция, при которой преимущественное право выкупа родовой недвижимости предоставлялось ближайшим родственникам по прямой нисходящей линии, была сохранена и после отмены единонаследия (указы 1737, 1744, 1755, 1766 гг.)¹¹⁶.

Законодательство 1-й половины XVIII в. также значительно видоизменило как сроки выкупа, так и процедуру установления выкупных цен для заложенного и проданного родового имущества. До указа 1 августа 1737 г. выкуп имений, проданных в чужой род, был возможен в течение 40 лет. Подобный порядок, установленный в 30-м пункте 17-й главы Соборного Уложения, фактически являлся правом рода аннулировать законно заключенную сделку в течение вышеуказанного срока. Определенная Уложением плата за «новоприбылое строение ... по суду и сыску», вносимая дополнительно к сумме, указанной в купчей или закладной крепости, незначительно меняла феодальную сущность родового выкупа¹¹⁷.

В указе 1714 г. 40-летний срок выкупа был сохранен. Лишь начиная с 1737 г., были изменены сроки совершения выкупных сделок – 6 месяцев после даты явки просроченной закладной по заложенным в чужой род имениям и 3 года – по проданным. Плата за «новоприбылое строение» была окончательно отменена в 1744 г., и выкуп стал производиться по цене, указанной в крепостях. В том случае если имение повторно продавалось, закладывалось или отдавалось в приданое новым владельцем – по ценам, указанным в последней закладной, купчей или приданной росписи¹¹⁸. Трехлетний срок выкупа по проданным ро-

довым имениям, установленный указом 1737 г., был распространен и на просроченные по закладу. Указ 1744 г. определял круг родственников, которые могли быть допущены до родового выкупа, а также строгую их очередность, причем в него вошли не все лица, имеющие по Уложению и последующим указам право на наследование имений. Законодательный акт, отдавая приоритет при выкупе наследникам по прямой линии, резко ограничивал число лиц, имеющих возможность быть допущенными к родовому выкупу по боковым линиям родства. В том случае если они допускались, требовалось письменное разрешение тех сородичей, которые имели преимущественное право на выкуп¹¹⁹. Указ же 12 сентября 1755 г. установил запрет на допуск к выкупу проданных и заложенных имений лиц, не упомянутых в предыдущем указе, до «сочинения» Уложения. Предусматривалась только «записка» челобитных о выкупе, «дабы /они.— Ч.С./ одною просрочкой ... права ... на выкуп лишиться не могли». В 1766 г. круг лиц, допускаемых до выкупа родовых вотчин, был значительно расширен, но указ оставил в силе положение о необходимости разрешения на выкуп от ближайших родственников продавца или закладчика другим представителям рода. Кроме того, данный указ позволял выкуп лишь тем лицам, которые уже подали челобитные об этом, начиная с 1755 г., но не регулировал последующих выкупных операций, что предусматривалось осуществить в «новосочиняемом Уложении»¹²⁰.

Таким образом, в течение 1-й половины XVIII в. правительство сделало ряд важных шагов, значительно видоизменивших институт родового выкупа: 1) родовой выкуп был распространен на все дворянские имения, в том числе и благоприобретенные, 2) к 1744 г. выкуп родового имущества стал производиться исключительно по ценам, указанным в крепостях, 3) приоритет при выкупе родового имущества стал отдаваться прямым наследникам при одновременном ограничении прав родственников боковых линий, 4) резко ограничивался круг тех лиц, которые вообще могли быть допущены до выкупа родового имущества, 5) был сокращен срок (с 40 до 3 лет), в течение которого этот выкуп был возможен. Следовательно, сохранив чисто феодальную сущность этого института,

монархия, тем не менее, значительно ослабила собственнические права дворянского рода по отношению к родовым и выслуженным вотчинам. Одновременно в определенной мере были расширены права отдельного представителя рода в сфере распоряжения недвижимостью. Подобные нововведения означали усиление значимости частных сделок в сфере феодального права, что должно было иметь своим следствием интенсификацию процесса смены собственников дворянских имений. Изменения, предпринятые правительством, также объективно выражали хозяйственные интересы приобретателя вотчины, поскольку обеспечивали ему большую степень уверенности с точки зрения собственнических прав на это имущество.

Однако эволюция института родового выкупа имела и обратную сторону – слияние вотчины и поместья в один тип поземельной собственности привело к расширению объема собственнических прав рода по отношению к благоприобретенным вотчинам и тем землям, которые ранее имели статус поместья. Отмена платы за «новоприбылое строение» также объективно усиливала позиции дворянских родовых корпораций. Одной из особенностей развития системы родового выкупа в 1-й половине столетия, вместе с тем, стало стремление верховной власти к детальной регламентации функционирования данного правового института.

1.3. Межевое законодательство и межевая практика России первой половины XVIII века

Практика писцовых описаний в условиях функционирования поместной системы и непосредственной связи между служебными обязанностями привилегированного сословия и его правом на владение землей и крепостными играла важнейшую роль в поземельной политике государства в XVII веке. Писцовые книги являлись своеобразным поземельным и промысловым кадастром, в котором фиксировались владельческие права, учитывалось все тяглое население и его платежеспособность¹²¹.

Сближение двух форм феодального землевладения, завершившееся к

30-м гг. XVIII в. их слиянием, прекращение верстания служилых людей поместными окладами и систематических раздач по указным статьям, отсутствие необходимости в приведении поместных окладов в соответствие с отправляемой службой, изменение принципов налогообложения тяглого населения повлекли за собой и изменение роли межевого дела в России. Потребность в подробном поземельном кадастре отпала, и фактически в 1-й половине XVIII в. проблема описания земель сводилась к так называемому Генеральному межеванию. Его основной функцией должно было стать упорядочение поземельных отношений, размежевание спорных владений, юридическое закрепление дворянских владельческих прав на землю и крепостных, что в ряде случаев предполагало и легитимацию дворянских захватов¹²². В течение 1-й половины XVIII в. попытки проведения Генерального межевания предпринимались дважды. Первая из них, относящаяся ко времени правления Анны Иоанновны, окончилась неудачей еще на стадии его подготовки. Межевание же 1755-1763 гг. не было завершено, и к концу царствования Елизаветы было обмежевано всего 359 дач с общей площадью 57319 десятин¹²³.

В ряду проблем, относящихся к данному аспекту земельной политики правительства, с нашей точки зрения, следует рассмотреть в первую очередь три основных взаимосвязанных вопроса: цели, базовые принципы, положенные в основу этих межеваний, а также причины провала попыток их проведения.

Окончательное уравнивание статуса поместья и вотчины, отмена единого наследия, достаточно интенсивная разработка Вотчинной главы Уложения, а также подготовка Генерального межевания достаточно четко определили приоритеты правительственного курса в первые годы царствования Анны Иоанновны. Рассматривая цели предполагаемого межевания, необходимо отметить следующую его особенность: оно являлось одной из составляющих аграрной реформы, которая планировалась самодержавной властью в начале 30-х гг. XVIII в. В первую очередь обращает на себя внимание тот факт, что сам Писцовый наказ являлся 11-й частью Вотчинной главы нового Уложения, составление которой было предпринято в это время. В состав главы была включена и часть 10 «О пись-

ме и межевании земель и о межевщиках»¹²⁴. И, по всей видимости, начало межевания связывалось его устроителями со временем окончания и апробации Вотчинной главы. Кроме настоятельной необходимости в размежевании спорных земель, о чем заявлялось в указе от 28 июня 1731 г.¹²⁵, межевание должно было быть проведено и по той причине, что в случае реализации планов правительства, касающихся возобновления поместных раздач¹²⁶, возникал бы целый ряд проблем, связанных с оценкой общих размеров дворянского землевладения, государственного земельного фонда, в частности, учета порозжих земель, из которых предполагалось производить раздачи.

Сохранилось три варианта Писцового наказа, относящихся к 30-м гг. XVIII в.¹²⁷ Два первых были составлены между 20 июня¹²⁸ и 9 ноября 1731 г.¹²⁹, а последний был завершён 8 октября 1735 г.¹³⁰ Базовые принципы межевания, зафиксированные в статьях и артикулах проектов, не имели сколько-нибудь значительных различий и были заимствованы из Писцового наказа 1684 г. Аннинский Писцовый наказ не требовал перемежевки владений, межеванных после писцовых книг, по полюбовным разводам и по учиненным сделкам или с образным хождением. Проекты также признавали законными подновленные по старым признакам и урочищам писцовые межи в том случае, если по спорам они были утверждены приговорами. Размежевание бесспорных владений в одном селе, деревне или пустоши, как и ранее, не являлось обязательной процедурой. Оно должно было производиться лишь в случае челобитья хотя бы одного из владельцев. Примерными землями в соответствии с межевым законодательством конца XVII в. считались земли сверх дач, обнаруженные во владении помещиков и вотчинников в межах и в немежеванных землях. Размеривание их по дачам предполагалось производить лишь в случае отсутствия межей. Пашня и угодья в межах того или иного владельца безвозмездно примежевывались к его землям¹³¹.

Обращаясь к выяснению причин неудачи попытки правительства начать межевание, следует в первую очередь оценить степень его подготовленности. Достаточно важным с точки зрения разрешения поставленной проблемы явля-

ется вопрос, связанный со степенью обученности межевщиков и геодезистов. В письме на имя императрицы от Людвиг фон Гохмута, «свидетельствовавшего» прибывших в Москву геодезистов, указывалось, что они «тое землемерного дела науку знают весьма мало», не имеют навыков обращения с инструментами, а без них «подлинное какое действие и учинить невозможно»¹³². Данная позиция¹³³ не является бесспорной, поскольку подобная коллизия могла произойти по причине разных предпочтений экзаменатора и экзаменуемых, первый из которых использовал мензулу, а вторые – теодолит¹³⁴. На это указывает и доношение геодезистов в Правительствующий Сенат, датированное январем 1732 г. Его авторы, ссылаясь на авторитет своего учителя, профессора Санкт-Петербургской Академии Наук Фархварсона, отмечали, что фон Гохмут «предъявил /для экзамена.– Ч.С./ свой инструмент, которой к нашей должности к тому межевому делу и негоден»¹³⁵. Однако если степень профессиональной подготовленности специалистов, которых предполагалось привлечь к межеванию, вполне могла находиться на должном уровне, то их численность и техническая оснащенность были ниже требуемых.

В таблице 1 нами приводятся данные, относящиеся к 1731 г.

Таблица 1¹³⁶

		в нали- чии	“в разсылках” и «в деревнях»	Всего
Геодезистов, чел.		28	70	98
У них ин- струмен- тов, шт.	Теодолитов	4	33	37
	Готовален с инструментами	6	32	38
	Мерных цепей	6	32	38
Межевщиков, чел.		4	52	56

Как явствует из таблицы, общее количество геодезистов, межевщиков и инструментов позволяли начать межевание, но не были достаточными для выполнения такой масштабной задачи как межевание всех земель Европейской части России, особенно если принимать во внимание тот факт, что в процессе

описания предполагалось «всякой даче учинить особливья свои ландкарты»¹³⁷.

Рассматривая вопрос о причинах неудачи аннинского межевания, необходимо также учитывать обстоятельства, не зависевшие от его устроителей. По данным на 19 октября 1732 г., из писцовых и межевых книг было списано 19883 тетради, а осталось списать – 7133¹³⁸. В ведомости же, направленной в Сенат 26 июня 1738 г., в которой содержались данные о количестве списанных к тому времени и сохранившихся после московского пожара 1737 г. копий с писцовых и межевых книг, указано в числе списанных 298 ½ книг, а также по челобитьям «разных чинов людей и разных годов и межевщиков, которые в переплете с отказными книгами» – 418 (всего 716 ½ книг). Из них по Московскому уезду – 55 и 93, соответственно. В ведомости отмечалось, что еще «надлежит списать» – 296 ½ валовых писцовых и межевых книг, а также по частным челобитьям – 1092 книги (всего 1388 ½), в том числе по Московскому уезду – 33 и 84, соответственно¹³⁹. Эти данные наглядно демонстрируют тот факт, что большая часть копий межевых книг и часть самих оригиналов¹⁴⁰, сгорела во время пожара 29 мая 1737 г., и межевание не могло быть начато даже в Московском уезде.

Однако основной причиной того, что правительство так и не смогло приступить в 30-х гг. XVIII в. к Генеральному межеванию, было то, что фундаментальный вопрос о судьбе поместных раздач не был еще решен правительством окончательно. На это указывают как несоответствия в самом тексте Вотчинной главы¹⁴¹, так и противоречие между самой идеей восстановления поместной системы и законодательными актами начала правления Анны Иоанновны, уравнявшими поместье и вотчину. Отсутствие четкой позиции правительства по данной проблеме, в конечном счете, не только не позволило начать межевание, но и принять саму Межевую инструкцию.

На протяжении конца XVII-1-й половины XVIII в. общая концепция межевой политики верховной власти была неизменно связана с вопросом о статусе примерных земель. Законодательство о примерных землях являлось мощным рычагом в сфере регулирования дворянского землевладения, что было обуслов-

лено, во-первых, значительным удельным весом данной категории земельных угодий, во вторых, незаконное владение этими землями было одним из основных источников роста поместного и вотчинного фонда¹⁴².

В качестве примерных неизменно рассматривались земли во владении помещика или вотчинника, благодаря наличию которых имение по размерам превосходило дачу, указанную в писцовых и межевых книгах, а также крепостных актах. Однако с точки зрения межевого законодательства, существовавшего в России вплоть до издания Межевой инструкции 1754 г., к примерным могли относиться только удобные земли, обнаруженные либо в межах имения, либо в немежеванных землях в том случае, если дачи межеваны не были¹⁴³. К причинам появления примерных земель (исходя из вышеуказанной трактовки этого понятия) относились: увеличение доли обрабатываемых земель за счет роста культуры их возделывания, несовершенство техники измерения земельных площадей, а также склонность межевщиков к взяточничеству¹⁴⁴. Инструкция 1754 г. значительно расширила смысл понятия «примерные земли». Данный межевой акт в качестве примерных рассматривал в том числе и те земельные угодья, которые обнаруживались за межами дачи¹⁴⁵. Очевидно, что основной причиной появления этих земель в составе имения был их захват.

Одним из центральных принципов Межевой инструкции 1754 г., так же как и предшествующих, являлся принцип ревизии прав владения землей¹⁴⁶. Однако, сохранив в качестве одного из базовых принципов межевания проверку законности владения, правительство в значительной степени ужесточило эту процедуру. Инструкция 1754 г. требовала перемежевки владений вотчинников даже в тех случаях, в которых ранее она не производилась. Так, если в Писцовых наказах 1684 г. и 30-х гг. XVIII века размежевание бесспорных владений нескольких землевладельцев в одном селе, деревни, пустоши предусматривалось лишь по желанию хотя бы одного из владельцев, то в Межевой инструкции данная процедура становилась обязательной. Более того, при поселении крестьян разных владельцев «через двор» предписывалось намеривание земель под каждый двор отдельно¹⁴⁷. Межевая инструкция, в отличие от предыдущего ме-

жевого законодательства, также требовала перемежевки земель в том случае, если они были межеваны после писцовых книг, по частным челобитьям, по полюбовным отводам, по учиненным сделкам. Не признавалось межевание с образным хождением даже в случае, если межи были утверждены приговорами по спорным делам. Проверке подлежали старые писцовые межи, подновленные по старым признакам и урочищам¹⁴⁸. В качестве исключения Инструкция разрешала полюбовное размежевание синодальных, архиерейских, монастырских и помещичьих земель с дворцовыми, но оно могло осуществляться лишь в том случае, если одни земли находились «в середине» или «между» других земель «в смежестве». Только указом 17 мая 1755 г. правительство Елизаветы разрешило помещикам просить о полюбовном разводе как собственных дач по крепостям, так и примерных земель, обмежеванных окружной межей¹⁴⁹.

Изменив содержание понятия «примерные земли», Инструкция 1754 г. отошла от предшествующей межевой практики и в другом вопросе. Было предусмотрено размеривание излишних земель между смежными владельцами «по способности», т.е. исходя из числа крепостных, числившихся в их имениях. Инструкцией устанавливалась и продажная цена на эти земли, которая была в несколько раз ниже рыночной стоимости¹⁵⁰ – 10 копеек за десятину¹⁵¹.

Таким образом, очевидно, что Инструкция 1754 г. рассматривала ревизию прав владения в качестве основы предстоящего межевания. Однако, требуя более тщательной, чем это предусматривалось ранее, проверки законности владения, Инструкция одновременно расширяла значение понятия «примерные земли», что приводило к сохранению в помещичьих руках более значительных площадей земель. Исходя из этого, по нашему мнению, основной принцип межевания 1755-1763 гг. нельзя свести исключительно к ревизии и редукции, как это делалось рядом исследователей¹⁵². Мы склонны соглашаться с мнением В.О. Ключевского, который полагал, что основной целью межевания было «упорядочение дворянского землевладения»¹⁵³, если под этим понимать, во-первых, четкое определение размеров пашенной земли и других угодий, находящихся во владении вотчинников, во-вторых, стремление правительства к то-

му, чтобы владение землей основывалось на законных основаниях¹⁵⁴. Однако последнее не только не исключало, но и предполагало в качестве базового принципа межевания легитимацию владения теми землями, которые были приобретены в результате дворянских захватов.

Принципиально новая трактовка понятия «примерные земли» составителями межевой инструкции и все вышеизложенное не дает нам однако права рассматривать данный документ как качественно отличающийся от предшествующих писцовых наказов конца XVII-1-й половины XVIII вв. Принципу ревизии и редукции четко следовало лишь законодательство начала XVII века, требуя безусловной отписки примерных земель, которые впоследствии раздавались в поместье сторонним челобитчикам. Вопрос о статусе примерных земель подробно был рассмотрен в Соборном приговоре 12 марта 1620 г. и Соборном Уложении 1649 г.¹⁵⁵ И с середины XVII в. в соответствии с этими законодательными актами за владельцем закреплялись все излишние земли в старинных родовых и купленных из порозжих земель вотчинах и «старых» поместьях, появившиеся в результате распашки невозделанных земель в границах имения. Подобная распашка разрешалась Соборным Уложением и впредь. Наказ 1684 г. уже предписывал безвозмездное межевание примерных земель к имению, независимо от причин их появления (к вотчине – без ограничения размеров, к поместью – вошедших по мере в оклад). Примерные земли сохранялись за владельцем имения и в соответствии с проектами писцовых наказов 30-х гг. XVIII в. Таким образом, Межевую инструкцию 1754 г. можно расценивать в качестве одного из этапов эволюции межевого законодательства XVII-XVIII вв., одним из основных направлений которой было расширение прав землевладельца на примерную землю, находящуюся в его владении: обязательная отписка примерных земель на Государя в начале XVII в. ко времени екатерининского генерального межевания сменилась безвозмездным межеванием всех излишних земель к вотчинам при полюбовном разводе владений.

Необходимо также отметить то обстоятельство, что основные принципы Межевой инструкции 1754 г. в полной мере отразили и другой, не менее значи-

мый процесс, который протекал в сфере отношений, связанных с феодальной земельной собственностью. Укрепление института абсолютизма явилось одной из основных причин стремления короны упрочить свои владельческие права, как верховного земельного собственника. И если в конце XVII-30-х гг. XVIII в. корона фактически отказывалась от своих притязаний на примерную землю, безвозмездно передавая ее дворянину¹⁵⁶, то в середине XVIII в. правительство отказалось признать за представителями дворянского сословия право на владение этими землями и установило на них продажную цену¹⁵⁷.

Важнейшим свидетельством в разрешении вопроса о причинах провала межевания 1755-1763 гг. является «Рассуждение ... каким образом государственное размежевание земель производить», поданное 16 апреля 1765 г. в Комиссию о государственном межевании надворным советником П. Херасковым¹⁵⁸.

Автор отмечал, что «главнейшею причиною ... остановок ... и замешательств бывшего межевания» были споры между владельцами «большой частью почти не дельная». Среди причин этих споров П. Херасков выделял непонимание соотношения юридической силы писцовых книг и частных крепостей и попытки оспорить последние на основании первых¹⁵⁹, в чем, как справедливо отмечал Б.В. Носов, выразился приоритет в сознании дворянства феодального традиционного права перед правами на землю, приобретаемыми в результате частных сделок¹⁶⁰. Кроме того, встречались попытки с помощью споров выиграть время для переписки между поверенными и помещиками. Нередким было стремление добиться включения своих земель в ту окружную межу, где у других владельцев имелось достаточно большое количество примерной земли, чтобы «получить из оной на превосходящее число душ деревни своей». Автор справедливо подчеркивал, что основной причиной этого явления был раздел примерных земель между смежными бесспорно владеющими помещиками, который предписывался межевой инструкцией, и предлагал передавать примерные земли тому владельцу, в чьих межах они находились. Раздел примерных земель, по его мнению, должен был производиться лишь в случае споров¹⁶¹. П. Херасков отмечал и «своевольство» крестьян, приказчиков и самих помещи-

ков при межевании, а также «непредъявление ... подлежащих на дачи крепостей», указывая, что в Межевой инструкции 1754 г. отсутствовала достаточно действенная методика борьбы с этим явлением¹⁶². Одной из важнейших причин «ко остановкам» межевания также было отсутствие единых форм для целого ряда документации: челобитных, писем о полюбовных разводах земель, верящих писем и т.д.¹⁶³ Характерно, что перечисляя причины неудачи межевания, автор ни разу не упоминает в качестве таковой стремление правительства взыскать с помещиков деньги за примерные земли.

Исходя из того, что П. Херасков считал единственной возможной целью любого межевания прекращение земельных споров, им подвергалась критике практика размеривания бесспорных владений, а также обязательное размежевание помещиков в одном селе, деревне или пустоши. Как это, так и недооценка разрешения споров по писцовым и межевым книгам, крепостям и урочищам, старожилами и окольными людьми приводили к затягиванию межевания¹⁶⁴. По мнению автора, правительству требовалось уделять большее внимание полюбовным разводам между помещиками и следовало «показать выгоды миролюбия» как для пользы государственной, так и частной¹⁶⁵.

Кроме того, стоит выделить причины провала межевания 1755-1763 гг. и иного порядка. Так, в доношении Главной межевой канцелярии в Сенат от 1 марта 1761 г. было указано, что для дальнейшего проведения межевых работ требуется дополнительное число людей и денег для выплаты им жалования. Характеризуя финансовую обеспеченность межевого дела, канцелярия отмечала, что с начала Генерального межевания до 1761 г. на жалование и иные расходы, связанные с межеванием, было затрачено 459309 руб. 64 ½ коп. И в настоящее время «по недостатку в казне денег во многих местах межевщики и протчия чины подлежащаго им жалованья получить не могут по году и больше». По этой причине «от межевания» были «выключены» 212 человек с общим годовым жалованием 43037 руб. 58 коп. и оставлены при размежевании 401 человек с общим жалованием 37107 руб. 95 коп. Из этого следует, что от межевания были отстранены более высокооплачиваемые и, следовательно, более опытные

специалисты. На недостаток средств и межевщиков, которые в своем большинстве были военными, в значительной степени влияло и ведение в то время Семилетней войны. В связи с этим Главной межевой канцелярией было предложено прекратить межевание на части территории России¹⁶⁶.

Исходя из вышеизложенного, по нашему мнению, необходимо выделить два ряда основных причин неудачи землеустроительной инициативы правительства Елизаветы. Первые относились к сфере финансовой и кадровой необеспеченности межевого дела. Вторые были обусловлены несовершенством Межевой инструкции, а также теми противоречиями, которые изначально существовали между основными принципами, на которых базировалась инструкция, и объективной ситуацией, сложившейся к середине XVIII века в поземельных отношениях.

Принимая во внимание более чем полувековой промежуток времени, прошедший с последнего валового описания земель, достаточно интенсивную мобилизацию земли, несовершенство методов ее измерения, нужно признать, что проведение межевания на основе старой крепостной документации и писцовых книг конца XVII века, при условии ревизии прав владения землей, было достаточно трудоемким делом. Кроме того, необходимо учитывать, что писцовое описание конца XVII века охватило не всю территорию Европейской России, и при межевании значительной части уездов приходилось бы привлекать материалы, относившиеся к более раннему времени. Межевание в значительной степени было затруднено и новыми принципами, положенными в его основу. Из их числа стоит прежде всего выделить обязательность размежевания бесспорных владений, в том числе и развод земель смежных помещиков в одном селе, деревне или пустоши. Перемежевка владений, межеванных после писцовых книг и по подновленным писцовым межам, еще более усложняла елизаветинское межевание. Кроме того, отдельные положения Межевой инструкции изначально являлись предпосылкой к спорам и затягиванию межевания. В первую очередь это относится к разделу примерных земель между смежными вотчинниками в случае бесспорного владения. Установленная в Инструкции практика

размеривания излишних земель, как справедливо отметил М.М. Шульгин, «удовлетворяла классовый интерес дворянства в целом» с точки зрения легитимации владения примерными землями, но «вела к столкновению отдельных индивидуальных дворянских притязаний»¹⁶⁷. Екатерининское межевание, ставшее первым за весь XVIII век осуществленным землеустроительным мероприятием такого масштаба, в значительной мере ушло те проблемы, с которыми столкнулись межевое дело в предшествующее время.

* * *

Таким образом, итоги главы можно свести к следующему:

В 1-й половине XVIII в. дворянская поземельная собственность не потеряла своего феодального характера. Сохраняется достаточно сложная структура собственнических отношений, в которую, помимо непосредственного владельца имения, были включены дворянские родовые корпорации и государство как верховный собственник земли. Дворянское землевладение сохраняет свои крепостнические черты и характеризуется совмещением в руках дворянина как собственнических, так и публично-правовых функций, которые выражались в первую очередь в вотчинной юрисдикции помещика по отношению к зависимым крестьянам. Причем, на всем протяжении 1-й половины столетия правительство устраняется от регулирования отношений между помещиками и крепостными, а в 60-е гг. XVIII века происходит резкое расширение прав помещика на личность крепостного. Земельная собственность и в 1-й половине XVIII века не перестает быть сословной. Более того, одним из основных процессов, протекавших в сфере феодальных поземельных отношений, являлась монополизация дворянством права на владение землей, что сопровождалось консолидацией привилегированного сословия и «уточнением» статуса различных социальных групп внутри него.

Пользуясь своим правом верховного земельного собственника, государство в 1-й половине XVIII века активно продолжает использовать пожалование и конфискацию земельных владений дворянства в качестве средства перераспределения земельной собственности в его среде. Но практика земельных жало-

ваний в течение 1-й половины столетия претерпевает значительные изменения. Если до 1714 г. они осуществлялись в рамках поместной системы и как следствие этого носили массовый характер, то с 1714 по 1736 г. поместные раздачи являлись крайне редкими, а с 1736 г. полностью прекратились, и со времени указа о единонаследии пожалование земель постепенно приобретает наградной характер. Тем не менее, в течение 30-х-начала 40-х гг. вопрос о судьбе поместной системы оставался открытым и неоднократно обсуждался в правительстве.

Несмотря на значительные изменения, произошедшие в течение 1-й половины XVIII века в правовом статусе дворянской земельной собственности, связь между правом на землевладение и служилым характером дворянства сохраняется и в исследуемый период, причем слияние вотчины и поместья в одну форму феодальной земельной собственности привело к тому, что под категорию условного владения подпадал весь контингент дворянских земель. Как и ранее, недвижимое имущество дворянина являлось залогом добросовестного исполнения им своих служебных обязанностей. Сохраняется практика отписки дворянской собственности за нарушения по службе. Однако коренным отличием от XVII века явилось то, что правительство перестало заботиться о наделении служилого человека землей. Несмотря на наградной характер раздач земель из государственного и дворцового фонда, основной статьёй пожалований остается служба. Правительство продолжает рассматривать дворянство в качестве служилого сословия и после издания Манифеста 1762 г. и Жалованной грамоты 1785 г., а право отписки дворянских имений без суда корона сохраняла за собой вплоть до середины 80-х гг. XVIII века.

Условный и несвободный характер дворянской поземельной собственности проявлялся также в многочисленных ограничениях на владение и распоряжение земельной собственностью, которые сохраняются не только на всем протяжении 1-й половины столетия, но и позднее¹⁶⁸. Однако пиком подобных законодательных ограничений необходимо признать первую треть XVIII в.

В исследуемый период, хотя и в ограниченном объеме, сохраняются собственнические права родовых корпораций по отношению к недвижимому иму-

щество отдельных их представителей, что наиболее ярко выразалось в институтах опеки и родового выкупа.

К началу 60-х гг. XVIII века заканчивается процесс постепенного изживания в межевой практике основного принципа валовых межеваний эпохи существования поместной системы – принципа ревизии и редукции. Если уже с конца XVII века он перестает существовать как единое целое и правительство в течение конца XVII-1-й половины XVIII в. постепенно отказывается от редукции (изъятия) земель, находящихся в незаконном пользовании вотчинников, то Генеральное межевание, проведенное Екатериной II, не предполагало в качестве общеобязательного принципа и ревизию прав владения землей. Как следствие этого, одним из основных направлений развития межевого законодательства 1-й половины XVIII века стало расширение права дворянства на примерные земли, находившиеся в его владении.

Таким образом, наиболее общей тенденцией эволюции законодательного регулирования дворянской поземельной собственности в исследуемый период необходимо признать сокращение объема собственнических прав дворянского рода в пользу отдельных его представителей при одновременном сохранении права верховной собственности со стороны короны. Неотъемлемой характеристикой политики правительства в сфере регулирования дворянского землевладения являлась и жесткая его регламентация. Определенное же перераспределение собственнических прав государства и дворянина на его поземельную собственность в пользу последнего, протекавшее наиболее активно с начала 30-х гг. XVIII века, не стало настолько значительным, чтобы мы могли говорить о кардинальных изменениях в этом аспекте феодального земельного права. Несмотря на слияние вотчины и поместья, постепенную либерализацию дворянской службы, а затем и полную отмену ее обязательности, несмотря на видоизменение методов правительственного регулирования дворянского землевладения, феодальный его характер сохраняется. И даже к середине XVIII века землевладение привилегированного сословия не освобождается от тех черт, которые придавали ему условный, ограниченный и несвободный характер.

ГЛАВА 2. ДВОРЯНСКИЕ ИМЕНΙΑ ЧЕРНОЗЕМНОГО ЦЕНТРА РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА: РАЗМЕЩЕНИЕ И СОЦИАЛЬНО- ЧИНОВНАЯ СТРУКТУРА

Генезис и размещение дворянских имений в Центрально-Черноземном регионе России в 1-й половине XVIII века, структура владений сословия светских феодалов, в том числе и чиновная, до сих пор остаются практически неизученными.

Среди наиболее значимых работ, относящихся к проблематике исследования, следует назвать труды Я.Е. Водарского, которые, в первую очередь, затронули рубеж XVII-XVIII веков, а также монографию С.М. Троицкого, посвященную разработке вопросов, связанных с процессом складывания российской бюрократии в петровское и послепетровское время. Различные аспекты земле- и душевладения привилегированного сословия в Центральном Черноземье рассматривались в работах А.А. Новосельского, В.И. Недосекина, Н.М. Шепуковой¹. Однако вышеперечисленные исследователи, в силу различных причин, не отразили сложного и противоречивого процесса эволюции дворянских имений на Юге России в 1-й половине XVIII века.

Официально включенный в состав Российского государства во 2-й половине XVII века², регион в это время фактически представлял собой территорию, на которой доминировало однодворческое население. Основной задачей данной главы является анализ распространения крепостнического землевладения в Центральном Черноземье, темпов этого процесса, а также структуры и эволюции дворянских имений Юга России на протяжении 1-й половины XVIII века.

2.1. Размещение и структура дворянских владений в ЦЧР в первой половине XVIII века

Процесс расширения светского феодального землевладения на террито-

рии ЦЧР в XVIII веке, находился в тесной взаимосвязи с более общим процессом, имевшим место в указанное время – постепенного превращения этого региона из окраины Российского государства (каким он был в конце XVI–XVII вв.), в обжитую и освоенную часть страны. Постройка Белгородской, а затем Изюмской засечных черт³ ослабила интенсивность татарских набегов и сделала территории южных уездов России более безопасными. И с этой точки зрения, однодворческая колонизация ЦЧР в XVII в. объективно подготовила почву для активной экспансии дворянских владений в этом районе в 1-й половине XVIII столетия.

В конце XVII века Центральное Черноземье все еще оставалось преимущественно однодворческим регионом. Несмотря на упрочение позиций светских феодалов, однодворцы (около 42 % населения) продолжали сохранять за собой значительную часть земельного фонда ЦЧР, а в уездах по Белгородской черте землевладение детей боярских и нижних чинов преобладало. Наступление дворянства на южные плодородные земли привело к тому, что ко времени переписи 1678 г. крепостные светских феодалов составляли в этом районе около 35 % всего сельского населения. Однако в своем большинстве южные границы дворянского землевладения совпадали с линией заказных городов 1681 г.⁴ и продвигались далее на юг сравнительно медленно⁵.

На 1700 г. землевладение светских феодалов было зафиксировано в 36 уездах Центрального Черноземья (49321 двор, 221946 душ м.п.) и занимало доминирующее положение в большинстве западных (Орловский, Болховский, Белевский, Мценский, Новосильский, Кромский, Чернский, Карачевский, Брянский, Рыльский) и северо-восточных (Шацкий, Кадомский, Касимовский, Темниковский, Ряжский) уездов. За пределами этого региона многочисленные дворянские имения размещались в ряде центральных уездов – Курском, Елецком, Лебедянском и Данковском. Крупнейшими поместно-вотчинными центрами ЦЧР к началу XVIII века оставались староосвоенные и открытые для «московских чинов» на протяжении всего XVII в. Шацкий⁶ (11372 двора, 51172 души м.п.) и Ряжский (6420 дворов, 28890 душ м.п.) уезды. На их территории бы-

ло сосредоточено около 36 % крепостных, принадлежавших дворянству по ЦЧР⁷.

В уездах по Белгородской черте, как справедливо заметил А.А. Новосельский, к этому времени распространение светского крепостнического землевладения «только начиналось»⁸. К 1700 г. дворянство сравнительно прочно закрепилось лишь в Воронежском уезде (988 дворов, 4446 душ м.п.). Менее активно осваивался Белгородский уезд (191 двор, 860 душ м.п.). В остальных же уездах по черте и к северу от нее дворянские поместья и вотчины либо отсутствовали, либо были незначительными. Так, по данным Алфавитов к Сказкам 1700 г., в 24 дворянских имениях Вольновского, Усманского, Тамбовского, Козловского, Старооскольского, Обоянского и Чернавского уездов в начале XVIII века насчитывалось только 459 крепостных муж. п. (102 двора)⁹.

Около 59 % поместий и вотчин Центрально-Черноземного района в 1700 г. являлись мелкими (по нашей градации – с численностью населения до 20 душ м.п. включительно) – 3287 из 5593. На их территории проживало только 14,3 % (31782 души м.п.) от общего числа крепостных дворянства в регионе. Численно мелкие владения доминировали в большинстве уездов (28), но только в Ефремовском, Козловском, Путивльском, Старооскольском, Усманском и Чернавском уездах подобные имения преобладали по своей населенности.¹⁰

Владения с числом душ м.п. более 100, которые мы отнесли к крупным, размещались на территории 20 уездов, а их удельный вес в ЦЧР составлял 7,1 % (400 имений). Однако концентрация крепостного населения в крупных поместьях и вотчинах была значительно более высокой – на их территории проживало около половины крепостных дворянства в регионе – 108284 души м.п. (48,8 %). В 4-х уездах: Вольновском¹¹, Касимовском, Новосильском и Шацком в крупных имениях было сосредоточено более 50 % крепостного населения уезда. Особо крупные поместья и вотчины, с населенностью более 1000 душ, располагались именно в трех последних уездах, а также в Белевском. Большую часть крупных дворянских владений Центрального Черноземья, 368 из 400 (92 %), составляли имения с числом крепостных от 101 до 500 душ м.п. На их территории разме-

щалося 64 % крепостных крупных помещиков и вотчинников ¹².

Имена средних размеров (с числом душ м.п. от 21 до 100) на Юге России были представлены в 30 уездах и в целом занимали достаточно прочные позиции. К этой категории относилось 34,1 % поместий и вотчин, в которых находилось 36,9 % крепостных дворянства по ЦЧР. По числу крестьян, сосредоточенных в них, подобные имения преобладали в Белгородском, Верхнеломовском, Воронежском, Данковском, Кадомском, Карачевском, Керенском, Курском, Лебедянском, Ливенском, Обоянском, Рыльском, Тамбовском и Трубчевском уездах, т. е. в 14 уездах из 36 ¹³.

За 1-ю четверть XVIII века численность крепостных светских феодалов в ЦЧР выросла в 2,1 раза, т.е. на 110 % (с 221946 до 466968 душ м.п.) ¹⁴. Для выяснения причин столь значительного роста данной категории населения Центрального Черноземья, определим естественный прирост крепостных дворянства в регионе в этот период.

Практически за 50 лет (1678-1725 гг.) общероссийский прирост численности крестьян, принадлежавших светским феодалам, по данным Я.Е. Водарского, составил около 50 %, причем главную роль в увеличении численности этой категории крестьянства играл именно естественный прирост. Это косвенно подтверждается сохранением ко времени I ревизии удельного веса крепостных светских феодалов в общей структуре населения России практически на том же уровне, что и в 1678 г. ¹⁵

Учитывая то, что в Центральном Черноземье естественный прирост населения превышал общероссийский в среднем на 50 % ¹⁶, мы можем говорить о 75 %-м приросте численности крепостных светских феодалов за счет рождаемости за период с 1678 по 1725 г., и приблизительно о 40 %-м за вдвое меньший период (1700-1725 гг.).

Таким образом, удвоение крепостного населения в дворянских имениях Юга России в 1700-1725 гг. произошло в первую очередь за счет миграционных процессов.

Активнее всего заселялась Белгородская губ. (рост числа крестьян в дво-

рянских владениях в 2,68 раза, против 1,65 по Воронежской), а по провинциям – Белгородская (рост в 4,32 раза), Севская (в 4,18 раза), Елецкая (в 2,78 раза), Тамбовская (в 1,89 раза) и Орловская (в 1,55 раза). Темпы роста численности крепостных в Шацкой и Воронежской провинциях не превышали естественных¹⁷.

Наиболее масштабный рост численности крепостных светских феодалов (более чем в 10 раз) отмечался в Старооскольском (144,41 раза), Обоянском (15,86), Ливенском (30,23), Тамбовском (34,63), Козловском (22,19), Керенском (11,82), Верхнеломовском (13,73) и Нижнеломовском (74,49) уездах. Значительный рост дворянского землевладения (при росте числа крепостных в 3-10 раз) был отмечен в Курском (3,2), Орловском (3,25), Кромском (6,57), Карачевском (3,04), Рыльском (4,9), Чернавском (9,17), Ефремовском (6,91), Данковском (3,61), Инсарском (3,36) уездах. Всего по этим 17 уездам численность крепостного населения, сосредоточенного в дворянских имениях, за 1-ю четверть XVIII века выросла с 41040 до 191588 душ м.п. (в 4,67 раза). Чрезвычайно крупные дворянские владения возникли и в Севском уезде. Это произошло за счет пожалований из дворцового фонда. Осваиваются уезды по Белгородской черте, однако этот процесс проходил достаточно медленно¹⁸.

На территории Шацкого, Мценского и Рязжского уездов, относившихся к числу уже сложившихся центров светского феодального землевладения Центрального Черноземья, прирост численности крепостных крестьян не превышал естественного. Сходная ситуация отмечалась и в ряде уездов по Белгородской черте (Белгородский, Вольновский, Воронежский), территория которых еще не стала к этому времени объектом решительной экспансии крепостников. В части Заокских уездов (Кадомский, Касимовский, Темниковский), в связи с отпиской имений у некрещеных инородцев, численность крепостных светских феодалов находилась на уровне 1700 г., либо убывала¹⁹.

Таким образом, очевидно, что 1-я четверть XVIII века стала временем масштабного роста размеров дворянского землевладения в ЦЧР, который прежде всего затронул территорию «заказных городов» и близлежащие районы. Ос-

новой причиной этого, по нашему мнению, следует признать то, что с 90-х гг. XVII века охранительная политика «заказных городов», направленная на предотвращение неконтролируемого расширения дворянского землевладения на однодворческом Юге России, «по существу перестает действовать»²⁰, и вплоть до 2-й половины 20-х гг. XVIII века правительство не оказывало весомого противодействия продвижению крепостничества в Центральном Черноземье. На фактический отказ верховной власти от политики «заказных городов» повлияло не только повышение обороноспособности страны в связи с постройкой Белгородской и Изюмской засечных черт. Сказались и новые принципы комплектования армии: формирование системы рекрутских наборов значительно уменьшило потребности правительства в служилых людях, и на рубеже XVII-XVIII вв. для однодворцев служба заменяется уплатой налога²¹. С 1713 г. на Юге России формируются иррегулярные ландмилицкие полки, пополнявшиеся за счет рекрутских наборов с однодворцев. Примечательно, что численность однодворцев, несших службу на Юге страны, за период с 90-х гг. XVII в. по 1731 г. сократилась с 76 тыс. до 22 тыс. человек²².

Ко времени I ревизии удельный вес крепостных, принадлежавших представителям дворянского сословия, в структуре населения Юга России возрастает с 35 до 44 %. Показательно, что численность однодворцев составляла к этому времени около 30 % населения региона против 42 % в конце XVII века²³.

Дворянство контролировало большую часть земель, находившихся в хозяйственном обороте в Орловской (на них проживало 75 % населения провинции), Севской (56 %) и Шацкой (59 %) провинциях. По Елецкой и Тамбовской провинциям, большинство уездов которых в этот период затронула волна переселения крестьян светских феодалов, привилегированное сословие доминировало только в трех уездах из 14 (Данковском, Рязском, Верхнеломовском). Владения однодворцев в целом преобладали в Белгородской (74 % населения) и Воронежской (77 %) провинциях²⁴.

К концу 1-й четверти столетия дворянское землевладение уже присутствовало в 64 уездах против 36 в начале века, а количество имений возросло с

5593 до 12018, при увеличении численности крепостных, сосредоточенных в них, более чем в 2 раза. Кроме Шацкого и Рязского, к числу крупнейших центров дворянского земле- и душевладения относились Орловский, Белевский, Севский, Кромский, Карачевский, Брянский, и Рыльский уезды. В этих 9 уездах концентрировалось около $\frac{2}{3}$ ревизских душ, принадлежавших светским феодалам по Центральному Черноземью ²⁵.

В 853 крупных дворянских имениях ЦЧР в это время насчитывалось 279842 души м.п., т.е. по средним показателям 328 душ м.п. на владение против 271 в 1700 г. В них проживало 57-60 % крепостных светских феодалов в регионе против 48,8 % в 1700 г., что говорит о значительном усилении концентрации земельного фонда Центрального Черноземья в руках более крупных землевладельцев ко времени I ревизии. Масштабность этого процесса подчеркивает и тот факт, что удельный вес числа крупных дворянских имений в 1700-1725 гг. сохраняется на одном уровне (7 %). Наряду с Белевским, Болховским, Брянским, Воронежским, Данковским, Елецким, Инсарским, Кадомским, Карачевским, Касимовским, Кромским, Курским, Мценским, Новосильским, Орловским, Рязским, Темниковским, Чернским и Шацким уездами, в которых крупные дворянские владения сформировались до конца XVII века, к началу 2-й четверти XVIII века крупное землевладение проникает в Верхнеломовский, Ефремовский, Керенский, Козловский, Лебедянский, Ливенский, Нижнеломовский, Обоянский, Рыльский, Севский и Тамбовский уезды и в целом размещается на территории 30 уездов против 20 в 1700 г. В этот период также, как и в 1700 г., среди крупных дворянских имений преобладали те, в которых численность дворовых и крестьян не превышала 500 душ м.п. – 764 из 853 владений ²⁶.

Самые крупные имения, с численностью душ м.п. более 1000, размещались к этому времени в Болховском, Касимовском, Керенском, Лебедянском, Новосильском, Орловском, Рязском, Севском и Шацком уездах, что говорит не только о территориальной экспансии наиболее крупных крепостников, но и об определенной стабильности крупновотчинных центров ЦЧР. По средним показателям в 1725 г. населенность владений этой категории находилась на гораздо

более высоком уровне, чем в 1700 г. – 3318 и 2423 душ м.п. соответственно. Выросло и количество таких имений – с 10 до 25²⁷.

Несмотря на значительное расширение крупновотчинного землевладения, три четверти вновь возникших к середине 20-х гг. в Центральном Черноземье дворянских имений, являлись мелкими (4880 из 6425). В 1725 г. их уже насчитывалось 8168. За счет этого, доля мелких имений за 1-ю четверть столетия возросла с 58,8 % до 68 % от общего числа южных владений светских феодалов²⁸.

Так же, как и в начале века, в мелких имениях была сосредоточена лишь незначительная часть (около 12 %) крестьян светских феодалов в регионе. За счет существенного увеличения числа мелких владений снижается их средняя населенность – до 7 душ м.п. Количественно мелкие владения преобладали в 36 из 49 уездов, по которым мы располагаем данными, однако только в 17 уездах, большинство из которых было расположено на юге Центрально-Черноземного района, эта категория имений доминировала по своей населенности (Борисоглебский, Валуйковский, Демшинский, Землянский, Карповский, Костенский, Краснослободский, Павловский, Романовский, Сокольский, Старооскольский, Судженский, Усердский, Усманский, Хотмыжский, Чугуевский, Яблоновский)²⁹.

Значительные изменения произошли в структуре и размещении дворянских имений средних размеров. По сравнению с началом столетия происходит существенное снижение удельного веса владений данной категории в общей массе дворянских имений ЦЧР – с 34 % до 25 % по их количеству и с 37 % до 28-30 % по числу крепостных, в них проживавших. Район, в котором владения средних размеров преобладали по своей населенности над остальными имениями, значительно смещается на юг по сравнению с началом века и захватывает Белгородский, Белоколодский, Верхососенский, Добровский, Корочанский, Ливенский, Обоянский, Орловский (уездный город Орлов), Острогожский и Чернавский уезды³⁰.

Закономерным следствием масштабного расширения дворянских имений и стремительного распространения крепостнических порядков на Юге России

явилось резкое ухудшение положения однодворцев и их обезземеливание. Земельную обеспеченность однодворцев также подрывала практика применения в их среде указа о единонаследии 1714 г.

Положение однодворцев наглядно иллюстрируют многочисленные челобитные о дачах из порозжих земель «на пропитание и оплату подушного збору»³¹. В челобитье воронежца О. Полозова, ельчанина Н. Перцева и белокологдца И. Чекрыжева «с товырыщи» от июня 1729 года указывалось, что «ежели нам ис тех диких земель помесных дач дано не будет, пропитание иметь не от чего, понеже за нами помесных дач ... не имеетца»³². В определении Сената от 21 марта 1729 г. отмечалась массовость данного явления в связи с разделами «по первенству», поскольку «остаютца ... протчия без земель и ... скитаютца меж двор»³³.

Поскольку однодворцы обеспечивали содержание ландмилицких полков, правительство, в связи с сохранением опасности татарских набегов³⁴, не могло игнорировать сложившуюся ситуацию.

Возвращение к охранительной политике по отношению к однодворческому землевладению ознаменовалось указом 14 августа 1727 г.³⁵, который впредь запретил дворянству³⁶ приобретать в прежних 16 заказных городах однодворческие земли. Однако самодержавие в очередной раз было вынуждено пойти на компромисс³⁷: села и деревни, приобретенные по купчим, закладным, по менам и по поступкам, записанные в переписных книгах 1710 г. и «в поголовных сказках», было велено укрепить за новыми владельцами. Несмотря на то, что указ прямо не предписывал отказывать и расписывать за дворянами земли, приобретенные в период между подачей переписных книг и 14 августа 1727 г., он был истолкован в интересах господствующего сословия. Это подтверждает проект Писцового наказа 30-х гг. XVIII в., в котором сделки, совершенные за это время, признавались законными³⁸. Указами 19 февраля, 20 июня 1730 г., 21 октября 1737 г. дворянству было запрещено покупать и «брать в заклад» однодворческие земли независимо от местонахождения последних.³⁹ Отход от политики заказных городов⁴⁰ правительство подтвердило в Проекте аннинского Уложения,

разрешив "великороссийскому шляхетству" во всех городах, в том числе и в прежних 16 заказных, приобретение земель, исключая однодворческие⁴¹.

Несмотря на отказ верховной власти от системы закрытых уездов, бесспорно, что указы конца 20-30-х гг. XVIII в. имели в сущности ту же цель, что и заказные города XVII в. – они были попыткой сдержать наступление дворянского Центра на однодворческие земли, поскольку положенные в тягло люди прежних служб Юга и в 1-й половине XVIII в. продолжали играть существенную роль в обороне границ России⁴².

О практической реализации законодательства, призванного ограничить обезземеливание однодворцев и экспансию дворянства в ЦЧР, можно судить на основании итоговых данных II ревизии.

Опираясь на тот факт, что крестьяне, розданные дворянам из государственного фонда за 1-ю половину XVIII века по всей России, составляли от общей численности крепостных, принадлежавших дворянству, около 1 %⁴³, мы можем прийти к выводу, что пожалование населенных имений светским феодалам не оказывало существенного влияния на рост числа крестьян, находившихся в их собственности. За период с I по II ревизию всероссийский прирост крепостных светских феодалов составил около 14 %⁴⁴. Поскольку он был достигнут за счет рождаемости, то естественный прирост данной социальной группы в Центральном Черноземье за вышеуказанный период должен был составлять около 21 %, т. е. в 1,21 раза. Однако в реальности крепостное население дворянских вотчин по ЦЧР между ревизиями выросло с 466968 до 652158 душ м.п., т. е. на 40 % (в 1,4 раза)⁴⁵, из которых около 19 % роста было достигнуто за счет миграционных процессов и расширения дворянских владений, против 70 % за 1-ю четверть XVIII века. Значит, мы можем прийти к выводу о резком снижении масштабов наступления дворянского землевладения на Юг страны во 2-й четверти XVIII века.

Общий рост числа крестьян, принадлежавших представителям дворянства, превышал естественный в Орловской, Воронежской, Елецкой, Шацкой и Тамбовской провинциях⁴⁶, что говорит об определенном смещении освоения

Центрального Черноземья на восток региона.

Размещение дворянского вотчинного фонда ко времени II ревизии, по сравнению с предыдущей, в целом не претерпело значительных изменений. В конце 40-х гг., как и в середине 20-х гг. XVIII века, имения светских феодалов располагались в 64 уездах. Наибольшая концентрация крепостных (более 20 тыс. душ м.п.) отмечалась в Орловском, Белевском, Новосильском, Севском, Кромском, Карачевском, Брянском, Рыльском, Шацком, Керенском и Ряжском уездах. Общая их численность составляла 426892 душ м.п., т. е. 65 % от всех крестьян, числившихся за представителями дворянского сословия в Центральном Черноземье. Сохраняется преобладание дворянского землевладения в Орловской, Севской и Шацкой провинциях. На этой территории доля населения, сосредоточенного в дворянских вотчинах, составляла 81 %, 66 % и 66 % соответственно. Довольно прочные позиции землевладения светских феодалов, как и ранее, имело в Елецкой и Тамбовской провинциях. Здесь на территории дворянских имений проживало соответственно 42 % и 37 % податного населения данного региона. Уезды Белгородской и Воронежской провинций по-прежнему оставались главным образом однодворческими, причем удельный вес крепостных светских феодалов в указанных провинциях вырос между I и II ревизиями лишь на 1 %, тогда как в более северных провинциях ЦЧР рост этого показателя колебался в пределах от 3 до 10 %, а наиболее существенное расширение дворянских вотчин в этот период отмечалось именно в регионах преобладания крепостнического землевладения – Орловской, Севской и Шацкой провинциях. Здесь доля крепостных светских феодалов в общей массе податного населения возросла на 6 %, 10 % и 7 % соответственно⁴⁷. Однако следует заметить, что резкое увеличение численности крепостных, принадлежавших дворянству, по Севской провинции было связано с раздачами из дворцовой Комарицкой волости.

На основании этих данных можно говорить о том, что уезды по Белгородской черте, также как и в I-й четверти XVIII в., оставались малодоступными для дворян.

Тенденция к сокращению темпов роста дворянского землевладения в Черноземном центре страны еще в большей степени усиливается в период между II и III ревизиями. По нашим расчетам естественный прирост крепостных светских феодалов по региону в это время должен был быть близок к 17 % (по всей России – около 11 % ⁴⁸). Поскольку реальный рост числа крестьян, принадлежавших дворянству, в Центральном Черноземье с середины 40-х по начало 60-х гг. находился в районе 15 % (по абсолютным показателям – с 652158 до 749003 душ м.п.), то мы можем говорить об отсутствии массового переселения крепостных дворянства в ЦЧР извне, при сохранении миграций внутри региона. Они затронули в первую очередь Елецкую и самые южные – Воронежскую и Белгородскую провинции. Число крепостных светских феодалов выросло в них соответственно на 31, 66 и 31 % ⁴⁹.

Таким образом, протекционистская политика правительства в отношении однодворцев, проводимая во 2-й четверти-середине XVIII в., давала определенные результаты. Бесконтрольный рост дворянских владений в Центральном Черноземье за счет переселения крепостных из более северных районов страны, имевший место в 1-й четверти столетия, был в значительной степени приостановлен. Стабилизируется и соотношение удельного веса крестьян светских феодалов и однодворцев в общей массе населения ЦЧР на уровне 49-50 % и 31-32 % соответственно. Не столь значительным следует признать и количественный рост дворянских имений. К началу 60-х гг. число вотчин в регионе достигло 13203 против 12018 в 1725 г. ⁵⁰

Вместе с тем, необходимо заметить, что разрешив в конце 20-начале 30-х гг. XVIII в. дворянству приобретение земель в бывших заказных городах, правительство уже не могло предотвратить процесс скупки дворянами однодворческих земель внутри этих уездов. Вотчинная коллегия отмечала, что однодворцы при продаже земли именовали себя «помещиками», а надсмотрщики крепостных дел покрывали факты нарушения закона ⁵¹. С 30-х гг. была фактически разрешена продажа однодворцами своих «отсутственных земель», то есть тех, на которых они не были положены в подушный оклад и с которых не со-

держали ландмилицию⁵². Легальность подобных сделок была подтверждена Межевой инструкцией 1754 г.⁵³

Таким образом, основной причиной борьбы правительства с неконтролируемым ростом светского феодального землевладения на Юге России было не сохранение однодворческого землевладения как такового, а поддержание земельной обеспеченности сословия на том уровне, который позволял однодворцам исправно платить подати и «четырегривенный сбор» на содержание ландмилиции.

С этой точки зрения, вполне закономерно, что даже на фоне снижения темпов переселения крепостного населения из уездов Нечерноземья, процесс укрупнения дворянских вотчин в ЦЧР продолжился и во 2-й четверти XVIII в.

На время III ревизии наибольшая концентрация крепостного труда в дворянских имениях была зарегистрирована по Орловскому, Белевскому, Новосильскому, Севскому, Кромскому, Карачевскому, Брянскому, Рыльскому, Шацкому, Керенскому, Ряжскому, а также Курскому и Елецкому уездам. В этих 13 уездах было сосредоточено 68 % крепостных дворянства по ЦЧР (512038 душ м.п.)⁵⁴.

Рассматривая изменения в структуре дворянского землевладения между 1725 и 1762 гг., следует отметить, что за этот период значительно возрастает как число крупных вотчин – с 853 (7,1 % от общего числа дворянских имений) до 1560 (11,8 %), так и концентрация населения в них – с 57-60 % до 66,2 % от числа всех крепостных светских феодалов в регионе⁵⁵. Сравнив эти данные с темпами заселения ЦЧР с I по III ревизию, мы можем обоснованно предположить, что хронологически процесс укрупнения дворянских владений в Центральном Черноземье преимущественно относился ко времени до II ревизии.

В 1762 г. наличие крупных дворянских имений было отмечено в 41 уезде против 30 в 1725 г. Крупновотчинное землевладение продвигается далеко на Юг и возникает в Белоколодском, Верхососенском, Добровском, Салтовском, Сокольском, Старооскольском, Чернавском, Чугуевском и Яблоновском уездах. Однако этот процесс не отличался крупномасштабностью. По данным ревиз-

ских сказок и прокурорских ведомостей, в 17 крупных дворянских вотчинах, расположенных в вышеуказанных уездах, проживало всего 3793 души м.п.⁵⁶

Преобладание крупных дворянских имений над более мелкими владениями (по числу крестьян, сосредоточенных в них) в 1762 г. было отмечено в 22 уездах против 4 в 1700 г. В подавляющем числе крупных вотчин (1376 из 1560), как и ранее, численность крепостных не превышала 500 душ м.п.⁵⁷

Особо крупные имения представителей дворянского сословия на время III ревизии располагались в 15 уездах – Брянском, Верхнеломовском, Добровском, Елецком, Карачевском, Касимовском, Керенском, Кромском, Лебедянском, Орловском, Путивльском, Рыльском, Рязском, Севском и Шацком. В начале 60-х гг. XVIII века к этой категории относилось 55 имений Центрального Черноземья, в которых проживало около 17 % крестьян светских феодалов в регионе (125618 душ м.п.) против 18 % (84390 душ м.п.) в 25 вотчинах в середине 20-х гг. XVIII века. Средняя населенность таких владений, за счет их дробления, значительно снизилась. В 1762 г. она была близка к уровню начала века – 2266 душ м.п.⁵⁸

Удельный вес мелких вотчин, которые к III ревизии все еще доминировали численно, снижается по сравнению с показателями I ревизии как по их количеству, так и по населенности – с 68 % до 56,2 % и с 11,8 % до 8,4 % соответственно. В 45 уездах из 62 мелкие дворянские вотчины составляли более половины имений, но лишь в Коротоякском, Краснослободском, Наровчатском, Ольшанском, Павловском, Романовском, Тавровском, Усердском, Усманском и Хоперском уездах они преобладали над остальными вотчинами по населенности⁵⁹.

Доля крепостного населения, проживавшего в дворянских владениях средних размеров в течение 2-й четверти XVIII века, также продолжает снижаться, и в начале 60-х гг. она составляла 25,4 % против 28-30 % по I подушной переписи. Однако за тот же период произошел достаточно активный рост численности владений этой категории в общей массе дворянских вотчин – с 25 % до 32 %, что говорит об активизации дробления вотчин в связи с отменой указа

1714 г. Регионом преобладания (по населенности) средних имений продолжают оставаться по преимуществу наиболее южные и наименее затронутые крепостничеством уезды Центрального Черноземья – Борисоглебский, Демшинский, Землянский, Карповский, Костенский, Миропольский, Орловский (Орлов), Острогожский, Сокольский, Старооскольский, Судженский, Хотмыжский и Чернавский; исключение составлял лишь Чернский уезд⁶⁰.

В заключение определим общие размеры дворянского землевладения в ЦЧР в 1700-1762 гг. Это возможно только на основании дополнительных вычислений.

Для оценки площади пашни, принадлежавшей на рубеже XVII-XVIII вв. в ЦЧР дворянскому сословию, обратимся к расчетам С.Г. Струмилина. В условиях господства натурального хозяйства, утверждает автор (на основании данных XVI века), семья из 6-7 душ обоего пола (3,5 души м.п.)⁶¹ для обеспечения хлебом как продовольственным, так и на корм скоту, а также для уплаты феодальных повинностей должна была обрабатывать не менее 15 десятин пашни в трех полях (при урожайности сам-3)⁶². Исходя из соотношения 15 десятин пашни на 3,5 души м.п., в 1700 г. на 221946 душ м.п. (численность крепостного населения, сосредоточенного в дворянских имениях ЦЧР к этому времени) будет приходиться 951 тыс. десятин пашни.

Для расчета размеров пашни в Черноземном Центре России в 1762 г. воспользуемся данными Я.Е. Водарского. По подсчетам автора, на время Генерального межевания дворянство владело в Тульской, Рязанской, Орловской, Курской, Тамбовской и Воронежской губерниях в общей сложности 7357 тыс. десятин⁶³. Следует заметить, что эти данные являются несколько завышенными, поскольку часть этих земель находилась в чересполосном владении дворян с другими собственниками⁶⁴.

Время межевания вышеуказанных губерний не совпадает между собой⁶⁵. Сопоставляя его со временем проведения IV и V ревизий, используем для определения численности крестьян, принадлежавших дворянству, для Воронежской, Рязанской и Тульской губерний данные IV ревизии (1782 г.), а для Тамбовской,

Орловской и Курской – V ревизии (1795 г.). В сумме получаем 1632722 души м.п.⁶⁶ Разделив общую площадь пашни на численность крепостных, мы получаем 4,51 десятины пашни на душу м.п. Воспользовавшись этим соотношением, найдем площадь пашни в дворянских имениях на изучаемой территории в 1762 г. При численности крепостных дворянства в 749003 души м.п. она составит 3375 тыс. десятин.

Таким образом, в Центральном Черноземье за период с 1700 по 1762 г. размеры пашни, принадлежащей дворянству, выросли в 3,55 раза при росте крепостного населения в 3,37 раза. Учитывая определенное завышение показателей по пашне в 1762 г., мы можем утверждать, что итоги наших подсчетов являются достаточно близкими к достоверным размерам пашни в регионе.

Кроме размеров пашни нас интересуют и общие размеры земли, находившейся во владении дворянства в 1700 и 1762 гг.

Для расчета площади непашенных угодий используем тот факт, что по указу 1682 г. при межевании помещикам и вотчинникам на каждые 100 четвертей дачи выделялось из порозжих земель под усадьбы, на сенные покосы и вместо леса по 50 десятин, т. е. на 3 десятины пашни 1 десятина угодий. Данная мера была принята в интересах феодалов и имела своей целью сохранить в их владении излишние земли, и с этой точки зрения должна была отражать действительное распределение пашни и остальных угодий в земельном фонде дворянства⁶⁷. Исходя из вышеуказанного соотношения, определим, что размеры угодий составляли 317 тыс. десятин. Следовательно, общие размеры землевладения дворянства в 1700 г. в ЦЧР равнялись 1268 тыс. десятин.

Расчет общей площади земель, находившихся в собственности светских феодалов в 1762 г., осуществим на основе данных, что по Генеральному межеванию в ЦЧР пашня составляла от всех дворянских земель 50,1 % (8276 из 16520 тыс. десятин)⁶⁸. Таким образом, общие размеры дворянских вотчин по региону ко времени III ревизии должны были составлять 6737 тыс. десятин.

Полученные в ходе расчетов результаты сведены в таблицу:

Землевладение дворянства в ЦЧР в 1700-1762 гг., тыс. десятин

	1700 г.	1762 г.	рост, в размах
Всей земли,	1268	6737	5,31
в том числе:			
Пашни	951	3375	3,55
Непахенных угодий	317	3362	10,60

Табличные данные не только дают общее представление о размерах землевладения дворянства на Юге России в 1700-1762 гг., но и подтверждают то, что в течение 1-й половины XVIII столетия дворяне захватили значительное количество земель. И если пашня выросла в 3,55 раза, что сопоставимо с ростом численности крестьян светских феодалов в регионе за изучаемый период, то площадь непашенных угодий, увеличилась в 10,6 раза.

2.2. Социально-чиновная структура дворянских владений Центрального Черноземья в первой половине XVIII века

Одной из важнейших характеристик поместно-вотчинного фонда дворянского сословия является его социально-чиновная структура.

Сложившись в XV-XVII веках как сословие, состоящее на Государевой службе⁶⁹, дворянство, включившее в свой состав в 1-й половине XVIII столетия другие категории привилегированного сословия, сохранило и в это время, как было показано в предыдущей главе, свой служилый характер.

Основываясь на материалах Алфавитов к Сказкам Генерального двора, прокурорских ведомостей и сказок III ревизии, рассмотрим эволюцию чиновной структуры имений дворянства, существовавших в Центральном Черноземье в 1-й половине XVIII века, а также выявим характер зависимости между чиновным статусом различных групп российского дворянства и размерами их владений в регионе.

Воспользовавшись классификацией Я.Е. Водарского⁷⁰, мы выделили из общей массы дворянства и включили в состав правящей верхушки светских феодалов думных людей, высшие придворные чины, а также стольников⁷¹. По данным источников (см. приложение 21), в 1700 г. указанная чиновная группа владела в ЦЧР 15,3 % имений (по абсолютным показателям – 767) и 42,4 % дворов (18880). Учитывая, что данные Алфавитов Сказок Генерального двора охватывают 90 % дворовладения региона, на Юге России в собственности верхушки привилегированного сословия на рубеже XVII-XVIII столетий, по нашим подсчетам, находилось около 850 вотчин и поместий и более 21 тысячи дворов в 27 уездах⁷².

Наиболее многочисленными, как показывают данные, приведенные в приложении, были имения стольников – 646 владений (12,8 % от общего числа дворянских имений в ЦЧР). На их территории размещалось $11856 \frac{1}{3}$ двора (26,7 %). Поместно-вотчинный фонд думных чинов был также значителен – 117 имений (2,3 %) и $6713 \frac{2}{3}$ двора (15,1 %), из которых $5013 \frac{1}{4}$ двора находились в собственности бояр, а 1098 дворов принадлежали окольным. Владения верхушки дворцовых чинов на Юге России были представлены только 4 имениями с 310 дворами⁷³.

Подавляющее же большинство дворянских имений Центрально-Черноземной России в 1700 г. (84,7 %) и более половины дворов светских феодалов в регионе (57,6 %) принадлежали общей массе городских дворян и столичных чинов, что по абсолютным показателям составляло соответственно 4262 поместья и вотчины и $25599 \frac{3}{5}$ двора (по Алфавитам к Сказкам 1700 г.). Экстраполируя эти данные, мы получаем около 4700 имений, в которых размещалось приблизительно 28500 дворов⁷⁴.

Наиболее обширные владения правящего слоя дворянства в конце XVII-начале XVIII века находились в староосвоенных Шацком и Рязском уездах. На их территории данная чиновная группа владела в общей сложности приблизительно 10400 дворами (около 47000 душ м.п.; более 10000 душ м.п. в каждом из уездов), что составляло половину дворовладения верхушки сословия в ЦЧР. На

территории Шацкого уезда также концентрировалась преобладающая часть землевладения боярства в Центральном Черноземье. Достаточно крупным был поместно-вотчинный фонд думных, верхушки дворцовых чинов и стольников в Орловском и Белевском уездах, в них размещалось около 3000 крестьянских дворов и свыше 13400 душ м.п. (более 5 тыс. душ в каждом из уездов). Менее значительными имениями вышеуказанные чины владели в Болховском, Брянском, Данковском, Елецком, Кадомском, Карачевском, Касимовском, Кромском, Лебедянском, Мценском, Новосильском, Темниковском и Чернском уездах – от 1 до 5 тысяч душ м.п. в каждом из уездов, что в сумме дает около 6600 дворов и 29700 душ м.п. В остальных уездах землевладение наиболее чиновного слоя дворянства либо было минимально (Верхнеломовский, Ефремовский, Инсарский, Керенский, Курский, Ливенский, Нижнеломовский, Путивльский, Рыльский, Старооскольский), либо отсутствовало (Белгородский, Вольновский, Воронежский, Козловский, Обоянский, Тамбовский, Трубчевский, Усманский, Чернавский)⁷⁵.

Вышеприведенную картину размещения поместий и вотчин той части сословия светских феодалов, которая находилась в чинах стольников и на более высоких ступенях служилой иерархии, следует дополнить, опираясь на показатели удельного веса этих имений в каждом из уездов. Так, в Данковском, Нижнеломовском, Новосильском и Шацком уездах во владениях правящей группы привилегированного сословия размещалось 50 % и более дворов дворянства от общего их числа в уезде; в Белевском, Елецком, Инсарском, Кромском, Орловском и Рязском – от 40 до 50 %, в Болховском, Брянском, Кадомском, Карачевском, Касимовском, Керенском, Лебедянском, Ливенском, Старооскольском⁷⁶, Темниковском и Чернском уездах – от 20 до 40 %. В уездах, расположенных ближе к Белгородской черте, удельный вес имений данной чиновной группы снижается; в ряде уездов – до 0 %⁷⁷.

Сопоставление рассмотренных данных свидетельствуют о том, что наиболее масштабное присутствие землевладения правящего слоя светских феодалов наблюдалось на западе Центрального Черноземья и в ряде Заокских уездов.

По мере продвижения на юг и восток региона, его размеры и удельный вес в уезде сокращаются. По Белгородской черте и вблизи нее стольники, думные и высшие дворцовые чины владений не имели.

Анализируя размеры имений, которые составляли помещтно-вотчинный фонд верхушки правящего сословия, следует заметить, что 46,41 % владений данной социальной группы относились к категории средних, а удельный вес мелких и крупных составлял соответственно 28,81 % и 24,77 %. Однако 76,94 % крестьянских дворов, являвшихся собственностью лиц, имевших чины стольника и выше, размещалось в крупных поместьях и вотчинах, тогда как на территории мелких имений было сосредоточено лишь 2,78 % дворов⁷⁸.

Достаточно четкая тенденция в структуре владений прослеживается и по отдельным чинам, относившимся к верхушке сословия светских феодалов. Так, среди имений бояр крупными являлись 50,8 % поместий и вотчин. Среди имений окольных, думных дворян, думных дьяков, стольников крупными были соответственно 40,6 %, 38,9 %, 25 % и 21,1 % владений. В крупных поместьях и вотчинах бояр было сосредоточено 94,8 % дворов, им принадлежавших. Для лиц, служивших в чинах окольных, думных дворян, думных дьяков и стольников, этот показатель соответственно составлял 80,5 %, 72,1 %, 70,1 %, 68,9 %. Оба имения кравчего В.Ф. Салтыкова относились к числу крупных⁷⁹.

Основная масса столичных и городских дворян, в отличие от верхушки сословия, владела преимущественно мелкими имениями. Они составляли 64,08 % от всех владений, принадлежавших дворянам, не входившим в правящий слой светских феодалов, тогда как доля средних и крупных поместий и вотчин была значительно ниже и составляла соответственно 31,91 % и 4,01 %. Тенденция к сокращению удельного веса крупных имений в составе владений данной чиновной группы, сравнительно с верхушкой сословия, четко просматривается и по распределению дворов между имениями в зависимости от их величины. Около половины дворовладения тех дворян, которые к началу XVIII века не достигли высоких чинов, было сосредоточено в имениях средних размеров (49,08 %). Для мелких и крупных поместий и вотчин этот показатель рав-

нялся соответственно 22,75 % и 28,17 %⁸⁰.

За время с начала XVIII столетия до момента III ревизии населенность дворянских имений в ЦЧР выросла с 221946 до 749003 душ м.п., т.е. в 3,37 раза. По данным прокурорских ведомостей и сказок III ревизии, мы имеем полные данные о чинах владельцев 8192 вотчин с общей численностью крепостных – 535672 души м.п. (62 % имений и 71,5 % крепостных дворянства в регионе), что позволяет говорить о репрезентативности выборки⁸¹.

Чиновная иерархия, сложившаяся в России после принятия Табели о рангах, достаточно сильно отличалась от структуры чинов XVII века. Кроме того, старые и новые чины не имели соотношения между собой, что создает определенные проблемы для сопоставления социально-чиновной структуры дворянских имений Центрально-Черноземного региона в 1700 и 1762 гг. Однако в нашем распоряжении находятся материалы проекта Вотчинной главы, составленной в 30-х гг. XVIII столетия, в пункте 1 части 9 которой определялись нормы раздач из Дикого поля как для старых, так и новых чинов⁸² (см. Приложение 20). Чины боярина, окольничего, думного дворянина, думного дьяка, кравчего, постельничего и стольника в проекте приравнивались к 4-11 классам, что говорит об общем занижении старых чинов перед петровскими на 3 ранга. С этой точки зрения верхушка привилегированного сословия, к которой на начало XVIII века нами отнесены думные, высшие дворцовые чины, а также стольники, в послепетровское время должна быть определена как совокупность генеральских и штаб-офицерских чинов (1-8 классы Табели 1722 г.).

В приложении 24 приведены показатели, в наиболее общем виде характеризующие социально-чиновную структуру дворянских имений Центрального Черноземья к 1762 г.

Как следует из таблицы, 87,1 % крепостных привилегированного сословия в Центрально-Черноземной России принадлежали дворянству, находившемуся «в рангах», и распределялись между генеральскими, штаб- и обер-офицерскими чинами практически в равных долях⁸³. Тем не менее, средняя населенность имений вышеуказанных трех чиновных групп была различной и на-

прямую зависела от чина. Наибольшая концентрация крепостного труда наблюдалась в вотчинах лиц, служивших в чинах с 1 по 5 ранг – 369 душ м.п. на владение, причем особо крупными являлись имения дворян, получивших чин генерал-фельдмаршала или приравненный к нему – в среднем 2157 душ м.п. на имение. Средняя населенность владений дворян, служивших в штаб- и обер-офицерских рангах была гораздо ниже – соответственно 87 и 45 душ м.п. Данный показатель уменьшается еще более во владениях унтер-офицеров, капралов и солдат – 32 души м.п. Канцелярские служители, недоросли, а также купцы, принадлежавшие к привилегированному сословию, владели вотчинами, в которых проживало в среднем по 24 души м.п. С 1700 до 1762 г. средняя населенность имения, принадлежавшего дворянам, входившим в чиновную верхушку сословия, возросла со 111 до 134 душ м.п. Показатели, характеризующие среднюю населенность владений остального дворянства, были значительно ниже: в 1700 – 27, а в 1762 г. – 39 душ м.п.⁸⁴

Ко времени III ревизии наиболее многочисленными имениями на Юге России владели дворяне, находившиеся в чинах с 14 по 9 класс – 41,6 % от общего числа дворянских вотчин в Центральном Черноземье (по нашим расчетам – около 5700 имений)⁸⁵. Количество имений, принадлежавших дворянам, дослужившимся до чинов с 8-го по 1-й, а также не входившим в иерархию Табели о рангах, составляло в обоих случаях около 4000 вотчин⁸⁶. За период с 1700 по 1762 г. доля владений, принадлежавших верхушке сословия, в общей массе дворянских имений Центрально-Черноземного региона возросла на 14,3 % (с 15,3 % до 29,6 %), а удельный вес населения, проживавшего в них – на 16,8 % (с 42,4 % до 59,2 %)⁸⁷.

Особый интерес для изучения чиновной структуры дворянского вотчинного фонда в начале 60-х гг. XVIII века представляют данные о размерах имений, находившихся в собственности той или иной чиновной группы. Они сведены нами в таблицу (см. приложение 26).

Анализируя показатели по пяти чиновным группам, мы можем прийти к выводу, что по крупным имениям наблюдается прямая зависимость между до-

лей крепостных, проживавших на их территории, и чином землевладельца – для более высокой чиновной группы характерна более высокая степень сосредоточения крепостного населения именно в крупных имениях. Так, у генеральских чинов в крупных вотчинах проживало 94,5 % от общего числа крестьян, им принадлежавших. В имениях этой категории у штаб-офицеров и обер-офицеров было сконцентрировано соответственно 71,4 % и 51,7 % их крепостных, тогда как для унтер-офицеров, капралов и солдат это показатель составлял 53 %, а для канцелярских служащих, недорослей и купечества – 38,8 %. По отношению к мелким и средним вотчинам зависимость в целом приобретает обратный характер.

Кроме того, вотчинный фонд дворян, имевших более высокие чины, состоял из крупных имений чаще, нежели у тех дворян, которые служили в более низких рангах: доля крупных вотчин уменьшается с 49,9 % у генеральских чинов до 21,8 % и 10,5 % соответственно у штаб- и обер-офицерских. Еще ниже данные показатели у лиц «не в рангах». Четко выраженная обратная тенденция (увеличение доли имений по мере уменьшения чина владельца) прослеживается в отношении мелких вотчин. Так, если у дворян, служивших в чинах 1-5 рангов, таких владений было только 15,3 % от общего числа имений, принадлежавших им, то вотчинный фонд штаб-офицеров состоял из мелких владений на 34,5 %, обер-офицеров на 51,4 %, а у дворян «не в рангах» они явно преобладали (средние показатели по IV и V чиновным группам – соответственно 69,1 % и 73,7 %). В отношении владений средних размеров следует заметить, что разброс показателей, характеризующих их долю в общем числе вотчин, принадлежавших той или иной чиновной группе, гораздо меньше, чем в случае мелких и крупных имений – около 21 % (показатели колебались в пределах от 22,6 % до 43,7 %). Однако владения средних размеров все же были более характерны для вотчинного фонда лиц, служивших «в классах», нежели для тех дворян, чьи чины не входили в Табель.

Сравнив соотношение доли мелких, средних и крупных имений (как по их числу, так и по населенности) в общей массе владений верхушки дворянско-

го сословия в рамках Центрально-Черноземного региона за период с начала столетия до III ревизии, мы можем отметить, что оно практически не изменилось, заметно лишь незначительное (на 5,02 %) усиление концентрации крепостного населения в крупных имениях. Это объясняется тем фактом, что доля крепостных правящей группы светских феодалов, сосредоточенных именно в крупных поместьях и вотчинах, была весьма высока уже в начале XVIII в. – 76,94 %. ⁸⁸ Поскольку землевладение верхушки сословия находилось в максимально благоприятных условиях (дробление имений компенсировалось крупномасштабными раздачами из государственного фонда, а также активной скупкой и захватом земель), мы можем обоснованно предположить, что степень концентрации крепостных правящей верхушки дворянства в крупных владениях (77-82 %) была близка к максимально возможному уровню.

Более значительны изменения в структуре владений основной массы дворянства, не имевшей высоких чинов. Здесь укрупнение владений происходило активнее. Доля крепостных, проживавших на территории крупных владений, увеличилась за период с 1700 до 1762 г. на 22,79 % при росте их удельного веса в общей массе имений, принадлежавших данной чиновной группе, только на 4,87 % ⁸⁹.

Таким образом, тезис об измельчании в течение 1-й половины XVIII в. владений рядового дворянства, бытующий в отечественной историографии ⁹⁰, не находит своего подтверждения в рамках ЦЧР. Особенностью дворянского землевладения в данном регионе было то, что процесс укрупнения имений, базирующийся на скупке и захвате земель, затронул все слои сословия светских феодалов и значительно превышал по своим масштабам интенсивность дробления дворянских владений.

Далее рассмотрим поездные данные, характеризующие социально-чиновную структуру дворянских имений в ЦЧР в начале 60-х гг. XVIII века, сравнив их с началом столетия.

Как явствует из таблицы, приведенной в приложении 27, имения верхушки дворянского сословия к моменту проведения III ревизии, по сравнению с

1700 г., продвинулись далеко на юг региона – они размещались на территории 57 уездов, против 27 в начале века. В 1762 г. из 59 уездов ЦЧР, по которым мы имеем данные, землевладение генеральских чинов и штаб-офицеров отсутствовало лишь в Костенском и Ольшанском.

Наиболее крупным вотчинным фондом дворяне, относившиеся к чиновной верхушке сословия, в 1762 г. владели в Брянском, Кромском, Шацком, Орловском, Ряжском и Севском уездах. В каждом из них численность крепостных во владениях правящей группы светских феодалов превышала 20 тысяч душ м.п. и в общей сложности по 6 уездам составляла около 230 тысяч душ м.п., то есть практически половину душевладения генеральских и штаб-офицерских чинов по ЦЧР. Общая численность крепостных в имениях наиболее чиновной группы привилегированного сословия превысила 10 тысяч душ м.п. в Белевском, Данковском, Елецком, Карачевском, Керенском, Курском, Мценском, Новосильском, Рыльском и Чернском уездах (всего около 130 тысяч душ м.п. или 30 % крепостных правящей верхушки сословия). Однако, несмотря на масштабное расширение в ЦЧР за период с 1700 до 1762 г. владений высших дворянских чинов, размеры их землевладения в самых южных уездах Черноземья оставались незначительными⁹¹.

Показательным является также тот факт, что во всех уездах, где дворянское землевладение имело к 1762 г. достаточно прочные позиции, в имениях генеральских и штаб-офицерских чинов было сосредоточено 45 % и более крепостных привилегированного сословия: в Белевском, Брянском, Верхнеломовском, Данковском, Кадомском, Касимовском, Керенском, Кромском, Лебедянском, Новосильском, Орловском, Путивльском, Рыльском, Ряжском, Севском, Темниковском, Чернском и Шацком – более половины, а в Болховском, Елецком, Ефремовском, Карачевском и Мценском – от 45 до 50 %⁹².

Тем не менее, несмотря на столь значительное расширение присутствия владений чиновной верхушки дворянства в Центральном Черноземье к началу 60-х гг. XVIII века и их территориальную экспансию, в подавляющем большинстве уездов региона имения, принадлежащие основной массе сословия, про-

должали преобладать по численности⁹³.

* * *

Подведем наиболее общие итоги.

За период с 1700 г. по 1762 г. численность крепостных, сосредоточенных в дворянских имениях Юга России, возросла более чем в 3,37 раза – с 221946 до 749003 душ м.п., и к середине XVIII века в Центральном Черноземье проживало около 20 % крепостных дворянства России против 10 % в начале столетия⁹⁴. Общие размеры дворянского землевладения, по нашим оценкам, за то же время выросли в 5,31 раза (с 1268 тыс. до 6737 тыс. десятин), а по пашне – в 3,55 раза (с 951 тыс. до 3375 тыс. десятин).

рис. 1

Процесс расширения владений светских феодалов в Центральном Черноземье в 1-й половине XVIII века был напрямую взаимосвязан с миграционными процессами в регионе, которые хронологически можно разделить на ряд этапов. Это схематично представлено на рис. 1.

1) 1-я четверть XVIII века – Снижение потребностей правительства в служилых людях (как следствие реформы комплектования армии) и повышение безопасности уездов Юга России (в связи с постройкой в середине-2-й половине XVII в. засечных черт) приводят к тому, что система заказных городов фактически перестает действовать, существуя лишь формально. Верховная власть не создает существенных препятствий для роста крепостнического землевладения на Юге России, следствием чего становится неконтролируемое переселение крестьян светских феодалов в ЦЧР. Население дворянских имений за этот период возросло на 110 %, из которых более 70 % прироста произошло за счет миграций.

2) 1727 г. – середина 40-х гг. XVIII века – Поскольку в результате массового обезземеливания однодворческого населения подрывалась сама система обороны Юга страны, правительство было вынуждено возобновить проведение политики защиты однодворческого землевладения. Основной ее целью было сохранение однодворцев как категории населения, способной содержать ландмилицию и служить в ее составе. Это явилось причиной снижения темпов расширения в изучаемом регионе дворянских вотчин. Численность крестьян, принадлежавших дворянству по ЦЧР, между I и II ревизиями в целом выросла на 40 %, в том числе приблизительно на 19 % за счет миграций, против 70 % за 1-ю четверть XVIII в. Однако, отказавшись в законодательном порядке от системы закрытых (заказных) уездов, самодержавная власть могла лишь в определенной степени затормозить (но не прекратить !) процесс расширения дворянских имений, скупки и захвата однодворческих земель. Следует заметить, что решение о ликвидации заказных городов было вполне закономерным, поскольку в связи с утверждением Табели о рангах, старое деление на московские и уездные чины упразднялось («ныне все великороссийское шляхетство в единой и равной службе пребывает»⁹⁵), и разделение уездов на открытые и закрытые являлось анахронизмом.

3) середина 40-х – начало 60-х гг. XVIII-века – Правительство продолжает проведение политики, направленной на ограничение активного расширения

дворянских вотчин в ЦЧР. Рост числа крепостных светских феодалов между II и III ревизиями был достигнут за счет естественного прироста населения. Вместе с тем, укрупнение дворянских владений продолжалось.

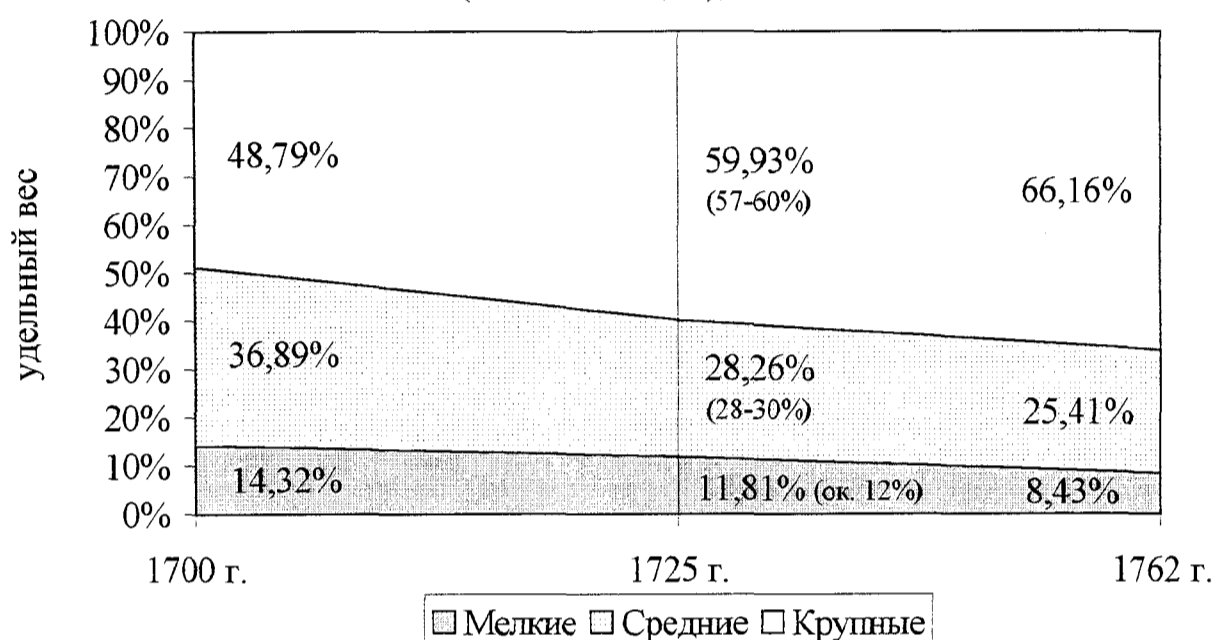
Проникновение крепостных дворянства в различные регионы Юга России происходило в 1-й половине XVIII века неравномерно.

В 1-й четверти столетия приток этой категории податного населения в основном затронул территорию заказных городов 1681 г. с преимущественным заселением уездов, входивших в Белгородскую губернию. Ко времени между I и II ревизиями регион активного расселения крестьян светских феодалов смещается к востоку ЦЧР и захватывает Воронежскую губернию. Середина же века стала временем, когда происходил процесс миграции части крепостных дворянского сословия в менее освоенные южные провинции Центрального Черноземья. Однако несмотря на это, к середине XVIII века, как и ранее, подавляющее большинство дворянских владений было сосредоточено на линии заказных городов и к северу от нее. Численность крестьян, принадлежавших дворянству, в самых южных уездах Центрального Черноземья была незначительна и по абсолютным показателям росла крайне медленно. Воронежская и Белгородская провинции оставались по преимуществу однодворческими.

Соотношение количества мелких, средних и крупных имений, принадлежавших представителям дворянского сословия, в 1700 и 1762 гг. находилось практически на одном уровне. Преобладающее число владений являлись мелкими – 59 % и 56 % соответственно.

Крупнейшими центрами дворянского землевладения в Центральном Черноземье на протяжении всей 1-й половины XVIII столетия оставались, сформировавшиеся еще в XVI веке, Шацкий и Ряжский уезды. Ко времени I ревизии численность крепостных светских феодалов превысила 20 тыс. душ м.п. также в Орловском, Белевском, Севском, Кромском, Карачевском, Брянском и Рыльском, ко II ревизии – в Новосильском и Керенском, а к 1762 г. – в Курском и Елецком уездах. Всего в вышеперечисленных 13 уездах на протяжении изучаемого периода проживало не менее $\frac{2}{3}$ крестьян светских феодалов Юга России.

Структурные изменения в размещении крепостных дворянства
по крупным, средним и мелким имениям в 1700-1762 гг.
(по данным ЦЧР), %

Примечание: На 1725 г. в скобках даны значения, откорректированные по приложению 3

рис. 2

В течение 1-й половины XVIII века в Центральном Черноземье активно протекал процесс расширения крупного землевладения светских феодалов (см. рис. 2). Ко времени III ревизии крупные имения дворянства размещались на территории 41 уезда против 20 в начале века, проникая в самые южные уезды ЦЧР – Белоколодский, Верхососенский, Добровский, Салтовский, Сокольский, Старооскольский, Чернавский, Чугуевский и Яблоновский.

Важнейшей особенностью процесса концентрации земельного фонда и крепостных в руках дворянства по ЦЧР было превышение темпов укрупнения имений светских феодалов над темпами их дробления. Причины этого заключались в массовой скупке, захвате черноземных земель. Для верхушки сословия, кроме того, было характерно пополнение числа своих крупных владений за счет пожалований из государственного фонда. По этим причинам доля крепостных дворянства, проживавших в крупных владениях, в 1700-1762 гг. увеличилась с 48,79 % до 66,16 %, то есть на 17,37 %. Из них 8-11 % приходилось на 1-ю чет-

верть XVIII в., а 6-9 % – на период 1725-1762 гг. Учитывая то, что 1714-1730 гг. были временем действия указа о единонаследии, который в определенной степени сдерживал дробление дворянских имений (особенно до 1725 г.), вышеприведенные данные представляются вполне закономерными. Сопоставление их с показателями, характеризующими интенсивность заселения ЦЧР выходцами из более северных регионов (рис. 1), дает нам возможность считать, что наиболее значительный рост крупных дворянских имений на Юге России происходил до середины 40-х гг. XVIII века.

Доля крепостных, принадлежавших дворянам – собственникам мелких и средних владений, к концу второй трети столетия, по сравнению с его началом, снижается с 14,32 % до 8,43 % и с 36,89 % до 25,41 % соответственно.

Анализ социально-чиновной структуры дворянских имений в ЦЧР в 1-й половине XVIII века позволил подтвердить наличие весьма четкой взаимосвязи между политической властью и собственностью, продемонстрировать тот неоспоримый факт, что политическое господство верхушки сословия базировалось на прочном экономическом фундаменте. Связь властных полномочий и собственности являлась еще более тесной в обстановке реформ Петра I и последующей эпохи дворцовых переворотов, когда политическая поддержка курса правительства и личная преданность монарху вознаграждались быстрым восхождением по лестнице чинов и крупными пожалованиями земли и крепостных крестьян.

Так, по ЦЧР доля крепостных светских феодалов, сосредоточенных в имениях правящей группы сословия за период с 1700 по 1762 г. выросла с 42,4 % до 59,2 %, и к середине XVIII столетия уже можно говорить о преобладании на Юге России вотчинного фонда наиболее чиновного слоя дворянства. Средняя населенность владений верхушки сословия в 3-4 раза превышала тот же показатель по имениям остальной массы дворянства, а имения лиц, получивших высшие чины в служилой иерархии, были крупнее владений рядовых дворян в среднем в 14-55 раз. Наиболее масштабное распространение имений правящего слоя светских феодалов происходило в первую очередь на террито-

риях, значительно удаленных к северу от Белгородской черты. Самые южные регионы ЦЧР и часть Заокских уездов этот процесс затронул в гораздо меньшей степени.

Прекращение поместных раздач влекло за собой закономерное измельчание владений основной массы дворянства. Однако этот процесс не затронул Центральное Черноземье, где активная скупка и захват земель позволяли светским феодалам расширять свой земельный фонд. Особенностью данного региона в 1-й половине XVIII в. стало то, что укрупнение имений затронуло как верхушку сословия, так и рядовое дворянство, и темпы этого процесса значительно превышали интенсивность дробления владений. Более того, поскольку концентрация крепостных правящей группы светских феодалов в крупных имениях была близка к максимально возможной уже в начале XVIII в. (около 77 %), темпы укрупнения владений остального дворянства намного превышали те же показатели у верхушки сословия (23 % против 5 %).

ГЛАВА 3. РОДОВАЯ СТРУКТУРА ДВОРЯНСКИХ ИМЕНЕЙ В ЦЧР В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

Идею о крайне разнообразном составе российского дворянства достаточно ярко выразил министр народного просвещения кн. К.А. Ливен, писавший в XIX веке, что «линия дворянского сословия столь необозримое имеет у нас протяжение, что одним концом касается подножия престола, а другим почти в крестьянстве теряется»¹. В.Ю. Рикман также справедливо замечал, что в XVI-XVII веках дворянское сословие представляло из себя «очень пеструю картину». В его состав входили потомки княжеских титулованных фамилий, старомосковского боярства, а также детей боярских и уездных дворян, предки которых нередко являлись холопами. В XVIII столетии, под влиянием реформ Петра Великого, в состав шляхетства вошли как значительная часть старого служилого сословия, так и часть приказных людей, детей боярских, архиерейских и патриарших дворян и служилых иноземцев². Привилегированное сословие в соответствии с Табелью о рангах пополнялось и по выслуге.

На протяжении веков верхушку правящего сословия Московского государства составляли немногочисленные, сравнительно с остальной массой провинциального дворянства, потомки древних титулованных и нетитулованных родов. Видоизменяясь с течением времени под влиянием оскудения ряда старых фамилий и пополняясь удельной и выезжей иноземной знатью, а также новыми неродовитыми людьми, состав боярской аристократии во 2-й половине XVI-XVII вв. в основном формировался из среды ограниченного круга фамилий³. В их числе были титулованные потомки кн. Рюрика, в. кн. Гедемина Литовского, кабардинских и татарских князей. Среди нетитулованной знати ядро старомосковской аристократии составляли потомки Ратши, М. Прушанина, А. Зерна, А. Кобылы, Ф. Бяконта, И. Квашни, Ховры и некоторых других фамилий. Вплотную к боярской аристократии примыкало достаточно значительное число «честных» фамилий, стабильно служивших на протяжении XVI-XVII веков в столичных чинах и попадавших в Думу лишь изредка.

В связи с отменой местничества в конце XVII века, изменениями, произведенными в порядке несения службы при Петре, и утверждением Табели о рангах трансформируется и само понятие знатности – в его основу теперь был положен новый критерий – личная служба. Приобретение дворянства по выслуге позволило значительному числу лиц недворянского происхождения войти в состав привилегированного сословия.

В качестве основной задачи настоящей главы мы рассматриваем изучение на основе массовых источников эволюции родовой структуры дворянских владений в Центральном Черноземье в 1-й половине XVIII века, а также анализ данного процесса в свете изменения состава сословия светских феодалов в вышеуказанный период. Чрезвычайно важным является и вопрос о том, какое место занимали в ЦЧР имения «новой» петровской и послепетровской знати и смогли ли они потеснить землевладение боярской аристократии XVI-XVII вв.

В сословии светских феодалов нами выделено три большие группы родов с составом, сложившимся во 2-й половине XVII века: титулованные фамилии, нетитулованная старомосковская знать и провинциальное дворянство. Кроме того, объектом исследования являются имения тех родов, которые вошли в ряды российского дворянства только в 1-й половине XVIII века. Соответственно структурирована и настоящая глава.

* * *

По Сказкам 1700 г. в первую десятку крупновотчинных и крупнопоместных родов России входили князья Черкасские (12382 двора), Нарышкины (11113), Салтыковы (7862), князья Голицыны (7860 ½), князья Долгоруковы (7552), князья Одоевские (5319), Головины (4714), Шереметевы (4443 ½), князья Прозоровские (3953) и князья Куракины (3824). Более чем двумя тысячами дворов также владели Бутурлины (3479 ½), Лопухины (3333 ½), Стрешневы (3079 ½), князья Волконские (3066 ½), князья Ромодановские (2998 ½), Строгановы (2990), князья Урусовы (2807 ½), князья Щербатовы (2732), Плещеевы (2377 ½), князья Хованские (2214), князья Репнины (2162), Хитрово (2146), князья Львовы (2144), князья Борятинские (2082), Волынские (2053 ½) и

князя Троекуровы (2003). Вышеперечисленные 26 родов совокупно владели примерно 30 % крестьянских дворов страны ⁴.

По состоянию на 1700 г. в Центральном Черноземье имения принадлежали представителям 1433 дворянских родов, к 1762 г. их число возросло до 2077. За этот период в регионе исчезает землевладение 461 рода, которые владели в начале века 730 имениями и 4384 дворами (19728 душ м.п.), и возникают имения новых 1105 фамилий (из них от половины до двух третей следует признать получившими дворянство в течение 1-й половины XVIII века), за которыми в начале 60-х гг. числилось 2504 вотчины и 122889 душ м.п. Однако подавляющее большинство имений и крепостных сохраняли за собой 972 рода, владевших землями на Юге России в течение всего изучаемого периода. В 1700 г. им принадлежало 4331 имение (86 %) и 39785 дворов (179031 душа м.п.) (90 %), а в 1762 г. – 8702 вотчины (78 %) и 511040 душ м.п. (81 %), что говорит об очень высокой степени стабильности родового состава дворян – земле- и душевладельцев ЦЧР в 1-й половине XVIII века ⁵. Этот вывод становится еще более важным, если учесть, что в данный период Юг страны был быстро заселяемой территорией, на которой происходил массовый рост дворянских имений.

В начале XVIII столетия лишь 32 дворянских рода владело в ЦЧР более, чем по 1 тысяче душ м.п. ⁶ В общей сложности им принадлежало 516 поместий и вотчин и 15578 дворов (70100 душ м.п.), что составляло около 32 % душевладения светских феодалов по Центральному Черноземью. К 1762 г. число таких фамилий увеличивается до 140. В их собственности уже находилось 2851 имение и 367404 души м.п. (49 % крепостных дворянства по региону) ⁷.

В 1700 г. свыше 5000 крепостных на Юге страны имели лишь дворяне Нарышкины. К моменту III подушной переписи в число наиболее крупных вотчинников ЦЧР (всего 14 фамилий) также вошли рюриковичи князя Долгоруковы и Гагарины, гедеминовичи князя Голицыны и Трубецкие, представители старомосковской знати графы и дворяне Салтыковы и Шереметевы, представители «иноземных владетельных родов» князя Кантемиры и фон Голштейнбек, возвысившиеся в течение 1-й половины XVIII века графы и дворяне Апракси-

ны, Разумовские, Чернышевы, а также дворяне Сафоновы и Шеншины.

3.1. Титулованное дворянство

В начале XVIII века на территории ЦЧР размещалось землевладение 112 титулованных родов. Им принадлежало 542 поместья и вотчины, 9270 дворов (41717 душ м.п.). К началу 60-х гг. фамилии, имевшие титул до начала XVIII века, владели в ЦЧР 607 вотчинами, в которых проживало 87010 душ м.п. Таких родов насчитывалось 76 против 112 в начале столетия. Подобное сокращение числа титулованных фамилий произошло в первую очередь за счет того, что при Петре I за некрещеными татарами и мурзами дворянское достоинство признано не было, а их земли подверглись конфискации.

Большая часть княжеского дворовладения в 1700 г. размещалась на территории имений, принадлежавших 36 фамилиям, считавшимися потомками кн. Рюрика. Они владели 200 поместьями и вотчинами и 4936 дворами (22213 душ м.п.). Среди рюриковичей по масштабам землевладения выделялись северо-восточные (ярославские, стародубские, ростовские и белозерские) и черниговские. В 175 владениях, принадлежавших им, размещалось 4714 дворов (21211 душ м.п.). Наиболее крупными имениями владели представители черниговского дома – князя Долгоруковы, Одоевские, Волконские, Щербатовы и Репнины. К крупным помещикам и вотчинникам относились также князя Лобановы-Ростовские и стародубские князя Хилковы. Эти фамилии владели в ЦЧР 67 имениями и 3097 дворами (13935 душ м.п.).

К 1762 г. душевладение рюриковичей (35 родов) на Юге страны увеличилось почти на 80 %. По III ревизии им принадлежало 230 вотчин и 39467 душ м.п. Крупнейшие имения продолжают удерживать за собой князя черниговского дома (126 вотчин, 22026 душ м.п.) и северо-восточные рюриковичи (73 вотчины, 14365 душ м.п.). Наиболее крупными землевладельцами в этот период остаются князя Долгоруковы, Одоевские, Волконские, Щербатовы, Репнины, Лобановы-Ростовские и Хилковы. Столь же значительными вотчинами ко времени III ревизии обладали князя Борятинские, Гагарины, Дашковы, Прозоров-

ские и Шаховские. Вышеперечисленные 12 родов владели в ЦЧР к началу 60-х гг. XVIII века 150 вотчинами и 32814 душами м.п.

Данные источников, использованных нами, позволяют проследить эволюцию имений княжеских фамилий в ЦЧР в 1-й половине XVIII века, а также представить развернутую характеристику размещения владений наиболее крупных светских феодалов из числа титулованной аристократии.

Многочисленные представители черниговского княжеского дома Долгоруковых в конце XVI-1-й половине XVII века служили в основном в чинах дворян московских и стольников, однако уже в XVI в. входили в Думу (боярин В.Т. Долгоруков). Во 2-й половине XVII столетия боярами становятся В.Д., М.Ю., Ю.А., Я.Ф. Долгоруковы, окольниковичим – П.А. Долгоруков. Соответственно выросли и вотчины Долгоруковых (1646 г. – 431, 1678 г. – 3521 двор)⁸. К 1700 г. в вотчинах и поместьях представителей рода было сосредоточено 7552 двора⁹, из них 1021 ½ двора (4597 душ м.п.) в 16 имениях на Юге страны.

В начале XVIII в. по ЦЧР Долгоруковы владели поместьями и вотчинами в Белевском, Данковском, Кадомском, Касимовском, Кромском, Ряжском, Чернском и Шацком уездах. Самыми населенными среди них являлись шацкое имение стольника кн. Б.Ф. Долгорукова, в котором было 289 дворов и касимовское владение кн. Василия Лукича Долгорукова – 277 дворов.

Ко времени I ревизии душевладение кн. Долгоруковых возрастает почти до 10,5 тыс. крестьян. В середине 20-х гг. особо крупные вотчины имели в Керенском уезде кн. А.Л. Долгоруков – 1493 души м.п., в Касимовском – член Верховного тайного совета, тайный советник кн. В.Л. Долгоруков – 1809 душ м.п. К наиболее крупным землевладельцам могут быть отнесены также кн. В.В., И.Ю., Ю.Ю. Долгоруковы, владевшие в Инсарском, Кадомском, Ливенском, Орловском, Ряжском, Темниковском уездах в общей сложности 3001 душой м.п.

Однако, попав при Анне Иоанновне в опалу, Долгоруковы утратили значительные земельные богатства. Была конфискована в том числе и касимовская вотчина (1845 душ м.п.) кн. В.Л. Долгорукова, казненного в 1739 г.¹⁰ В 40-х гг.

часть отписанных вотчин была возвращена в род¹¹, и к 1762 г. в собственности Долгоруковых находилось 32 вотчины и 7123 крепостных м.п., размещавшихся в 17 уездах ЦЧР. Старые имения Долгоруковых продолжали существовать в Касимовском, Ряжском и Шацком уездах. Однако в новых вотчинах в Болховском, Верхнеломовском, Воронежском, Добровском, Елецком, Инсарском, Карачевском, Керенском, Козловском, Ливенском, Нижнеломовском, Орловском, Рыльском и Тамбовском было сосредоточено большинство крестьян, принадлежавших представителям рода на Юге России – 4506 душ м.п. Тем не менее, распространяясь на все большее число уездов и увеличиваясь численно, имения Долгоруковых дробились, в результате чего ко времени III ревизии ни одно из их владений не могло быть отнесено к категории особо крупных.

Князья Одоевские потеряли свои последние родовые уделы при Иване IV. В XVII веке Одоевские служили в думных (бояре – Н.И., И.Н., Ю.М., Я.Н. Одоевские), дворцовых чинах (кравчий В.Ф. Одоевский) и являлись крупными вотчинниками (1646 г. – 2304, 1678 г. – 3345 дворов)¹². Из 5319 дворов, которыми в 1700 г. владели (в поместьях и вотчинах) по стране кн. Одоевские¹³, в ЦЧР в 5 имениях размещалось только 495 дворов (2228 душ м.п.), и к 1762 г. вотчинный фонд кн. Одоевских в Центральном Черноземье практически не вырос – 7 владений, 2383 души м.п. Однако за этот период происходило достаточно активное перемещение имений кн. Одоевских в более южные уезды. Так, если в начале столетия подавляющее число их крепостных проживало в Ряжском и Шацком уездах, то к 1762 г. они концентрировались уже в Болховском, Данковском и Елецком уездах. К числу особо крупных в 1700 г. относилось лишь владение стольника кн. Юрия Юрьевича Одоевского в Шацком уезде – 288 дворов (1296 душ м.п.), а в 1762 г. – елецкая вотчина прапорщика лейб-гвардии Семеновского полка кн. Сергея Ивановича Одоевского, в которой насчитывалось 1138 душ м.п.

Черниговские князья Волконские начинают возвышаться только в конце XVI-начале XVII вв. В XVII веке в Думе сидели окольные Г.К., П.Ф., Ф.Ф., В.Б., М.А., Ф.Ф. Волконские. Многие представители рода имели чины стольни-

ков, стряпчих и дворян московских¹⁴.

На начало XVIII столетия Волконские владели в 12 уездах Центрального Черноземья 432 дворами (1944 души м.п.) из общего числа по России – 3066 ½ дворов¹⁵. Ко времени I ревизии в собственности кн. Волконских по ЦЧР находилось не менее чем 3217 душ м.п. За время с 1700 г. по 1762 г. количество их владений в регионе выросло с 27 до 44, и к III ревизии в имениях кн. Волконских в 16 уездах проживала 4801 душа м.п. В начале века владения кн. Волконских размещались в Белевском, Болховском, Брянском, Данковском, Елецком, Кромском, Мценском, Новосильском, Ряжском, Старооскольском, Чернском и Шацком уездах. К 1762 г. были утрачены вотчины в Белевском, Болховском, Мценском и Чернском уездах, однако новые имения возникают в более плодородных южных уездах – Козловском, Курском, Орловском, Путивльском, Тамбовском, Усманском, а также Ефремовском и Нижнеломовском. В то же время следует заметить, что ни одно из имений кн. Волконских на Юге России не было особенно крупным, и численность крепостных в каждом отдельном владении, по данным имеющихся в нашем распоряжении источников, не превышала 500 душ м.п.

Князья Щербатовы при Иване Грозном несли службу в дворовых детях боярских, а затем в опричном дворе. В XVII в. представители рода служили в стольниках, дворянах московских, а к концу столетия – и в высших думных чинах (окольничий, затем боярин кн. К.О. Щербатов, окольник кн. Д.Н. Щербатов)¹⁶. В 1700 г. князьям Щербатовым по стране принадлежало 2732 двора¹⁷. Из них 305 ¼ (1374 души м.п.) в ЦЧР. К 1762 г. фамилии принадлежало в регионе 2597 душ м.п., из которых более половины (1327 душ) находилось в ряжской вотчине бригадира кн. Осипа Ивановича Щербатова. В течение 1700-1762 гг. владения Щербатовых сохраняются в Кромском, Ряжском и Шацком уездах; были утрачены имения в Белевском и приобретены новые – в Мценском, Нижнеломовском и Орловском. Происходит постепенное перемещение крепостных и земельного фонда фамилии в более южные уезды. Так, если в начале столетия 88 % крестьянских дворов кн. Щербатовых было сосредоточено в

Рязском и Шацком уездах, то к III ревизии 90 % крепостных, находившихся в их собственности, проживало на территории имений в Рязском, Орловском и Кромском уездах.

К первостепенным боярским родам относились черниговские рюриковичи князя Репнины, служившие в боярском чине во 2-й половине XVI-XVII вв. (М.П., Б.А., П.А., И.Б. Репнины)¹⁸. В начале XVIII столетия представители фамилии имели по стране 2162 двора¹⁹, из которых в ЦЧР размещался 271 двор (1220 душ м.п.). В 1762 г. на Юге России Репниным принадлежало 2032 души м.п. Репнины стабильно владели имениями в Шацком уезде, в течение 1-й половины XVIII века утратили имения в Болховском и Орловском и приобрели новые в Керенском, Ливенском и Нижнеломовском уездах. Однако основным регионом размещения владений князей Репниных на протяжении этого периода остаются Заокские уезды, в которых было сконцентрировано в 1700 и 1762 гг. соответственно 56 % и 80 % крепостных рода по ЦЧР. Наиболее крупным вотчинником на время I ревизии являлся генерал, президент Военной коллегии кн. Никита Иванович Репнин. За ним по Шацку, Болхову и Курску числилось 1376 душ м.п. В начале 60-х гг. обширными имениями владел генерал-поручик, действительный камергер кн. Петр Иванович Репнин (1617 душ м.п. в Шацком, Керенском и Нижнеломовском уездах).

Крупными помещиками и вотчинниками в начале XVIII века являлись кн. Борятинские, относившиеся на рубеже XVI-XVII вв. к верхушке провинциального дворянства, связанной с Государевым двором. При первых Романовых они служили в столичных чинах, а также попадали в Думу (во 2-й половине XVII в. – бояре И.П., Ю.Н. Борятинские)²⁰. По Сказкам 1700 г. по России представители этой фамилии владели 2082 дворами²¹. В течение 1-й половины столетия кн. Борятинские достаточно активно расширяли свои владения в Центральном Черноземье. К 1762 г. по региону им принадлежало 16 вотчин и 1505 душ м.п. против 6 имений и 50 дворов (225 душ м.п.) в 1700 г. За этот период, утратив имения в Брянском и Карачевском уездах, кн. Борятинские укрепились в Рязском и приобрели новые крупные вотчины в Данковском, Ефремовском и Ниж-

неломовском уездах. К середине века подавляющее большинство их крепостных сосредоточивалось именно в этих четырех уездах. Мелкие имения представители фамилии имели в Краснослободском, Сокольском и Усердском уездах.

Стародубские кн. Гагарины, потеряв большинство родовых вотчин, в XVI-XVII вв. захудали и не входили в число крупнейших землевладельцев. В чиновном отношении представители этой фамилии в конце XVI века несли службу в выборных дворянах, переходя в последующее время в столичные чины. В середине XVII столетия в числе думных чинов упоминается боярин Б.А. Гагарин²². По данным 1700 г., по всей стране Гагариным принадлежал всего 791 двор²³, из которых 47 (212 душ м.п.) располагалось в ЦЧР в 7 имениях Рязского и Шацкого уездов.

Однако к 60-м гг. XVIII века кн. Гагариным удалось увеличить свое душевладение на Юге России почти в 25 раз. И если во 2-й половине 20-х гг. они владели не менее чем 2378 душами м.п., то в 1762 г. кн. Гагарины являлись собственниками 15 вотчин и 5273 душ крепостных, проживавших, кроме двух вышеуказанных, в Данковском, Керенском, Козловском, Курском и Лебедянском уездах. Большая часть этих крестьян (4392 души м.п.) принадлежала гвардии секунд-майору кн. Матвею Алексеевичу и генерал-поручику, шталмейстеру Сергею Васильевичу Гагариным. Вместе с тем, несмотря на территориальную экспансию, район размещения наиболее крупных вотчин кн. Гагариных по ЦЧР оставался в Заокских уездах, и в их имениях в Шацком и Керенском уездах числилось в общей сложности 4203 души м.п.

Стародубские князья Хилковы, служившие в конце XVI-XVII вв. в думных (окольничий В.Д. и боярин И.А. Хилковы) и столичных чинах²⁴, по Сказкам 1700 г. владели по стране 1625 дворами²⁵. В отличие от князей Гагариных, их душевладение в ЦЧР за период с 1700 по 1762 г. незначительно сократилось. К началу 60-х гг. XVIII века они владели 5 вотчинами и 1166 душами м.п. против 4 имений и 1400 крепостных (311 дворов) в начале века. Основным центром землевладения рода на Юге России в 1700 г. являлся Рязский уезд. Здесь кн. Хилковым принадлежало 3 имения и 291 крестьянский двор. Однако в течение

изучаемого периода имения Хилковых, сравнимые по размерам с ряжскими, постепенно появляются и в более южных уездах: Ефремовском и Новосильском. Были приобретены земли и в Козловском уезде.

Ярославские князья Шаховские вряд ли могут быть отнесены к категории боярских аристократических родов, поскольку с конца XVI века не служили в думных чинах и владели по преимуществу поместьями, а не вотчинами. Тем не менее, Шаховские несомненно могут рассматриваться как достаточно крупные землевладельцы. К началу XVIII столетия представителям этой фамилии принадлежало по России в общей сложности 1390 $\frac{1}{4}$ двора²⁶. В период до III ревизии владения Шаховских по ЦЧР достаточно сильно увеличились, и численность крепостных в них за изучаемый период выросла с 167 (37 дворов) до 2053 душ м.п. В 1700 и 1762 гг. Шаховским принадлежало соответственно 5 и 13 имений. Кроме владений в Данковском и Шацком уездах, принадлежавших им в начале века, ко времени III ревизии Шаховские являлись собственниками вотчин еще в шести уездах: Кадомском, Козловском, Курском, Лебедянском, Миропольском и Ряжском. Более чем половиной крепостных князей Шаховских по ЦЧР владел лейб-гвардии конного полка ротмистр кн. Николай Алексеевич Шаховской. В его вотчинах по Ряжскому, Лебедянскому, Козловскому и Данковскому уездам проживало 1045 душ м.п.

Постепенно продвигалось на юг в 1-й половине XVIII столетия и землевладение более знатных князей Прозоровских. В отличие от своих сородичей Шаховских князья Прозоровские в XVII в. сидели в Думе (бояре – С.В., М.В., П.И., окольный – С.В. Прозоровские) и к началу последней четверти столетия владели по стране только на вотчинных землях 2225 дворами²⁷. В изучаемый период в Центральном Черноземье происходит укрупнение их имений: при незначительном увеличении числа крестьян, принадлежавших Прозоровским (с 939 душ м.п. (209 дворов) в 1700 г. до 1128 в 1762 г.), количество владений уменьшается с 10 до 3. Большая часть поместий и вотчин Прозоровских в начале века размещалась в Темниковском и Шацком уездах. Менее крупные имения за ними числились в Орловском уезде. Сохранив за собой шацкие земли и утра-

тив владения по Темникову, Кадому и Орлу, Прозоровские в течение 1-й половины столетия приобретают вотчины в Ряжском и Елецком уездах.

Князья ростовского дома Лобановы служили в конце XVI-XVII вв. в столичных чинах, а также в выборных дворянах. Отдельные представители фамилии несли службу и в высших думных чинах (окольничие П.С., Н.И., бояре И.И., А.В. Лобановы-Ростовские)²⁸. Владения князей Лобановых-Ростовских по ЦЧР в 1-й половине XVIII столетия размещались в Заокских уездах²⁹. Ко времени III ревизии единственная вотчина в Шацком уезде принадлежала ротмистру кн. Ивану Ивановичу Лобанову-Ростовскому (1406 душ м.п.), унаследовавшему ее от деда Якова Ивановича³⁰, за которым это имение было записано в Сказках 1700 г. (203 двора)³¹ и по I ревизии (1168 душ м.п.).

Смоленские князья Дашковы не относились к числу боярских аристократических родов, поскольку в конце XVI-XVII вв. не служили в думных чинах и не обладали значительными земельными богатствами³². Размещение владений князей Дашковых в ЦЧР за 1-ю половину XVIII столетия не претерпело значительных изменений. Наиболее крупные их имения как в 1700 г., так и в 1762 г. располагались в Ряжском и Орловском уездах. В начале века на их территории размещалось 116 (629 душ м.п.) из общего числа по Центральному Черноземью – 139 $\frac{3}{4}$ дворов. К III ревизии кн. Дашковы, утратив другие владения, расширили свои ряжские и орловские вотчины – в них проживало 1357 душ м.п. Сильно был выражен и процесс укрупнения имений, поскольку их число за изучаемый период сократилось с 12 до 2.

К 60-м гг. XVIII в. в ЦЧР утратили вотчины ярославские князья Троекуровы (служили в конце XVI-XVII вв. в думных чинах)³³ и захудавшие черниговские князья Хотетовские³⁴. Однако на время I ревизии отдельные представители этих родов могли быть отнесены к числу особо крупных титулованных земле- и душевладельцев региона. Троекуровым и Хотетовским в этот период на Юге России принадлежали вотчины с населением в 1618 и 1354 души м.п. соответственно, подавляющее большинство из которых было записано за братьями кн. А.И., А.И. и П.И. Троекуровыми в Елецком, Верхнеломовском, Орлов-

ском и Ряжском уездах (1187 душ м.п.), а также находилось во владении окольничего кн. И.С. Хотетовского по Болхову и Орлу (1329 душ м.п.).

Душевладение остальных представителей рюрикова дома, по данным на 1700, 1725 и 1762 гг., не превышало 1000 душ м.п. Из них наиболее крупными крепостниками были князья Львовы (1700 г. – 864 души м.п. (192 двора), 1762 г. – 904 души м.п.) и Белосельские (1700 г. – в регионе имений нет; 1762 г. – 939 душ м.п.). В начале XVIII столетия на Юге России собственниками имений также являлись белозерские князья Ухтомские, галицкие и волынские – Бабичевы, князья Касаткины-Ростовские, смоленские – Вяземские, Козловские, Кропоткины, стародубские – Пожарские и Ромодановские, черниговские – Болховские, Горчаковы, Кольцовы-Мосальские, Лыковы, Тюфякины, ярославские – Великогагины, Галыгины, Дуловы, Жирового-Засекины, Засекины, Солнцовы-Засекины, Шахонские, Щетинины (всего у представителей 22 родов – 83 имения, 5009 душ м.п.). Ко времени III ревизии утратили вотчины князья Великогагины, Галыгины, Жирового-Засекины, Лыковы, Пожарские, Ромодановские, Шахонские. Однако возникают имения князей белозерских Вадбольских, галицких и волынских – Друцких, Друцких-Соколенских, Путятиных, черниговских – Елецких, Масальских, Оболенских (всего у представителей 23 родов – 80 имений, 6653 души м.п.).

Значительно за период с 1700 по 1762 г. в Центрально-Черноземном регионе России расширились владения потомков великого князя Литовского – Гедмина. Если в начале XVIII века на Юге страны князьям Голицыным, Трубецким, Куракиным и Хованским принадлежало 1863 двора (8384 души м.п.) в 29 имениях, то ко времени III ревизии они являлись собственниками 56 вотчин, в которых проживало 26689 душ м.п.

Князья Голицыны, относившиеся к числу наиболее родовитых боярских фамилий, традиционно несли службу в думных чинах. В конце XVI-начале XVII вв. известны бояре В.Ю., И.Ю., Ю.М., И.И., В.В., А.И., А.В., Г.В., а в более позднее время – А.А., В.В., И.А., И.В., М.А., А.И., Б.А. Голицыны.³⁵

К началу XVIII столетия в собственности кн. Голицыных по России нахо-

дилось 7860 $\frac{1}{2}$ двора³⁶. Число крепостных, проживавших во владениях этой фамилии по ЦЧР, за период с 1700 по 1762 г. увеличилось более, чем в четыре раза – с 4064 (903 двора) до 16838 душ м.п., а количество имений, принадлежавших им в регионе, выросло соответственно с 13 до 31. В 1700 г. поместья и вотчины князей Голицыных располагались в Белевском, Брянском, Ряжском, Темниковском, а наиболее крупные – в Новосильском и Шацком уездах. В новосильском имении стольника кн. А. Голицына в селах Пруды и Черемошное с деревнями³⁷ находилось 280 крестьянских дворов. Боярин кн. Б.А. Голицын владел 240 дворами в Шацком и Новосильском уездах (86 и 154 двора соответственно). По I ревизии крупнейшее имение в Новосильском уезде с 2910 душами крепостных было записано за вдовой полковника кн. А.Б. Голицына – кн. А.И. Голицыной.

К моменту III ревизии вотчины князей Голицыных по ЦЧР размещались уже в 19 уездах: Брянском, Вольновском, Данковском, Елецком, Карачевском, Керенском, Кромском, Курском, Ливенском, Мценском, Нижнеломовском, Орловском, Рыльском, Ряжском, Севском, Старооскольском, Судженском, Шацком, Яблоновском. Уже сам перечень уездов говорит о том, как далеко на юг продвинулось их землевладение. Из общего числа 16838 ревизских душ, которые были во владении кн. Голицыных в это время, 13253 души проживали в вотчинах Брянского, Кромского, Ряжского, Севского и Шацкого уездов. Достаточно значительными были имения рода в Курском, Орловском и Яблоновском уездах. По ревизии в них было положено в оклад 2346 душ м.п. Практически половиной крепостных князей Голицыных на Юге России владела жена действительного камергера князя Дмитрия Михайловича Голицына действительная статс-дама Екатерина Дмитриевна (урожденная кн. Кантемир). Ей принадлежало 8075 душ м.п., из них в Кромском (с. Гнездилово с приписными)³⁸ и Севском (с. Дмитровка с приписными)³⁹ уездах 3189 и 2851 душа м.п. соответственно. Крупными вотчинами в ЦЧР владели также сенатор, действительный тайный советник кн. Алексей Дмитриевич и гоф-маршал кн. Николай Михайлович Голицыны – 2761 и 1882 души соответственно.

В начале XVI века гедеминовичи Трубецкие, как и рюриковичи кн. Одо-евские, относились к числу удельных князей. Перейдя на московскую службу, кн. Трубецкие служили в опричнине, затем при дворе Ивана IV; занимали видное положение в годы правления Б. Годунова. В конце XVI-XVII вв. известны бояре Ф.М., Н.Р., Т.Р., С.И., А.В., А.Н., Д.Т., Ю.П., И.Ю., Ю.Ю. Трубецкие⁴⁰.

В отличие от других гедеминовичей, поместья и вотчины которых в начале XVIII века были сосредоточены преимущественно за пределами ЦЧР, князья Трубецкие имели половину своего дворовладения именно в данном регионе – 558 дворов (2511 душ м.п.) из 1132⁴¹. По Сказкам 1700 г. имения князей Трубецких располагались только в двух уездах ЦЧР – Белевском (485 дворов) и Кромском (73 двора). В 1762 г. их вотчины размещались уже на территории 9 уездов: Белевского, Болховского, Верхнеломовского, Карповского, Керенского, Кромского, Курского, Павловского и Яблоновского. Однако, несмотря на определенное перемещение владений рода к югу, этот процесс нельзя признать масштабным, поскольку крупнейшие вотчины князей Трубецких к этому времени располагались в Кромском уезде – здесь в 6 владениях проживало 4487 душ м.п. из общего числа по ЦЧР (6021 душа м.п.), т.е. 75 % крепостных.

В начале столетия наиболее крупными имениями в роду владели князья боярин Иван Юрьевич и стольник Юрий Юрьевич Трубецкие, которым по разделу достались белевские и кромские вотчины их отца боярина кн. Ю.П. Трубецкого⁴². В общей сложности им принадлежало 558 дворов. На время III ревизии большей частью крепостных рода князей Трубецких по ЦЧР владели сыновья кн. Ю.Ю. Трубецкого (ум. в 1739 г.) лейб-гвардии капитан Дмитрий Юрьевич и генерал-фельдмаршал, подполковник лейб-гвардии Преображенского полка Никита Юрьевич Трубецкие⁴³ – им принадлежало 4210 душ м.п., из которых 2998 душ проживало в Кромском уезде.

Менее значительными были на Юге России имения князей Куракиных и Хованских. Относившиеся к числу первостепенных аристократических фамилий гедеминовичи Куракины в конце XVI-XVII вв. несли службу в думных чинах (бояре А.П., Г.А., Д.А., П.А., Ф.А., С.А., И.С., Ф.С., Г.С., Ф.Ф. Куракины)⁴⁴.

В 1700 г. князьям Куракиным принадлежало в Центральном Черноземье 303 (1364 души м.п.) из 3824 дворов по стране⁴⁵. Их владения в ЦЧР начале века размещались в трех уездах: Новосильском, Орловском и Шацком. К 1762 г. за кн. Куракиными в регионе сохранились только две вотчины по Орловскому уезду (2617 душ м.п.), принадлежавшие малолетним князьям Александру, Алексею, Ивану и Степану Борисовичам Куракиным, а также их матери кн. Е.С. Куракиной⁴⁶. Имена в других уездах были утрачены. Владения родовитых князей Хованских, попавших в Думу только в XVII веке (бояре И.А., П.И., С.А. Хованские)⁴⁷, в изучаемом регионе по своей населенности уступали именьям остальных потомков великого князя Литовского. В 1700 г. ЦЧР им принадлежало только 99 дворов (446 душ), а к 1762 г. – 1213 душ м.п.

Начиная со 2-й половины XVI в. в число наиболее влиятельных и крупных землевладельцев России входили князья Черкасские, происходившие от владетелей Большой Кабарды, вступивших в российское подданство после покорения в 1556 г. Иваном IV Астраханского ханства⁴⁸. В 1561 г. Иван Васильевич женился на княжне М.Т. Черкасской, а ее брат кн. М.Т. Черкасский являлся одним из руководителей опричнины⁴⁹. В конце XVI-XVII веках в Думе в разное время сидели бояре Б.К., В.К., И.Б., Д.М., Я.К. и окольный В.П. Черкасские. Потеряв большинство своих вотчин в период Смуты, кн. Черкасские вновь становятся крупными землевладельцами в годы правления Михаила Федоровича, а к 1678 г. в их собственности находилось 63 вотчины и 9018 дворов⁵⁰.

Являясь в начале XVIII века крупнейшими вотчинниками и помещиками России (12382 двора)⁵¹, князья Черкасские имели в ЦЧР только 302 двора, то есть около 2,5 % от общего их числа. Большая часть этих дворов (264) была сосредоточена в шацком имении стольника кн. Данилы Григорьевича Черкасского. По I ревизии кн. Черкасским принадлежало на Юге России не менее 3125 душ м.п., из которых 2844 душами владели кн. Александр Бекович Черкасский⁵² и ближний стольник, Сибирский губернатор, будущий канцлер кн. Алексей Михайлович Черкасский. Их наиболее крупные вотчины располагались в Шацком, Керенском и Верхнеломовском уездах. К началу 60-х гг. за кн. Черкас-

скими в южных вотчинах, размещавшихся в Заокских уездах, числилось 2667 душ, из которых 2307 душ принадлежало сыновьям А.Б. Черкасского – князьям полковнику Александру Александровичу и бригадиру Александру Александровичу Черкасским⁵³. Владения кн. Егуповых-Черкасских в Центрально-Черноземном регионе были менее значительны. В их собственности в 1700 и 1762 гг. находилось соответственно 203 (45 дворов) и 898 душ м.п.

Значительную часть светских титулованных феодалов как в 1-й половине XVIII столетия, так и в более раннее время составляли служилые люди татарского происхождения. В 1700 г. собственниками 305 из 542 княжеских имений являлись 67 татарских родов. В их владениях размещалось 2070 дворов (9316 душ м.п.). Однако подавляющее большинство имений татарских мурз и князей не являлись крупными. Среди них выделялись лишь князья Урусовы. Они владели 10 имениями и 285 дворами (1283 души м.п.).

Число княжеских татарских родов, имевших поместья и вотчины в ЦЧР, за 1700-1762 гг. сократилось с 67 до 34. Это произошло за счет отписки владений у некрещеных мурз и татар в правление Петра I⁵⁴. К началу 60-х гг. XVIII в. вотчины татарских титулованных феодалов продолжали оставаться многочисленными, но преимущественно не крупными. В 311 имениях, принадлежавших им, было сосредоточено 17044 души м.п., но лишь князья Мещерские, Урусовы, Еникеевы, Енголычевы и Девлеткилдеевы владели более чем по 1 тысяче душ м.п. В общей сложности им принадлежало 9373 души м.п. в 98 владениях по ЦЧР.

К наиболее родовитым княжеским татарским родам в 1-й половине XVIII столетия относились князья Юсуповы (Юсуповы-Княжевы), Урусовы и Мещерские.

Ногайские мурзы Юсуповы, служившие в XVII веке в стольниках, стряпчих, московских и городовых дворянах, ко 2-й половине века утратили значительную часть крупных имений⁵⁵, и к 1700 г. в их поместьях и вотчинах по России находилось 914 дворов⁵⁶, из них только 70 (315 душ м.п.) в ЦЧР. К 1762 г. они владели на Юге страны 701 душой м.п. В отличие от подавляющего боль-

шинства татарских феодалов имения кн. Юсуповых концентрировались преимущественно в уездах с русским населением. В 1700 г. Юсуповы являлись собственниками владений в Белевском, Чернском; по I ревизии – в Чернском, Шацком⁵⁷; в 1762 г. – Верхососенском, Данковском, Кромском и Обоянском уездах. Обращает на себя внимание и высокая степень мобилизации имений кн. Юсуповых в Центральном Черноземье.

Татарские князья Урусовы служили в XVII веке в думных, дворцовых и столичных чинах (бояре, кравчие, стольники)⁵⁸ и являлись более крупными землевладельцами. По Сказкам 1700 г. за представителями рода числилось 2807 ½ двора⁵⁹, из них 285 дворов (1283 души м.п.) по уездам ЦЧР. На время I ревизии кн. Урусовым в регионе принадлежали вотчины, в которых проживало 2106, а к 1762 г. – 1458 душ м.п. Район размещения самых крупных имений Урусовых за 1-ю половину XVIII века практически не изменился – они располагались по уездам в бассейне Оки⁶⁰. Самыми значительными вотчинами в начале 60-х гг. XVIII века владел подполковник кн. С.Г. Урусов. В Шацком и Нижнеломовском уездах ему принадлежало 1130 душ м.п.

За период с 1700 по 1762 г. наиболее значительный рост владений на Юге России наблюдался у представителей рода князей Мещерских. А.П. Павлов справедливо относил кн. Мещерских к «сравнительно неродословным фамилиям», служившим во 2-й половине XVI века в основном в городских дворянах, часть из которых по выбору попала при Иване IV в число тысячников, а при Борисе Годунове служила в дворянах московских⁶¹. В XVII-начале XVIII в. князья Мещерские служили как с городом, так и в столичных чинах⁶². Ко времени III ревизии Мещерским принадлежало 4610 душ м.п. против 428 (95 дворов) в начале века (по всей России – 1022 ½ двора⁶³), которые были сосредоточены соответственно в 30 и 8 владениях. В начале XVIII столетия князья Мещерские владели имениями в Брянском, Кромском, Рязском, Шацком уездах. Потеряв в течение 1-й половины века владения в Кромском уезде, Мещерские к 60-м гг. стали собственниками новых вотчин в Белевском, Болховском, Верхнеломовском, Елецком, Карачевском, Козловском, Курском, Мценском, Нижнеломов-

ском, Новосильском, Рыльском, Темниковском, Усманском уездах. Однако несмотря на это, большая часть крепостных рода в это время все же была сосредоточена на территории старозаселенных Брянского и Шацкого уездов (2937 душ м.п.).

Значительными поместьями и вотчинами владели по ЦЧР в начале XVIII века татарские царевичи⁶⁴. В собственности царевичей касимовского Ивана Васильевича и сибирского⁶⁵ Василия Алексеевича на это время насчитывалось соответственно 185 (833 души м.п.) и 126 (567 душ м.п.) дворов. В течение I ревизии имущества татарских царевичей были отписаны на Государя⁶⁶. На время конфискации в вотчине Ивана Васильевича в Касимовском уезде числилось 1533 души м.п. Часть этих земель затем была роздана другим дворянам⁶⁷.

Подавляющее же большинство татарских титулованных фамилий, как указывалось выше, не может быть отнесено к княжеской аристократии. Являясь на рубеже XVII-XVIII веков рядовыми помещиками и не владея вотчинами, представители этих родов в 1-й половине XVIII столетия сливаются с общей массой дворянства.

Подведем некоторые итоги, относящиеся к эволюции родовой структуры владений титулованных московских родов в ЦЧР в течение 1-й половины XVIII в. Рассматривая в качестве формировавших верхушку сословия светских феодалов в XVII веке те фамилии, представители которых сидели в Думе, стабильно служили в высших дворцовых или столичных чинах, мы включили в ее состав следующие титулованные роды: князей дома Рюрика, потомков великого князя Гедмина⁶⁸, кабардинских князей Черкасских и Егуповых-Черкасских, татарских князей Мещерских, Урусовых, Юсуповых, царевичей Сибирского и Касимовского, а также выходцев из Литвы и с Балкан – князей Мышецких, Невеицких и Македонских (58 фамилий). Имения вышеперечисленных родов по Центральному Черноземью за период с 1700 по 1762 г. значительно выросли и численность крепостного населения, принадлежавшего титулованным фамилиям, входившим в верхушку дворянства, увеличилась более чем в 2 раза: с 35826 душ м.п. (7961 двор) до 77130 душ м.п. И несмотря на то, что удельный вес

этих владений (исходя из их населенности) за тот же период снизился с 18 до 12 %, такие титулованные роды как князья Борятинские, Волконские, Гагарины, Голицыны, Дашковы, Долгоруковы, Куракины, Лобановы-Ростовские, Мещерские, Одоевские, Прозоровские, Репнины, Трубецкие, Урусовы, Хилковы, Хованские, Черкасские, Шаховские, Щербатовы продолжали к середине XVIII столетия составлять в ЦЧР слой крупных вотчинников.

3.2. Нетитулованные старомосковские фамилии

Прочное место в среде крупнейших землевладельцев 1-й половины XVIII века занимала старомосковская нетитулованная знать, на протяжении многих столетий служившая в высших думных чинах и при московском дворе.

Среди самых видных фамилий старомосковского боярства, сложившихся в период до Ивана III, В.О. Ключевский выделял Кошкиных, Морозовых, Воронцовых, Бутурлиных, Челяднинных, Вельяминовых, Ховриных, Головиных, Сабуровых, Давыдовых⁶⁹. С.М. Соловьев среди старинных московских родов называет также Чоботовых, Шереметевых и Даниловых⁷⁰.

Формирование ядра старомосковской нетитулованной служилой знати относилось, по мнению С.Б. Веселовского, в первую очередь ко времени между получением Иваном Калитой великокняжеского ярлыка и началом правления в. кн. Дмитрия Ивановича. За этот период на Москву переселилось значительное число потомков служилых родов из других княжеств, давших начало многим старинным московским фамилиям. В первую очередь к ним относились Ратшичи – предки Пушкиных, Мусиных-Пушкиных, Бобрищевых-Пушкиных, Кологривовых, Чоботовых, Бутурлиных, Челяднинных; потомки Михаила Прушанина, ставшие родоначальниками фамилий Морозовых, Салтыковых, Шейных, Давыдовых, Вешняковых. Из рода костромского боярина А.З. Зерна вели свое родословие Вельяминовы-Зерновы, Сабуровы, Годуновы. Род А.И. Кобылы, боярина в. кн. Симеона Гордого, дал начало фамилиям Колычевых, Боборыкиных, Захарьинных, Яковлей, Захарьинных-Юрьевых, а также Романовых и Шереметевых. К числу наиболее древних старомосковских фамилий

относились Вельяминовы⁷¹. Из рода Ф. Бяконта наиболее известны Плещеевы, из рода И.Р. Квашни – Квашнины, Самарины и Фомины. В более позднее время при московском дворе выдвигаются Волынские, Ховрины-Головины и некоторые другие фамилии⁷². Лишь при Иване III и Василии III состав «боярского класса» начинает значительно изменяться за счет вхождения в состав верхушки служилого сословия многочисленных потомков удельных князей, на время «закрывших старый слой московского нетитулованного боярства»⁷³. Вместе с тем, в XVI-XVII вв. старомосковское боярство наряду с княжеской аристократией продолжало оставаться средой формировавшей верхушку сословия светских феодалов.

Из числа дворянских фамилий, владевших в Центральном Черноземье вотчинами и поместьями в 1-й половине XVIII века, к категории старомосковских боярских родов, сохранявших на протяжении XVI-XVII вв. свое высокое чиновное положение, несомненно, следует отнести Салтыковых, Шереметевых, Головиных и Бутурлиных. В слой нетитулованной знати, достаточно прочно связанной со службой в Думе, при Государевом Дворе и столичных чинах, также входили Акинфовы, Аргамаковы, Бартеневы, Безобразовы, Боборыкины, Вельяминовы, Вельяминовы-Зерновы, Вердеревские, Волынские, Глебовы, Головленковы, Голохвастовы, Грибоедовы, Дубровские, Змеевы, Зузины, Измайловы, Камынины, Кафтыревы, Колтовские, Колычовы, Коробьины, Леонтьевы, Лихачевы, Лодыгины, Лодыженские, Милюковы, Морозовы, Овцыны, Плещеевы, Полевы, Протасьевы, Протопоповы, Пушкины, Романчуковы, Сабуровы, Самарины, Собакины, Совины, Стрешневы, Сукины, Татищевы, Траханиоты, Чемодановы, Шеины (49 фамилий)⁷⁴.

В число старомосковской знати нами не включены фамилии, относившиеся к знати во 2-й половине XVI века и в более раннее время, но захудавшие впоследствии, такие как Всеволожские и Воронцовы, а также худородные Милославские и Нарышкины, возвысившиеся лишь во 2-й половине XVII века⁷⁵.

Перейдем к характеристике владений наиболее видных старомосковских фамилий.

К числу самых знатных боярских родов XVI-XVII вв. относились потомки М. Прушанина – дворяне Салтыковы. В царствование Ивана IV в Думе сидели бояре Я.А. и Л.А. Салтыковы. При Б. Годунове известны боярин М.Г. Салтыков, окольный М.М. Кривой Салтыков. В XVII веке в чине боярина служили Б.М., И.И., Л.Д., М.М., П.М. Салтыковы⁷⁶. По Сказкам 1700 г. в ЦЧР имениями владели бояре А.П., П.С., кравчий В.Ф., стольники А.П., А.Ф., В.Ф., М.П., Ф.С. Салтыковы⁷⁷. Высокий статус фамилии подчеркивало и родство Салтыковых с царствующим домом⁷⁸.

В 1700 г. Салтыковым в ЦЧР принадлежало 845 дворов (3803 души м.п.) из общего числа по стране – 7862 двора⁷⁹. Имения Салтыковых располагались в Болховском, Касимовском, Керенском, Кромском, Орловском, Ряжском, Шацком уездах. Из них наиболее значительные размещались в Заокских уездах. Крупнейшими земле- и душевладельцами среди Салтыковых по Югу России в данное время являлись стольники Алексей и Василий Федоровичи Салтыковы, а также кравчий Василий Федорович Салтыков. По Шацкому, Касимовскому и Болховскому уездам им принадлежало 4 имения и 655 дворов. Ко времени I ревизии род Салтыковых владел в ЦЧР вотчинами с населением, превышающим 6400 крепостных. Подавляющее большинство этих имений было, как и в начале века, сосредоточено за Окой (Шацкий, Керенский, Ряжский и Темниковский уезды)⁸⁰. Крупные владения в регионе сохранил за собой кравчий, действительный тайный советник В.Ф. Салтыков (1582 души по Керенскому уезду). Столь же значительными были имения боярина А.П. Салтыкова, за которым числилось 1396 душ в Ряжском, Шацком и Керенском уездах. Гвардии капитану В.Ф. Салтыкову в Шацком и Керенском уездах принадлежало 2186 душ м.п.

Весьма благоприятным для представителей фамилии становится царствование Анны Иоанновны, которая была в родстве с Салтыковыми по материнской линии. Указами 1730 и 1733 гг. действительный тайный советник Василий Федорович и лейб-гвардии подполковник, обер-гофмейстер, генерал-аншеф Семен Андреевич Салтыковы были пожалованы графскими титулами⁸¹.

К 1762 г. графы и дворяне Салтыковы владели в ЦЧР 6800 душами м.п.,

проживавшими в Верхнеломовском, Елецком, Керенском, Курском, Нижнеломовском, Орловском, Путивльском, Ряжском, Старооскольском, Тамбовском и Шацком уездах, из которых 5651 душа числилась в вотчинах Шацкого, Ряжского и Орловского уездов, что говорит о сравнительно медленном продвижении землевладения рода Салтыковых в южные уезды ЦЧР. Наиболее крупные вотчины в данное время принадлежали премьер-майору Ивану Сергеевичу, тайному советнику Петру Михайловичу Салтыковым и вдове генерал-майора, вице-губернатора Московской губернии гр. Владимира Семеновича Салтыкова. Они владели в общей сложности 4393 душами м.п.

В высших думных чинах в середине XVI-XVII вв. служили представители боярской аристократии из рода А.И. Кобылы – Шереметевы (в боярах – И.В. Большой, С.В., Н.В., И.В. Меньшой, Ф.В., Б.П., В.П., И.П., Ф.И., В.Б., в окольных – П.Н. Шереметевы)⁸². В 1706 г. один из сподвижников Петра I генерал-фельдмаршал Борис Петрович Шереметев был пожалован графским достоинством⁸³.

Владения дворян Шереметевых по ЦЧР в начале XVIII столетия не были столь значительны, как у Салтыковых. Здесь им принадлежало 149 дворов (671 душа м.п.) в Ряжском, Брянском и Данковском уездах из 4443 ½ дворов по стране⁸⁴. В 1700 г. в южных районах России особо крупных помещиков и вотчинников среди Шереметевых не было.

По I ревизии графы и дворяне Шереметевы владели в Центральном Черноземье не менее, чем 2637 душами м.п. Самым крупным душевладельцем этой фамилии в регионе являлся поручик морского флота А.П. Шереметев (1219 душ м.п.), однако ни одна из его вотчин в южных уездах (Данковский, Шацкий, Чернский, Курский) не была особенно значительной. К началу 60-х гг. XVIII в. в собственности Шереметевых на Юге России находилось 6592 души в 18 владениях по 14 уездам. Вотчины рода располагались в Болховском, Верхнеломовском, Карачевском, Козловском, Кромском, Ливенском, Мценском, Орловском, Рыльском, Ряжском, Тамбовском, Трубчевском, Усердском и Шацком уездах. Как мы видим, по сравнению с началом столетия размещение имений Шереме-

тевых в Центральном Черноземье претерпело значительные изменения. Земле- владение фамилии не только существенно расширилось, изменилось и разме- щение имений Шереметевых на Юге страны. Были утрачены владения в Брян- ском и Данковском уездах. Рязские вотчины рода выросли незначительно. Большая же часть крепостных Шереметевых к 1762 г. была сосредоточена в Кромском, Верхнеломовском и Шацком уездах (4141 душа м.п. из 6592) – на той территории, где имения рода в 1700 г. отсутствовали. Самым крупным вот- чинником фамилии ко времени III ревизии являлся сын генерал-фельдмаршала графа Б.П. Шереметева – генерал-аншеф, обер-камергер, сенатор гр. Петр Бори- сович Шереметев, который был женат на дочери одного из богатейших людей в России канцлера кн. Алексея Михайловича Черкасского – кн. В.А. Черкасской. В общей сложности по всей России в 1743 г. к гр. П.Б. Шереметеву в качестве приданого перешло 26 вотчин и 42630 душ м.п.⁸⁵ На время III ревизии гр. П.Б. Шереметеву принадлежало в ЦЧР 4307 душ м.п. в восьми уездах, из них 3043 души в Кромском и Верхнеломовском.

Дворяне Головины из рода Ховриных упоминаются в высоких дворцовых чинах еще при Василии III (казначей П.И. Головин). Во 2-й половине XVI в. в Думе сидели окольные М.П., И.П. (казначей), П.П., И.П. Большой, В.В. (ка- значей) Головины. Попав в опалу в начале правления Б. Годунова, Головины были возвращены из ссылки лишь при Лжедмитрии. В XVII-начале XVIII в. не- сли службу в Думе бояре В.П. (казначей), П.П. Меньшой, С.В., Ф.А. Головины, а также окольные М.И., Ф.В., А.П., М.П., И.И. Головины⁸⁶. В 1701 г. один из ближайших соратников Петра I, глава Посольского приказа, боярин, генерал- адмирал Федор Алексеевич Головин с нисходящим потомством был пожалован графским титулом. Он же являлся и первым кавалером ордена св. Андрея Пер- возванного⁸⁷. В 1-й половине XVIII столетия Головины продолжали служить в высоких военных, гражданских и придворных чинах. Наиболее известны сын гр. Ф.А. Головина – обер-штаб-майстер (с 1740 г.), адмирал, президент Адмирал- тейской коллегии гр. Николай Федорович Головин и действительный камергер гр. Николай Александрович Головин⁸⁸.

По Сказкам 1700 г. Головины владели по России 4714 дворами⁸⁹, из которых 260 (1171 душа м.п.) располагалось в ЦЧР. По I ревизии представителям рода на Юге России принадлежало 3316, а по III – 2922 душ м.п. В 1700 г. владения Головиных по ЦЧР располагались в 10 уездах: Белевском, Данковском, Кадомском, Лебедянском, Новосильском, Орловском, Ряжском, Темниковском, Чернском, Шацком уездах. Имена не являлись особенно крупными (из 21 имени – 3 владения от 40 до 61 двора, остальные более мелкие)⁹⁰. Большая часть дворов (189 из 260), принадлежавших фамилии по Центральному Черноземью, в это время находилась в Ряжском, Темниковском и Шацком уездах. К III ревизии Головины значительно расширили свое землевладение и являлись собственниками имений в 16 уездах. Они утратили вотчины по Белеву, Кадому, Новосилу, Темникову, Черни и приобрели новые в Болховском, Верхнеломовском, Верхососенском, Карачевском, Козловском, Кромском, Курском, Ливенском, Мценском, Старооскольском и Тамбовском уездах. Кроме того, владения Головиных за 1-ю половину XVIII столетия значительно сместились к югу. Подавляющее большинство их крепостных в 1762 г. проживало в имениях Орловского (1073 души м.п.), Кромского (862 души м.п.), а также Карачевского, Данковского и Мценского уездов (всего 2407 из 2922 душ).

Наиболее крупными вотчинами по I ревизии владел гр. Николай Федорович Головин; в его орловском имении насчитывалось 1074 души м.п. К началу 60-х гг. XVIII века в двух вотчинах унтер-лейтенанта гр. Федора Ивановича Головина, в Кромском и Орловском уездах, числилось 1535 крепостных.

С середины XVI века в Думе сидели представители рода Бутурлиных: в боярском чине – И.А., М.Н., И.В. Бутурлины, окольное чинство имели – А.А., Д.А., Ф.А., И.М., Р.Д., М.М. и Ф.Л. Бутурлины. Значительное число представителей этой фамилии несло службу в чинах стольников и дворян московских⁹¹. Однако, по свидетельству А.П. Павлова, в конце XVI-начале XVII вв. род Бутурлиных был достаточно многочисленным, и многие из них служили «с городом»⁹².

В начале XVIII столетия в поместьях и вотчинах Бутурлиных размещалось 3479 ½ двора⁹³, из них только 166 (747 душ м.п.) располагалось в Цен-

тральном Черноземье. По I ревизии Бутурлиным принадлежало на Юге России не менее 1927 душ м.п., из которых 1096 находились в вотчинах подполковника лейб-гвардии Преображенского полка, генерал-лейтенанта Ивана Ивановича Бутурлина в Шацком, Ряжском и Керенском уездах (в двух первых – 1086 душ). При Петре II как участник дела царевича Алексея он был лишен чинов, имений и отправлен в ссылку (ум. в 1738 г.)⁹⁴. Не менее известен и генерал-фельдмаршал, подполковник лейб-гвардии Преображенского полка гр. (с 1760 г.) Александр Борисович Бутурлин, особенно возвысившийся при Елизавете Петровне⁹⁵. Однако в ЦЧР он владел лишь незначительной вотчиной в Козловском уезде⁹⁶. К 1762 г. душевладение Бутурлиных снизилось до уровня начала века (883 души м.п.).

Вышеперечисленными фамилиями круг первостепенных старомосковских боярских родов, владевших в 1-й половине XVIII века имениями в ЦЧР, по-видимому, следует ограничить. Однако, признавая определенную условность этого выделения, надлежит отметить, что ряд знатных и «честных» фамилий, непосредственно примыкал к вышеозначенной старомосковской боярской аристократии.

Среди них прежде всего следует выделить Волынских, Пушкиных, Плещеевых, Стрешневых, Сабуровых, Колычовых, Лодыженских, Леонтьевых, Измайловых, Безобразовых, а также Вельяминовых-Зерновых, Глебовых, Татищевых, Вердеревских, Протасьевых и ряд других фамилий.

Так, род Волынских, несомненно, относился к числу древних родословных фамилий, однако в XVI веке Волынские не утвердились в думной среде. В XVII столетии в чине окольного служил Ф.В. Волынский, а В.С. Волынский был боярином⁹⁷. По Сказкам 1700 г. Волынским в общей сложности принадлежало 2053 ½ двора⁹⁸, из них 203 двора (914 душ м.п.) – в Центральном Черноземье. При Петре I возвышается сын стольника П.А. Волынского – Артемий Петрович Волынский (генерал-майор, Казанский губернатор; в царствование Анны Иоанновны обер-егермейстер, кабинет-министр)⁹⁹. После опалы и казни А.П. Волынского в 1740 г. его имения подверглись конфискации. Часть вотчин

была возвращена его детям в 1742 г.¹⁰⁰. В царствование Елизаветы Петровны известны также генерал-майор И.М. и прокурор Штатс-конторы Н.И. Волынские¹⁰¹. Численность крепостных Волынских в ЦЧР, по данным Табели 1737-38 гг.¹⁰² и материалов III ревизии, составляла соответственно 534 и 796 душ м.п.

Возвышение фамилии Пушкиных из рода Ратши может быть отнесено ко времени опричнины. При Иване IV Пушкины впервые попадают в Думу (Е.М. Пушкин – думный дворянин), должность ловчего получает И.М. Пушкин. Максимальный расцвет служилой карьеры представителей фамилии происходит с середины XVII столетия. Среди Пушкиных в этот период известны бояре – Г.Г., М.С. и Я.С. Пушкины. Однако в конце XVII века начинается упадок рода Пушкиных; многие его виднейшие представители попадают в опалу в связи с делом о заговоре А.П. Соковнина, из-за близости к деятелям старообрядческого и стрелецкого движения¹⁰³.

В 1678 г. только на вотчинных землях Пушкиных проживало 8343 души м.п. (2171 двор)¹⁰⁴. За последнюю четверть XVII века они потеряли не менее половины дворов: по данным Сказок Генерального двора, на поместных и вотчинных землях представителей фамилии Пушкиных в начале XVIII столетия размещалось 1299 ½ двора¹⁰⁵, из которых около 40 % – 513 (2309 душ м.п.) располагались на Юге России. В течение 1-й половины XVIII века эта тенденция продолжает прослеживаться в рамках Центрально-Черноземного региона: по I ревизии Пушкиным на Юге страны принадлежало только 736¹⁰⁶, а в 1762 г. – 216 душ м.п. Одной из причин оскудения Пушкиных явилась конфискация имений. В частности, за это время отписке подверглись имения стольников царицы Прасковьи Федоровны¹⁰⁷ И.К. и И.С. Пушкиных (1723 г.)¹⁰⁸. Обращает на себя внимание и интенсивная мобилизация владений Пушкиных. За период с 1700 по 1762 гг. наличие их имений отмечено в 13 уездах ЦЧР, однако на протяжении всего этого времени Пушкины постоянно владели имениями только в одном – Орловском¹⁰⁹. Гораздо в меньшей степени воспользовались возможностями для возвышения в период опричного террора сородичи Пушкиных – Мусины-

Пушкины и Бобрищевы-Пушкины¹¹⁰. Мусины-Пушкины попадают в Думу лишь в конце XVII столетия (окольничий, затем боярин Иван Алексеевич Мусин-Пушкин). В 1710 г. И.А. Мусин-Пушкин с нисходящим потомством был возведен в графское достоинство¹¹¹. Его сын гр. Платон Иванович возглавлял Канцелярию конфискации, являлся президентом Коммерц-коллегии (затем в опале)¹¹². В 1700 г. Мусиным-Пушкиным принадлежало 1160 ½ дворов¹¹³, из них по ЦЧР – 57 (257 душ м.п.). По I ревизии И.А. и П.И. Мусины-Пушкины владели в Орловском и Рязском уездах 922 душами м.п.¹¹⁴ По данным С.М. Троицкого, в купленных имениях П.И. Мусина-Пушкина по этим уездам числилось 527 душ м.п.¹¹⁵. По III ревизии представителям рода Мусиных-Пушкиных на Юге России принадлежало лишь 54 души м.п. Однако и впоследствии Мусины-Пушкины продолжали служить в достаточно высоких чинах¹¹⁶. Бобрищевы-Пушкины в изучаемый период, как и ранее, продолжают оставаться провинциальным дворянским родом.

В XV-XVII вв. в высоких думных чинах и при Государевом дворе служили также представители фамилии Плещеевых (из рода Бяконта)¹¹⁷, однако их имения по ЦЧР в изучаемое время были не особенно значительны.

Представители дворянского рода Стрешневых служили при дворе Ивана IV и достигают низших думных чинов в период Смуты. Стремительное возвышение фамилии начинается в правление Михаила Федоровича после брака царя с Е.Л. Стрешневой (1626 г.). При первых Романовых в боярах служили В.И., Л.С., И.Ф., Р.М. Стрешневы, а на рубеже XVII-XVIII вв. – Т.Н. Стрешнев. В.Ф. Стрешнев упоминается в чине окольничего¹¹⁸. К этому времени в поместьях и вотчинах представителей этого рода числилось 3079 ½ двора¹¹⁹, из них 165 ½ (745 душ м.п.) – в Центральном Черноземье. На время I ревизии Стрешневы владели на Юге России 1174 душами м.п., из которых 1137 находились в собственности стольника И.Р. и его жены А.Л. Стрешневых¹²⁰. К 1762 г. в южных вотчинах этой фамилии проживало 885 душ м.п. Район размещения наиболее крупных имений Стрешневых в 1-й половине XVIII века был ограничен Данковским, Шацким, Белевским и Чернским уездами¹²¹.

Родовитые потомки боярина Ф.А. Колыча из рода А.И. Кобылы – Колычовы занимают высокое положение при дворе и служат в думных чинах в царствование Ивана Грозного (окольничие И.И. Умный, И.И. Рудак, В.И. Умного, М.И., В.Г. Лошаков, И.Ф. Крюк, боярин Ф.И. Умного Колычовы). Митрополитом был Ф.А. Колычов. Вместе с тем, многие Колычовы подверглись опале в период опричнины. Ссылка ожидала ряд представителей данного рода и при Б. Годунове. Впоследствии многочисленные Колычовы в основном служили в столичных чинах, а также «с уездом», и в Думу в течение всего XVII столетия попадает лишь два представителя рода (при В.И. Шуйском и Алексее Михайловиче)¹²².

К началу XVIII столетия в Центрально-Черноземном регионе род Колычовых владел $182 \frac{1}{3}$ двора (821 душа м.п.) из 1496 по России¹²³. Имена располагались по Белевскому, Болховскому, Брянскому, Ряжскому, Чернскому и Шацкому уездам. К 1762 г. происходит достаточно активное укрупнение вотчин Колычовых на Юге России (3277 душ м.п.). Утратив незначительные владения по Болхову и Черни, Колычовы расширяют свои шацкие владения и приобретают новые крупные имения в Кромском, Нижнеломовском и Карачевском уездах. Менее обширные вотчины ко времени III ревизии появляются в Козловском, Ефремовском, Керенском и Сокольском уездах. Более половины имений Колычовых к началу 60-х гг. XVIII века относились к категории крупных (11 из 18). Однако по службе род Колычовых, в 1-й половине XVIII века не смог добиться более высоких чинов, нежели в предыдущем столетии¹²⁴.

В XV-XVI веках знатный старомосковский род Сабуровых, потомков А. Зерна, занимал очень видное место в среде боярской аристократии. Сабуровы также находились в родстве с великокняжеским домом. Известны бояре Ф.И. Сабур (основатель рода), М.Ф., И.Ф., В.Ф., А.В., С.Ф. Пешек, Ю.К., Б.Ю., М.Б., окольничие Ф.С. Муса, С.Д. Пешков, С.Ф. Папин, И.И. и кравчие И.Ю., Н.И. Сабуровы. В период после Смуты Сабуровы выбывают из Думы и служат преимущественно в столичных чинах¹²⁵.

Владения Сабуровых к началу XVIII века были значительно меньше чем у

Колычовых – 352 двора¹²⁶, из них 63 (284 души м.п.) по ЦЧР. По I ревизии Сабуровы владели в регионе тремя крупными имениями с общей численностью крепостных 704 души м.п.¹²⁷ Ко времени III ревизии за Сабуровыми числились владения в 10 уездах против одного (Шацкого) в начале века. Одновременно с продвижением имений Сабуровых на юг происходит и постепенное их дробление. К 1762 г. представителям рода принадлежало в южных уездах 1847 душ м.п. в 22 имениях, 15 из которых были средние и мелкие¹²⁸.

К числу фамилий, традиционно связанных с Государевым двором относились дворяне Лодыженские. В XVII-начале XVIII века значительное число представителей рода служило по московскому списку¹²⁹. По Сказкам 1700 г. Лодыженским принадлежало по стране 970 ½ двора¹³⁰, из них 169 ½ (763 души м.п.) в поместьях и вотчинах ЦЧР. На время I и III ревизии Лодыженские владели имениями, на территории которых проживало соответственно 2101 и 1556 душ м.п. Несмотря на то, что подавляющее большинство владений не являлись значительными (крупных: в 1700 г. – 1 из 20, по I ревизии – 6 из 14, в 1762 г. – 2 из 19)¹³¹, среди Лодыженских были и весьма крупные вотчинники. Так, по данным Табели 1737-38 гг., вдова А.Н. Лодыженская в Шацком уезде владела имением, в котором числилось 1126 душ м.п., а в начале 60-х гг. титулярный советник Л.В. Лодыженский являлся собственником 670 душ м.п. в Шацком и Касимовском уездах¹³².

К числу достаточно родословных фамилий также относились и дворяне Леонтьевы. После Смуты при первом Романове в ловчих служил И.Ф. Леонтьев, в 40-70- гг. XVII в. упоминаются думные дворяне З.Ф., Ф.И. Леонтьевы, а также стольники А.Д., К.Д., В.Ю., И.Ю., И.Г., Б.Г. Леонтьевы¹³³. Прочность положению рода придавало и родство с Романовыми¹³⁴.

К началу XVIII столетия в Центральном Черноземье имениями владели окольный А.И. и стольники В.Ф., П.Б. Леонтьевы. Ко времени I ревизии трое Леонтьевых, собственников имений на Юге страны, служили в чинах бригадиров и полковника (5-6 ранги).¹³⁵ Также известны генерал-аншефы, кавалеры Михаил Иванович и его сын Николай Михайлович Леонтьевы¹³⁶.

По Сказкам 1700 г. представителям рода Леонтьевых по всей стране принадлежало 1916 $\frac{1}{2}$ двора¹³⁷. Из них 241 двор (1085 душ м.п.) в 11 имениях в ЦЧР. По I и III ревизиям Леонтьевы владели в регионе соответственно 1979 и 1833 душами. К 1762 г. в южных уездах России в их собственности находилось 5 вотчин, что свидетельствует о значительном укрупнении владений Леонтьевых. Ко времени I и III ревизии наиболее крупными вотчинниками Центрального Черноземья среди них были соответственно Александр Андреевич (1154 души м.п.) и Николай Михайлович (1517 душ) Леонтьевы. На начало века максимальная концентрация крепостного населения в имениях Леонтьевых наблюдалась в Рязском и Шацком, а к началу 60-х гг. XVIII столетия – также в Орловском и Мценском уездах.

Дворяне Измайловы, происходившие из древнего рязанского боярского рода, служили в столичных чинах с конца XVI века. Отдельные представители фамилии сидели в Думе (в 1-й трети XVII в. – окольный А.В. Измайлов)¹³⁸. В 1700 г. Измайловы владели в общей сложности 1001 двором¹³⁹, в том числе 60 (270 душ м.п.) по Центральному Черноземью. Ко времени III ревизии роду принадлежало на Юге России уже 3513 душ м.п., подавляющее большинство из которых проживало в Заокских вотчинах.

Безобразовы, служившие в конце XVI-XVII в. при государевом дворе и в столичных чинах¹⁴⁰, к началу XVIII века владели в ЦЧР 238 дворами (1071 душа м.п.) из общего числа по стране – 967 дворов¹⁴¹. К 1762 г. их вотчины значительно расширились, и Безобразовым в Центральном Черноземье принадлежало 3214 душ м.п. Как и в 1700 г., большая часть имений Безобразовых размещалась в Брянском уезде.

Подводя итоги, следует заметить, что в течение изучаемого периода при росте населенности владений нетитулованной старомосковской знати практически в 2 раза (с 25697 душ м.п. и 5710 дворов в 1700 г. до 48727 душ м.п. в 1762 г.), удельный их вес в ЦЧР, как и в случае с имениями княжеских аристократических родов, снизился (с 13 до 8 %).

Тем не менее, такие знатные старомосковские фамилии как Безобразовы,

Вердеревские, Глебовы, графы и дворяне Головины, Измайловы, Колычовы, Леонтьевы, Лодыженские, Сабуровы, графы и дворяне Салтыковы, Татищевы, графы и дворяне Шереметевы и к середине XVIII столетия входили в число крупновотчинных родов Юга России.

3.3. Провинциальное дворянство

Наиболее значительную часть дворянского сословия в 1-й половине XVIII столетия, как и ранее, составляло провинциальное дворянство. Анализируя состав Боярской Думы в XVI-XVII вв., В.О. Ключевский справедливо отметил, что опричная политика Ивана Грозного, а также Смута послужили началом заметных перемен в составе «правлящего класса» – «на опустелые места врывались новые худые люди, непривычные к власти, без фамильных преданий и политического навыка». ¹⁴² Однако, естественно, не следует переоценивать масштабность этого процесса, поскольку подавляющее большинство представителей провинциального дворянства, если и попадало в Думу, то чаще всего в низшие думные чины – думных дворян и дьяков. Чинов окольничего или боярина достигали лишь немногие; еще более узким был круг тех родов, которым удалось закрепиться на вершине власти на продолжительное время ¹⁴³.

Из числа провинциальных фамилий, возвысившихся в течение XVII в. до думных чинов, и являвшихся крупными вотчинниками в данный период, следует выделить Дашковых, Кондыревых, Лопухиных, Ляпуновых, Мартемьяновых, Мапюшкиных, Милославских, Нарышкиных, Прончищевых, Скуратовых, Соковниных, Толочановых, Хитрово, Хрущовых, Чириковых и Яковлевых (16 родов) ¹⁴⁴. Как и остальные группы, относившиеся в XVII столетии к правящему слою светских феодалов, очерченная выше верхушка провинциального дворянства на протяжении 1-й половины XVIII в. постепенно теряла свои позиции в ЦЧР. При росте населенности владений с 25299 (5622 двора) до 35424 душ м.п., доля крестьян, сосредоточенных в них, от общего числа крепостных светских феодалов по региону, сокращается с 13 до 6 %.

По абсолютным показателям в изучаемый период на Юге России наибо-

лее существенно расширили свои имения дворяне Нарышкины, Лопухины, Хитрово, Матюшкины и Соковнины.

Фамилия Нарышкиных вплоть до 70-х гг. XVII века относилась к числу худородных. При Иване IV они несли службу в городских чинах, и лишь в царствование первого Романова некоторые представители фамилии попадают в дворяне московские. В середине XVII века дворяне Нарышкины были мелкими землевладельцами, и по всей России им принадлежало всего 2 вотчины с 21 двором. Лишь после женитьбы в 1671 г. царя Алексея Михайловича на дочери Кириллы Полуэктовича Нарышкина – Наталье Кирилловне, начинается возвышение рода. В конце XVII-начале XVIII вв. в Думе сидели бояре К.П., Г.Ф., К.Ф., И.К., Л.К., М.К., В.Ф., окольные И.И., И.И. Нарышкины. В чине кравчего служили Ф.К. и К.А. Нарышкины. По переписным книгам 1678 г. за представителями рода числилось 25 вотчин и 788 дворов. Землевладение Нарышкиных значительно расширилось только в 80-90 гг. XVII века, поскольку именно их поддержка помогла Петру I удержаться у власти в период борьбы с Милославскими¹⁴⁵. На момент составления Сказок 1700 г. Нарышкины владели поместьями и вотчинами с 11113 дворами¹⁴⁶, уступая по числу крестьянских дворов в стране только кабардинским кн. Черкасским.

Около трети дворовладения Нарышкиных в начале столетия приходилось на Центрально-Черноземную Россию. В 8 уездах ЦЧР им принадлежал 3151 двор (14180 душ м.п.). По I ревизии они владели 17228 душами м.п., а к началу 60-х гг. XVIII века – 16554 душами м.п. в 16 имениях, расположенных в 7 уездах Юга страны.

Крупнейшие вотчины Нарышкиных в 1700 г. размещались в Шацком уезде. Здесь в Конобеевской вотчине, находившейся в собственности вдовы царского тестя боярыни Анны Леонтьевны Нарышкиной и ее сына боярина Льва Кирилловича Нарышкина, размещалось 2726 дворов (12267 душ м.п.)¹⁴⁷. По I ревизии в селе Конобеево с приписанными к нему 31 селом, 1 сельцом, 7 деревнями, 1 слободой и 3 поселками¹⁴⁸ проживало 13279 душ м.п. К этому времени вотчина принадлежала сыновьям Л.К. Нарышкина Ивану и Александру Льво-

вичам. После смерти последнего в 1745 г. (в чине действительного тайного советника)¹⁴⁹, имение было разделено между его вдовой Еленой Александровной и сыновьями Александром и Львом Александровичами. К 1762 г. гофмейстерина Е.А. Нарышкина, обер-шенк А.А. Нарышкин и генерал-поручик, шталмейстер Л.А. Нарышкин владели в Шацком уезде соответственно 3463, 4162 и 4135 душами м.п., что в сумме составляло 11760 душ м.п. Достаточно крупной в 1762 г. была и вотчина генерал-поручика Василия Васильевича Нарышкина в Касимовском уезде, которую он унаследовал от своего отца комнатного стольника В.Г. Нарышкина. В начале 60-х гг. в ней проживало 1664 души м.п. (в 1700 г. – 47 дворов, по I ревизии – 343 души м.п.)¹⁵⁰. Остальные имения Нарышкиных в Центрально-Черноземном районе были не столь значительны.

К числу провинциальных фамилий, возвысившихся к концу XVII столетия благодаря родственным связям с царствующим домом, относились и Лопухины. В середине XVII столетия Лопухиным принадлежало по стране на вотчинных землях только 47 дворов, ко времени переписи 1678 г. они владели уже 632 дворами. После брака дочери Ф.А. Лопухина – Евдокии с Петром I (1689 г.), ее отец вместе с четырьмя родными братьями (К.А., П.А., В.А., С.А. Лопухины) получил боярство¹⁵¹. Несмотря на насильственное пострижение царицы в 1698 г., имения Лопухиных к началу XVIII столетия оставались весьма значительными. По данным Сказок 1700 г., в поместьях и вотчинах, находившихся к этому времени в собственности Лопухиных, было сосредоточено 3333 ½ двора¹⁵², из них по Центральному Черноземью – 168 (756 душ м.п.). Часть вотчин Лопухиных была конфискована в 1718-19 гг. «за участие в деле царевича Алексея». Лопухины преследовались и в начале царствования Елизаветы Петровны. Несмотря на это, представители рода продолжали на протяжении 1-й половины XVIII века служить в высоких чинах. В начале 40-х гг. в чине генерал-кригс-комиссара, действительного камергера находился С.В. Лопухин. Его жена – Н.Ф. Лопухина являлась статс-дамой при Анне Иоанновне. В.А. Лопухин к 1757 г. был в чине генерал-аншефа. Ко времени III ревизии в чинах 3 класса несли службу В.И. (генерал-поручик) и Ф.А. (тайный советник) Лопухины¹⁵³. На-

блюдался также значительный рост вотчин Лопухиных в Центрально-Черноземном регионе. К 1762 г. им принадлежало уже 4286 душ м.п. в 15 имениях, наиболее крупные из которых размещались в Орловском, Кромском, Ряжском, Карачевском и Шацком уездах. С начала столетия были утрачены владения в Белевском, Мценском и Новосильском уездах. Новые вотчины Лопухиных возникают в Кромском уезде, а также Козловском, Рыльском и Чернском.

Дворяне Хитрово в конце XVI-начале XVII вв. также не принадлежали к знати и служили в выборных дворянах, дворовых детях боярских, губных старостах, а также станичными, стрелецкими и казачьими головами по Болхову, Калуге, Курску и другим городам. Попав при первом Романове в московские дворяне, они возвышаются до боярских чинов в царствование Алексея Михайловича. В этот период наиболее известны советник царя боярин, дворецкий и оружейничий Богдан Матвеевич и боярин Иван Богданович Хитрово. В конце XVII-начале XVIII вв. Хитрово также упоминаются среди окольных, думных дворян и стольников¹⁵⁴. При Елизавете Петровне при дворе в чине обер-егермейстера (с 1753 г.) служил Петр Никитич, а в чине действительного камергера – Василий Андреевич Хитрово¹⁵⁵. Генеральских рангов достигает Яков Лукич Хитрово¹⁵⁶. 11 представителей фамилии, собственников вотчин на Юге России, ко времени III ревизии находились в штаб-офицерских чинах¹⁵⁷.

По данным Сказок 1700 г., Хитрово владели по стране в общей сложности 2146 дворами¹⁵⁸, из них 609 (2741 душа м.п.) по ЦЧР (52 имения). К 1762 г. в 58 вотчинах Хитрово в ЦЧР проживало 4302 души м.п. В начале столетия Хитрово владели имениями в Белевском, Болховском, Воронежском, Данковском, Инсарском, Кадомском, Карачевском, Кромском, Мценском, Новосильском, Орловском, Темниковском и Чернском уездах. При этом не наблюдается ярко выраженной концентрации дворов в каком-либо из них. Ко 2-й половине XVIII века Хитрово сохраняют вотчины по Белеву, Болхову, Карачеву, Кромам, Мценску, Орлу и приобретают новые в Брянском, Ефремовском, Курском, Ливенском, Обоянском, Рыльском и Ряжском уездах. Мобилизация выразилась также в концентрации крепостных. Ко времени III ревизии в имениях Хитрово в Карачев-

ском и Орловском уездах было сосредоточено 2534 души м.п. из общего числа – 4302. Однако, несмотря на это, ни одна из вотчин не являлась особо крупной.

Дворяне Матюшкины в XVI-1-й трети XVII в. служили преимущественно в составе высшей приказной бюрократии и не относились к родовитым фамилиям. К середине XVII столетия ряд представителей фамилии попадает в число стольников и дворян московских. Среди Матюшкиных достаточно высокого положения во 2-й половине XVII века добились окольныйничий, затем боярин Петр Иванович и комнатный стольник царя Федора Алексеевича, впоследствии окольныйничий Иван Афанасьевич Матюшкины, владевшие в это время крупными вотчинами¹⁵⁹. К началу XVIII столетия Матюшкиным на поместных и вотчинных землях принадлежало 1282 ½ двора¹⁶⁰, из которых 119 (536 душ м.п.) размещалось в Центрально-Черноземных уездах – Шацком, Данковском и Лебедянском. Ко времени I ревизии в регионе сохраняются крупные вотчины стольника И.П. и генерал-майора М.А. Матюшкиных (соответственно 559 и 166 душ м.п.). В имениях стольника К.П. Матюшкина проживало 409 душ м.п. Размещение земельного фонда представителей рода к этому времени практически не изменилось, и новые владения в Кадомском и Керенском уездах были незначительными (62 души м.п.)¹⁶¹. По III ревизии новой очень крупной вотчиной в Добровском уезде (село Спасское, Трубетчина тож с приписными, 1051 душа м.п.) владел, возведенный в ноябре 1762 г. в графское достоинство, действительный камергер Дмитрий Михайлович Матюшкин (сын генерал-аншефа М.А. Матюшкина, муж Анны Алексеевны Матюшкиной, статс-дамы Екатерины II (с 1762 г.))¹⁶². Значительными вотчинами в ЦЧР владел и капитан Петр Иванович Матюшкин, женатый на дочери комнатного стольника И.И. Нарышкина. За ним по III ревизии числилось 842 души м.п., из них 825 душ в Шацком уезде¹⁶³. В общей же сложности графам и дворянам Матюшкиным на Юге России в начале 60-х гг. XVIII века принадлежало 6 имений и 2331 душа м.п.

Провинциальные дворяне Соковнины возвысились до думных чинов во 2-й половине XVII столетия благодаря родственным связям с боярами Милославскими и Морозовыми; и в это время, по оценкам Я.Е. Водарского, относи-

лись к правящей группе светских феодалов¹⁶⁴. За период с 1700 по 1762 г. численность крепостных, принадлежавших на Юге России представителям рода, выросла более, чем в 6 раз (с 529 до 3420 душ м.п.). Поуездное размещение их имений однако было достаточно стабильным: на протяжении изучаемого периода Соковнины сохранили владения в Карачевском, Кромском и Орловском уездах и приобрели новые в Болховском и Рыльском. Наиболее крупным вотчинником ко времени III ревизии был генерал-аншеф Никита Федорович Соковнин, владевший в селах Воронеж и Никольское с приписными Орловского уезда имением, в котором проживало 1764 души м.п.¹⁶⁵

Южные имения остальных родов, принадлежавших во 2-й половине XVII в. к слою провинциальной знати, в изучаемый период были менее крупными. Владения Кондыревых, Ляпуновых, Хрущовых, Чириковых, Яковлевых расширились лишь незначительно, а населенность владений дворян Милославских, Дашковых, Мартемьяновых, Прончищевых, Скуратовых в течение 1-й половины XVIII века снизилась. Утратили свои имения Толочановы.

Наряду с провинциальной знатью, достаточно крупными имениями в 1700-1762 гг. по ЦЧР владели Ржевские, Зиновьевы и Наумовы, стабильно служившие во 2-й половине XVII в. по «московскому списку».

Род Ржевских, по свидетельству П. Долгорукова, происходил из дома князей смоленских, утративших титул с течением времени. Не худородные, но служившие преимущественно с уездом представители фамилии Ржевских во 2-й половине XVI-начале XVII вв. встречаются в числе выборных городских дворян. Среди думных чинов в это время упоминается лишь Е.Л. Ржевский. К 1678 г. в Думе сидели А.И. (думный дворянин, позднее окольный) и И.И. (окольный) Ржевские¹⁶⁶. В числе владельцев имений по ЦЧР в Сказках 1700 г. указаны стольники И.И., М.А., Ю.А., а ко времени I ревизии – В.А., И.А. и И.И. Ржевские. К 1762 г. из представителей рода, владевших вотчинами на Юге России, упомянуты лейб-гвардии подполковник А.А., капитан 1 ранга М.В., полковник И.В. Ржевские¹⁶⁷.

К 1700 г. в поместьях и вотчинах Ржевских числился 1291 двор¹⁶⁸, из ко-

торых 511 (2300 душ м.п.) размещалось в Центральном Черноземье. Ко времени I ревизии в собственности Ржевских находилось 4407, а к 1762 г. – 4595 душ м.п. Значительная часть имений Ржевских относилась к категории крупных (1700 г. – 9 из 21, 1725 г. – 8 из 14, 1762 г. – 11 из 16)¹⁶⁹. Наиболее крупные владения на протяжении всей 1-й половины XVIII века располагались в Болховском уезде, а к 60-м гг. XVIII века также и в Орловском. Всего же по трем уездам (Болховскому, Орловскому и Карачевскому) в 1700 г. было сосредоточено 1557 (346 дворов), а в 1762 г. – 3621 душа м.п., т.е. соответственно 68 % и 79 % душевладения представителей рода Ржевских в ЦЧР¹⁷⁰, что говорит о значительной степени устойчивости размещения землевладения данной фамилии в ЦЧР в этот период. В середине 20-х гг. XVIII в. весьма крупной вотчиной в Болховском уезде (1483 души м.п.) владел стольник Иван Иванович Ржевский. По Елецкому и Болховскому уездам обширные имения принадлежали майору (позднее генерал-майор) Александру Тимофеевичу Ржевскому (964 души м.п.)¹⁷¹. Столь же значительными были на время III ревизии вотчины, находившиеся во владении вдовы Анны Михайловны и ее сына вахмистра конной гвардии Василия Федоровича Ржевских. За ними в сказках по Болхову и Карачеву числилось 1150 душ м.п.¹⁷²

Зиновьевы в конце XVI-начале XVII вв. служили в городских и выборных дворянах. Однако ко 2-й половине XVII в. представители фамилии прочно входят в состав «московского списка». Так, в чине стольника в это время служили П.В., А.И., В.П., Г.П. и И.Н. Зиновьевы¹⁷³.

На начало XVIII столетия Зиновьевы владели по всей стране 1094 ½ двора¹⁷⁴; более 40 % из них (467 ½ двора, 2104 души м.п.) располагалось на Юге страны в 23 имениях. В 1762 г. в 24 вотчинах Зиновьевых в этом регионе проживало 4062 души м.п. Размещение владений Зиновьевых было достаточно стабильным. Наиболее крупные имения сохраняются в Брянском, Карачевском, Орловском уездах; ко времени III ревизии были потеряны имения в Болховском и приобретены новые – в Кромском уезде. В вышеперечисленных уездах проживало более 95 % крепостных, числившихся за Зиновьевыми по ЦЧР. В начале

века наиболее крупные владения принадлежали стольнику Афанасию Ивановичу Зиновьеву (158 дворов по Брянску и Карачеву)¹⁷⁵, в 1762 г. – надворному советнику Андрею Степановичу Зиновьеву (1083 души м.п. в Брянском, Орловском и Кромском уездах). В собственности генерал-майора Николая Ивановича Зиновьева по Карачеву, Брянску и Орлу на время III ревизии находилось 974 души м.п.¹⁷⁶

Дворяне Наумовы, по свидетельству А.П. Павлова, относились к числу достаточно «видных по происхождению и службе» провинциальных фамилий. Значительное число представителей этого рода в конце XVI-начале XVII вв. служило в дворянах по выбору и на воеводских должностях. В царствование Федора Иоанновича Я. Наумов находился в чине сокольничего. С этого же времени Наумовы служат в столичных чинах (стольники, стряпчие, жильцы)¹⁷⁷.

К началу XVIII столетия род Наумовых являлся собственником поместий и вотчин, в которых в общей сложности насчитывалось 1305 ½ дворов¹⁷⁸, в том числе 47 (212 душ м.п.) по Центрально-Черноземным уездам. Численность крепостных в вотчинах Наумовых на Юге России к 1762 г. увеличилась до 4113 душ м.п. Количество имений возросло соответственно с 6 до 30. С 6 до 15 увеличивается число уездов, в которых эти владения размещались. Наиболее значительные вотчины Наумовых ко времени III ревизии располагались в Заокских уездах – Керенском и Шацком; в них проживало более 60 % крепостных, принадлежащих роду по ЦЧР – 2492 души м.п. Самые крупные имения находились в собственности вдовы действительного тайного советника Федора Васильевича Наумова – Марьи Михайловны. Она владела в ЦЧР в общей сложности 1888 душами м.п., из которых 1027 душ проживало в керенской вотчине с центром в селе Архангельское, Буртас тож, доставшейся по продаже от прапорщика лейб-гвардии Семеновского полка А.В. Салтыкова и записанной по II ревизии за его отцом генерал-аншефом Василием Федоровичем Салтыковым¹⁷⁹.

Многие провинциальные дворянские фамилии значительно возвысились только в 1-й половине XVIII века. К их числу относились в первую очередь Апраксины, Головкины, Толстые, Ушаковы, Чернышевы, Алсуфьевы, Каменские,

Дубенские, Шепелевы, Сафоновы, Шуваловы, Воронцовы, Бестужевы-Рюмины, Шеншины и ряд других родов.

Род Апраксиных в начале XVIII столетия крупных поместий и вотчин в Центральном Черноземье не имел. По Сказкам 1700 г. Апраксины владели по всей России 1346 $\frac{1}{2}$ дворами,¹⁸⁰ из которых только 15 (68 душ м.п.) размещалось в ЦЧР. По I и III ревизиям в этом регионе за Апраксиными числилось уже 4325 и 7255 душ соответственно.

Своему возвышению при Петре I Апраксины были обязаны в первую очередь ближайшему сподвижнику монарха архангелогородскому воеводе, стольнику, затем боярину Федору Матвеевичу Апраксину, ставшему впоследствии генерал-адмиралом и пожалованному в 1709 г. графским титулом¹⁸¹. Весьма успешной была также карьера братьев Ф.М. Апраксина – Петра и Андрея¹⁸².

По указу от 25 декабря 1701 г. «за многия службы» адмиралу Ф.М. Апраксину в Лебедянском уезде было пожаловано село Мокрый Буерак с селами и деревнями. На тот момент в вотчине насчитывалось 1037 дворов и 5965 четвертей пашни¹⁸³.

До Ф.М. Апраксина село Мокрый Буерак сменило за полвека по крайней мере четырех владельцев. В середине XVII в. оно являлось частью огромной вотчины боярина Никиты Ивановича Романова, в собственности которого находилось городище Романово. После смерти Н.И. Романова в 1654 г. все его владения были отписаны в казну, а село Мокрый Буерак передавалось боярину кн. Ивану Алексеевичу Воротынскому. По переписи 1678 г. в нем числилось 770 дворов с 2424 душами м.п. После смерти кн. Н.Л. Воротынской (между 1697 и 1699 гг.) вотчина была «написана в волость»¹⁸⁴. С июня 1700 г. вновь пожалованное имение непродолжительное время принадлежало А.Д. Меншикову¹⁸⁵.

По данным I ревизии, в лебедянской вотчине генерал-адмирала гр. Ф.М. Апраксина проживало 3516 душ м.п. В середине 40-х гг. XVIII века селом Мокрый Буерак с приписными владел племянник адмирала – граф Федор Андреевич Апраксин, однако к началу 60-х гг. имение перестало существовать как единое целое. Часть владения (921 душа м.п.) была продана лейб-гвардии капи-

тан-поручику И.И. Кожину, а после смерти в 1754 г. генерал-поручика гр. Ф.А. Апраксина большая часть вотчины досталась женившимся на его дочерях генерал-майору, егермейстеру Василию Ивановичу Разумовскому (1067 душ м.п.) и лейб-гвардии Измайловского полка капитану Михаилу Ефимовичу Ласунскому (1060 душ м.п.)¹⁸⁶.

Крупнейшими вотчинами из Комарицкой волости в Севском уезде (село Брасово с приписными) в 1742 г. был пожалован Степан Федорович Апраксин, впоследствии генерал-фельдмаршал и Главнокомандующий русской армией в начале Семилетней войны. В его имении числилось 6474 души м.п.¹⁸⁷ После смерти в 1758 г. С.Ф. Апраксина селами и деревнями владела его вдова, действительная статс-дама Аграфена Леонтьевна Апраксина. К 1762 г. в Севском уезде ей принадлежало 6632 души м.п.¹⁸⁸ За Апраксиной было записано и менее крупное имение в Темниковском уезде (428 душ).

Дворяне Головкины в XVII веке не сидели в Думе и лишь изредка попадали в столичные чины, а их вотчины не принадлежали к числу особо крупных: к 1678 г. в них насчитывалось 137 дворов¹⁸⁹. В 1700 г. на поместных и вотчинных землях Головкины владели 478 ½ дворами¹⁹⁰, в том числе 15 дворами в ЦЧР¹⁹¹. Они принадлежали постельничему, впоследствии государственному канцлеру, а затем члену Верховного тайного совета, кабинет-министру графу Гавриле Ивановичу Головкину (ум. в 1734 г.)¹⁹². По данным I ревизии, на Юге страны в Орловском, Новосильском, а также Обоянском уездах он владел 614 душами м.п.¹⁹³ Его сын действительный тайный советник, вице-канцлер гр. Михаил Гаврилович Головкин¹⁹⁴ к моменту конфискации имений в начале 40-х гг. владел в Орловском, Керенском, Хотмыжском, Карачевском и Шацком уездах 8440 ½ дес. пашни (в трех полях) и не менее, чем 3432 душами м.п.¹⁹⁵ В общей же сложности по стране ему принадлежало около 25 тыс. крепостных¹⁹⁶. К 1762 г. в собственности Головкиных в Центрально-Черноземном регионе находилось 770 душ м.п., преимущественно в Кромском уезде (683 души за вдовой бывшего вице-канцлера, двоюродной сестрой Анны Иоанновны – гр. Е.И. Головкиной)¹⁹⁷.

Дворяне Толстые в допетровское время также не относились к категории знати. В конце XVI в. часть представителей рода служила в числе выборных по городам. В XVII в. Толстые упоминаются в столичных, а затем в низших думных чинах (А.В. Толстой, думный дворянин – отец Петра Андреевича Толстого). П.А. Толстой в конце XVII века достигает чина стольника. Не отличались Толстые и особо крупными вотчинами (в 1646 г. – 127 дворов, в 1678 г. – 223 двора)¹⁹⁸. В начале XVIII века Толстым принадлежало на поместных и вотчинных землях 867 ½ дворов¹⁹⁹, в том числе по ЦЧР – 48 дворов. Возвышение П.А. Толстого было связано с его участием в расследовании дела царевича Алексея. К концу царствования Петра I он находился в чине действительного тайного советника, возглавлял Коммерц-коллегию и Тайную канцелярию, а в 1724 г. был пожалован графским титулом. С 1726 г. гр. П.А. Толстой являлся членом Верховного тайного совета²⁰⁰. По I ревизии Толстым в ЦЧР принадлежало 817 душ м.п. по 12 уездам. Более половины вотчин (13 из 21) относились к числу мелких²⁰¹. В 1727 г. П.А. Толстой был лишен чинов и имений и отправлен в ссылку (ум. в 1729 г.)²⁰². Лишь в 1742 г. часть его имений была возвращена жене и детям, а в 1760 г. внуки П.А. Толстого были восстановлены в графском достоинстве²⁰³. К 1762 г. графы и дворяне Толстые владели на Юге России 11 вотчинами (2626 душ), наиболее крупные из которых располагались в Рязском, Брянском, Кромском, Орловском и Данковском уездах.

Род Ушаковых во 2-й половине XVII столетия относился к числу провинциальных, однако часть представителей фамилии служила по «московскому списку»²⁰⁴. В 1700 г. Ушаковы владели в России 481 двором²⁰⁵, в том числе 47 5/6 двора – в Центральном Черноземье.

Возвышение данного рода при Петре I было связано с личной карьерой Андрея Ивановича Ушакова, который в чине гвардии майора, как и П.А. Толстой, являлся активным участником расследования дела царевича Алексея²⁰⁶. В 1730 г. генерал-майору, впоследствии (с 1731 г.) начальнику Канцелярии тайных розыскных дел, А.И. Ушакову из Комарицкой волости было пожаловано 500 дворов²⁰⁷. За первые годы царствования Анны Иоанновны чис-

ленность крепостных А.И. Ушакова в Севском уезде выросла до 9078 душ. Здесь он владел селами Радогоща и Крупец с приписными селами и деревнями, входившими в состав дворцовых Комарицкой и Крупецкой волостей²⁰⁸. В общей же сложности по ЦЧР Ушакову в это время принадлежала 9561 душа м.п. После дворцового переворота 1741 г. А.И. Ушаков сохранил свое положение на вершине власти, оставаясь главой Тайной канцелярии до 1746 г. В 1744 г. генерал-аншеф, сенатор А.И. Ушаков был пожалован титулом графа²⁰⁹. После возвращения севской вотчины гр. А.И. Ушакова во дворцовое ведомство²¹⁰ род Ушаковых потерял большую часть своих крепостных в ЦЧР – душевладение фамилии снизилось ко времени III ревизии с 9788 (на начало 30-х гг.) до 1292 душ м.п., а имения были преимущественно средними и мелкими (23 из 26)²¹¹.

Возвышение рода Чернышевых относится к 1-й четверти XVIII века²¹². В начале столетия Чернышевы значительными поместьями и вотчинами еще не владели. По всей России им принадлежало 243 двора²¹³, из которых 36 (162 души) размещались в ЦЧР. По I ревизии душевладение дворян Чернышевых на Юге страны составляло не менее 794 душ м.п., из которых 447 проживало в керенской вотчине генерала Г.П. Чернышева (с. Никольское, что на Ките с приписными)²¹⁴. В 1730 г. его жена Е.И. Чернышева была пожалована в статс-дамы, а в 1738 г. сын Г.П. Чернышева – П.Г. Чернышев женится на единственной дочери главы Тайной канцелярии генерал-аншефа А.И. Ушакова, что значительно способствовало возвышению фамилии²¹⁵. При Елизавете Петровне в 1742 г. генерал-аншеф, сенатор Григорий Петрович Чернышев «с нисходящим потомством» был пожалован графским титулом²¹⁶. В 1762 г. в ЦЧР графам и дворянам Чернышевым принадлежало 7875 душ м.п. Самыми крупными вотчинами владели сыновья гр. Г.П. Чернышева – графы Петр и Иван Григорьевичи. За действительным тайным советником, сенатором гр. П.Г. Чернышевым по III ревизии числилась вотчина с центром в селе Радогоща в Севском уезде²¹⁷, которой ранее владел А.И. Ушаков. В начале 60-х гг. в этом имении проживало 5879 душ м.п. Более скромными в Центрально-Черноземном регионе были владения действительного камергера, директора Комиссии о коммерции гр.

И.Г. Чернышева. В его вотчинах в Керенском, Лебедянском и Орловском уездах проживала 1721 ревизская душа.

Фамилии Алсуфьевых по Сказкам 1700 г. по всей России принадлежало только 1 ½ двора²¹⁸. Возвышение рода начинается в 1-й четверти XVIII века. В 1723 г. в обер-гофмейстеры были пожалованы Матвей и Василий Дмитриевичи Алсуфьевы. Анна Ивановна, вторая супруга М.Д. Алсуфьева, являлась статс-дамой при Екатерине I. Крестным отцом сына В.Д. Алсуфьева – Адама – становится сам Петр I. Наиболее успешно карьера А.В. Алсуфьева складывается с восхождением на трон Елизаветы. Он становится действительным тайным советником, управляющим Кабинетом Е.И.В. (с 1758 г.) и церемониймейстером²¹⁹. По данным I ревизии, в Центральном Черноземье В.Д. Алсуфьеву в Шацком и Верхнеломовском уездах принадлежало 562 души м.п.²²⁰ К моменту III ревизии его сын А.В. Алсуфьев владел в этих уездах уже 1625 душами м.п. В общей же сложности в собственности представителей фамилии по ЦЧР в это время находилось 2093 души.

Дворяне Каменские, также как Пушкины и Бутурлины, происходили из рода Ратши, однако служили в основном «с городом»²²¹. В 1700 г. Каменским принадлежало по стране в общей сложности 38 дворов²²². Начало возвышению рода Каменских было положено Федотом Михайловичем Каменским. В 1727 и 1729 гг. камер-юнкеру Ф.М. Каменскому были пожалованы крупные имения, в том числе 337 дворов в Орловском, Кромском, Карачевском и Курском уездах²²³. Впоследствии большинство этих вотчин перешло по наследству к М.Ф. Каменскому²²⁴. При увольнении со службы (1753 г.) Ф.М. Каменский был награжден чином генерал-майора. Его сын Михаил Федотович (род. 1738 г.), начав свою карьеру при Елизавете, к 1762 г. находился в чинах 6 ранга (генерал-квартирмейстер-лейтенант)²²⁵. Позднее он становится графом, генерал-фельдмаршалом (1797), командует русской армией в войне 1806-1807 гг. против Франции²²⁶. На время III ревизии за М.Ф. Каменским в ЦЧР числилось 2035 душ м.п., из которых 1446 душ проживало в его орловском имении.

Значительными вотчинами владели в царствование Елизаветы Петровны

Дубенские, один из которых – Ф.Я. Дубенский являлся духовником императрицы²²⁷. И если в 1700 г. и к середине 20-х гг. XVIII века Дубенским принадлежало на Юге страны соответственно 36 (8 дворов) и 157 душ м.п.²²⁸, то ко времени III ревизии в их собственности по региону уже находилось 2014 душ м.п., из которых 1425 душ было записано за вдовой статского советника А.Н. Дубенского – А.М. Дубенской. Большая часть этих крестьян (1327 душ) проживала в Керенском уезде в селах Дмитриевское и Архангельское с приписными²²⁹.

Достаточно активно в течение 1-й половины XVIII столетия расширялись имения дворян Шепелевых. Род принадлежал к провинциальной части русского дворянства, и к началу XVIII века лишь немногим представителям фамилии удается попасть в столичные чины²³⁰.

В 1700 г. в собственности Шепелевых по Центрально-Черноземному региону находилось только 59 дворов (266 душ м.п.), из общего числа по стране – 326 ½ двора²³¹. Ко времени I ревизии за Шепелевыми по ЦЧР насчитывалось не менее 1074 душ м.п., а в 1762 г. они владели уже 4550 душами м.п. Рост вотчин и возвышение Шепелевых в первую очередь были связаны с браком Дмитрия Андреевича Шепелева с дочерью пастора Глюка – Дарьей Ивановной, свойственницей императрицы Екатерины I. Кроме того, одной из ближайших подруг дочерей Петра I, Анны и Елизаветы, была дочь Е.И. Шепелева – Мавра Егоровна (с 1742 г. жена П.И. Шувалова)²³². К 1726 г. Д.А. Шепелев был пожалован чином гофмаршала²³³. По данным I ревизии (указан в чине поручика лейб-гвардии Преображенского полка), в его вотчинах в Верхнеломовском, Рязском и Шацком уездах насчитывалось 860 душ м.п.²³⁴ В 1744 г. Д.А. Шепелев становится обер-гофмаршалом²³⁵. Ко времени III ревизии за генералом, обер-гофмаршалом Д.А. и его женой Д.И. Шепелевыми на Юге России числилось соответственно 1288 и 1750 душ м.п., подавляющее большинство из которых было сосредоточено в Керенском и Верхнеломовском уездах. Среди Шепелевых в 1-й половине XVIII века высокие чины имели также генерал-майор Степан Андреевич и его сын премьер-майор лейб-гвардии Измайловского полка (к 1762 г.) Алимпей Степанович Шепелевы. К концу правления Елизаветы Пет-

ровны в чине полковника служил Никита Андреевич Шепелев²³⁶.

Сафоновы в конце XVI-начале XVII вв. также относились к числу незнатных провинциальных дворян. В период Смуты представители фамилии упоминаются среди дьяков, а также выборных дворян по г. Карачеву. По Сказкам Генерального двора из 18 Сафоновых, имевших владения в ЦЧР, только Ф.П. Сафонов имел столичные чины (стольник)²³⁷. По данным Табели 1737-38 гг., на время I ревизии Сафоновы не поднимались в чинах выше 9 ранга²³⁸. Возвышение при Елизавете Петровне коснулось лишь немногих представителей рода. Наиболее удачную карьеру, благодаря родственным связям, сделал действительный камергер (с 1755 г.) Михаил Иванович Сафонов, женатый на гр. Марфе Симоновне Гендриковой, статс-даме с 1747 г., двоюродной сестре императрицы. При увольнении в 1762 г. со службы М.И. Сафонову был пожалован чин генерала-поручика²³⁹. Среди дворян, имевших владения в ЦЧР, в штаб-офицерских чинах ко времени III ревизии насчитывалось 6 представителей фамилии Сафоновых²⁴⁰.

Вотчины Сафоновых в середине XVII были крайне малочисленны. По переписным книгам 1646 г. за ними числилось только 27, а к 1678 г. – 198 дворов²⁴¹. На начало XVIII столетия в собственности Сафоновых на поместных и вотчинных землях находилось 405 дворов²⁴², из которых 253 ½ (1141 душа м.п.) располагались в 27 имениях Центрального Черноземья. К 1762 г. Сафоновым принадлежало на Юге России уже 58 вотчин и 5542 души м.п. Наиболее значительные из имений по III ревизии были записаны за лейб-гвардии секунд-майором Евтихом Ивановичем (1202 души м.п.), коллежским советником Федором Ивановичем (1265 душ м.п.) и вдовой Авдотьей Михайловной с дочерьми (1267 душ м.п.) Сафоновыми. М.И. Сафонов в ЦЧР имел две не особенно крупные вотчины по Кромам и Карачеву (всего – 307 душ м.п.)²⁴³. За 1-ю половину XVIII века число уездов, в которых располагались имения Сафоновых, увеличилось с 7 до 19. Однако большая часть владений концентрировалась в Карачевском уезде. Здесь же проживало и большинство их крепостных по ЦЧР (в 1700 г. – 191 ½ двор из 253 ½, в 1762 г. –

2971 душа м.п. из 5542).

Столь же быстрое возвышение после восшествия Елизаветы на престол ожидало и род Шуваловых, не владевших вотчинами вплоть до 2-й половины XVII столетия²⁴⁴. В 1700 г. на поместных и вотчинных землях по России за Шуваловыми числилось лишь 25 дворов²⁴⁵. По данным Сказок Генерального двора и Табели 1737-38 гг., в ЦЧР Шуваловы не владели имениями по крайней мере до 2-й четверти XVIII века. Однако к 1762 г. в их собственности находилось уже 4 вотчины и 1397 душ м.п. в Рязском, Верхнеломовском, Брянском и Ливенском уездах. Наиболее быструю карьеру при Елизавете сделали активные участники переворота 25 ноября 1741 г. сыновья генерал-майора И.М. Шувалова – Петр, женатый на подруге цесаревны М.Е. Шепелевой, и Александр Иванович Шуваловы, а также их двоюродный брат, фаворит императрицы, Иван Иванович²⁴⁶. За оказанные услуги офицерские чины гренадерской роты Преображенского полка были приравнены к генеральским, многие участники переворота, в том числе и Шуваловы, получили обширные имения²⁴⁷. В 1746 г. А.И. и П.И. Шуваловы были пожалованы в графское достоинство²⁴⁸. К началу 60-х гг. XVIII века гр. П.И. Шувалов находился в чинах генерал-фельдмаршала, генерал-фельдцейхмейстера, сенатора; И.И. Шувалов – генерал-поручика, генерал-адъютанта; начальник Тайной розыскных дел канцелярии (1746-62 гг.) гр. А.И. Шувалов – генерал-фельдмаршала. Быстрый рост по служебной лестнице был обеспечен и сыну гр. П.И. Шувалова – действительному камергеру, поручику лейб-гвардии конного полка Андрею Петровичу, женившемуся на дочери генерал-фельдмаршала гр. П.С. Салтыкова. Именно гр. А.П. Шувалов владел к 1762 г. большей частью крепостных рода Шуваловых на Юге России (1118 душ м.п.)²⁴⁹.

Вошедшие при Елизавете в чиновную верхушку российского дворянства, Воронцовы относились к числу захудавших родословных фамилий²⁵⁰. На начало XVIII столетия Воронцовы владели по всей России на поместных и вотчинных землях 138 дворами²⁵¹; из них только 5 (23 души м.п.) размещалось на Юге России (в Ливенском уезде). Ко времени I ревизии представителям рода Ворон-

цовых в ЦЧР принадлежало 147 душ м.п. в Данковском, Демшинском, Ливенском, Курском, Елецком и Корочанском уездах (из 14 имений 12 – мелкие)²⁵². После переворота 1741 г. его участник Михаил Илларионович Воронцов становится действительным камергером, генерал-поручиком; в 1744 г. он был возведен в графское достоинство и назначен вице-канцлером с чином действительного тайного советника, а в 1758 г. – канцлером. С 1742 г. М.И. Воронцов был женат на двоюродной сестре императрицы статс-даме гр. А.К. Скавронской (с 1760 г. обер-гофмейстерина)²⁵³. Южные имения Воронцовых ко времени III ревизии не являлись особенно крупными. Так, брат М.И. Воронцова – генерал-аншеф, действительный камергер, сенатор граф (с 1760 г.)²⁵⁴ Роман Илларионович Воронцов владел в Шацком, Нижнеломовском, Павловском, Тамбовском и Верхнеломовском уездах 236 душами м.п. В тамбовском же имении генерал-поручика, действительного камергера и сенатора гр. Ивана Илларионовича Воронцова насчитывалось 292 души м.п.²⁵⁵

Возвышение фамилии Бестужевых-Рюминых в первую очередь было связано с чиновной карьерой сына П.М. Бестужева-Рюмина (гофмейстер при дворе в Митаве, граф с 1742 г.) – Алексея Петровича, который при императрице Елизавете являлся вице-канцлером, затем канцлером (1744-1758 гг.). После возвращения при Екатерине II из ссылки гр. А.П. Бестужев-Рюмин был пожалован в генерал-фельдмаршалы. Высокие чины также имели действительные тайные советники графы А.А. и М.П. Бестужевы-Рюмины²⁵⁶. Несмотря на это, вотчины дворян Бестужевых-Рюминых в ЦЧР не были значительны. Ко времени I ревизии на Юге России они владели 153 душами м.п.²⁵⁷, а к 1762 г. за представителями этой фамилии числилось 703 души м.п.

Дворяне Шеншины в XVII веке также относились к числу незнатных провинциальных фамилий. На начало XVIII столетия из 25 представителей рода, владевших имениями в ЦЧР, в числе столичных чинов упоминается только А.Н. Шеншин (стряпчий). По I ревизии с чином стольника указан Л. Шеншин²⁵⁸. Однако к 1762 г. Шеншины уже достаточно прочно входили в верхушку дворянского сословия: в штаб-офицерских чинах, по данным изучаемого регио-

на, служило 14 лиц, принадлежавших к этой фамилии²⁵⁹.

В XVII веке дворяне Шеншины владели имениями в основном на поместном праве. По переписным книгам 1646 г. в их вотчинах находилось всего 86 крестьянских дворов, в 1678 г. вотчины вовсе отсутствовали²⁶⁰. В 1700 г. как в поместьях, так и вотчинах Шеншиных по стране числилось 324 двора²⁶¹, подавляющее большинство которых – $270 \frac{3}{4}$ (1218 душ м.п.) – находилось на территории ЦЧР в 9 уездах. К началу 60-х гг. XVIII века Шеншиным принадлежало уже 5284 души м.п. по 11 уездам. Обращает на себя внимание многочисленность имений Шеншиных (в 1700 г. – 40, к 1762 г. – 58), однако большинство из них относились к разряду мелких и средних²⁶². Наиболее крупные владения Шеншиных размещались к этому времени в Мценском (2573 души м.п.) и Орловском (1779 душ м.п.) уездах, а в начале XVIII века – и по Белеву. Ко времени III ревизии в число наиболее крупных вотчинников ЦЧР входил майор А.Д. Шеншин. Ему принадлежало 1198 душ м.п.

Завершая характеристику имений провинциального дворянства проанализируем роль этой части привилегированного сословия в процессе формирования в ЦЧР в 1-й половине XVIII в. крупного светского феодального землевладения.

По нашим данным, в 1762 г., на Юге России из 140 родов, владевших более чем 1000 душ м.п. (см. приложение 31), 97 фамилий относились в конце XVII века к слою провинциального дворянства, не входившего в состав знати. Число владений, принадлежавших им в регионе, за период с 1700 по 1762 г. увеличилось с 968 до 2215 при росте числа крепостных с 37217 до 194394 душ м.п., то есть на 422 %. Удельный вес населения, проживавшего во владениях указанных родов, также значительно вырос: с 18,7 % до 30,7 %. Более того, поскольку по своей численности как в 1700, так и в 1762 г. имения этих фамилий составляли около 19 % от общего числа дворянских владений по региону, мы можем также говорить о значительном укрупнении землевладения. Напротив, доля крепостных в имениях крупновотчинной титулованной знати, старомосковских родов и провинциального дворянства, входившего в XVII в. в пра-

вящую группу светских феодалов (37 фамилий), за период с 1700 по 1762 г. снижается с 30,4 до 21,6 % (по указанным группам соответственно: с 13,9 % до 10,8 %, с 6,6 % до 5,7 % и с 10 % до 5,1 %).

Однако основной причиной показанного процесса являлось не перераспределение собственности. Это следует из того, что темпы роста численности крепостного населения за период 1700-1762 гг. во владениях дворянских родов – наиболее крупных земле- и душевладельцев из числа титулованной аристократии, старомосковской знати и верхушки провинциального дворянства XVIII в. превышали показатели естественного прироста крестьян светских феодалов по ЦЧР (около 53 %) ²⁶³, составляя по группам соответственно 148 %, 180 % и 64 %.

Таким образом, главной причиной изменения состава крупновотчинных дворянских родов ЦЧР в 1-й половине XVIII в. следует признать активное привлечение на высокие посты в государстве представителей провинциального дворянства в петровское и послепетровское время, что привело и к значительному расширению крупного землевладения этой части сословия.

3.4. Фамилии, вошедшие в состав российского дворянства в первой половине XVIII века

Утверждение в 1722 г. Табели о рангах положило начало получению дворянства по выслуге, однако «новая» аристократия петербургского периода Российского государства формировалась фактически теми же способами, что и в предшествующее время – за счет выезжей иноземной знати и высочайшего пожалования дворянского достоинства отдельным удачливым представителям низших слоев общества.

Особую группу российской титулованной аристократии составляли представители «владельческих родов» других государств, принявших подданство России в XVIII веке.

Одними из крупнейших вотчинников Юга России являлись в 1-й половине XVIII века князья Кантемиры. Выехавшему в 1711 г. в Россию молдавскому

Господарю кн. Д.К. Кантемиру при Петре I было пожаловано из дворцовой Комарицкой волости более 10 тысяч душ крепостных. После смерти кн. Д.К. Кантемира все состояние отца, благодаря поддержке члена Верховного тайного совета кн. Дмитрия Михайловича Голицына, было передано женатому с 1724 г. на его дочери Анастасии Дмитриевне князю Константину Дмитриевичу Кантемиру. Лишь только после опалы «верховника» при Анне Иоанновне, вдова молдавского Господаря кн. Анастасия Ивановна Кантемир (урожденная кн. Трубецкая) смогла получить часть наследства²⁶⁴. Гигантская вотчина в Севском уезде (слобода Дмитровка с приписными селами и деревнями²⁶⁵) была разделена на две части: в имении кн. К.Д. Кантемира числилось 9352 души м.п., а за его мачехой – 3120 душ. После смерти в 1747 г. бездетного кн. К.Д. Кантемира²⁶⁶ его имение перешло в совместное владение братьев Матвея и Сергея Дмитриевичей. По III ревизии в их владении по Севскому уезду числилось 9192 души м.п. Другая часть Дмитровской вотчины после смерти в 1755 г. ландграфини А.И. Гессен-Гомбургской (по мужу с 1738 г.) была передана ее дочери – кн. Е.Д. Голицыной (урожденная кн. Кантемир)²⁶⁷.

Огромными владениями в России к 1762 г. владели родственники императора Петра III – фон Голштейнбек. В ЦЧР за вдовой генерал-фельдмаршала, генерал-губернатора Санкт-Петербургской и Ревельской губерний принца Петра Федоровича фон Голштейнбек княгиней Натальей Николаевной (урожденная Головина) в Орловском, Путивльском, Рыльском и Севском уездах числилось 10323 души м.п. Ивановская вотчина в Рыльском уезде была унаследована ею в 1757 г. от ее отца гр. Николая Федоровича Головина²⁶⁸. Вероятно, к кн. Н.Н. Голштейнбек перешло и орловское имение гр. Н.Ф. Головина, числившееся за ним по Табели 1737-38 гг.²⁶⁹.

Гораздо менее крупными были имения царевича, принцев и князей Грузинских, князей Багратионов и Дадяновых²⁷⁰ – в 1762 г. им принадлежало 7 вотчин и 1742 души м.п.

В начале XVIII века в Центральном Черноземье появляются имения выходцев из Шотландии – графов и дворян Брюс. В 1708 г. генерал Я.В. Брюс был

пожалован имением в Брянском уезде (219 дворов, 903 четверти пашни)²⁷¹. В двух крупных вотчинах по Орлу и Рыльску представителям этой фамилии по III ревизии принадлежало 652 души м.п. В течение 1-й половины XVIII в высоких чинах служили сподвижник Петра I – генерал-фельдцейхмейстер (затем генерал-фельдмаршал), президент Берг- и Мануфактур-коллегий, гр. (с 1721 г.) Я.В. Брюс, генерал-майор гр. (с 1740 г.) А.Р. Брюс, а также генерал-майор, премьер-майор лейб-гвардии Семеновского полка гр. Я.А. Брюс²⁷².

Ряд фамилий, входивших в состав богатейших дворянских родов 1-й половины XVIII века, до этого времени вообще не принадлежали к привилегированному сословию и достигли высокого положения только благодаря удаче, случаю, ловкости или личным деловым качествам отдельных своих представителей.

В этом плане особо следует отметить светлейшего князя А.Д. Меншикова. По мнению Н.И. Павленко, общая численность крепостных в его имениях в целом по стране была близка к 100 тысячам душ м.п.²⁷³ Около 70 % всех вотчин кн. Меншикова составляли царские пожалования. В Центрально-Черноземном районе, по подсчетам С.М. Троицкого, за период с 1709 по 1723 гг. временщику было пожаловано 6 вотчин с населением в 12912 душ м.п. Достаточно активно протекал процесс скупки земель. Только в Брянском, Обоянском, Хотмыжском и Нежегольском уездах кн. Меншиков приобрел вотчины, в которых проживало 7284 души м.п.²⁷⁴ По данным П. Милюкова, в собственности князя в 1713 г. в Брянском, Курском, Путивльском, Рыльском, Обоянском, Нежегольском, Трубчевском, Хотмыжском, Карповском, Вольновском и Алешненском уездах находилось 5065 крестьянских дворов²⁷⁵.

После опалы и ссылки князя А.Д. Меншикова в 1727 г. все его имения, в том числе и в ЦЧР, были конфискованы. В последующее время, несмотря на возврат части вотчин, князья Меншиковы уже не смогли восстановить былое величие. К 1762 г. потомки «полудержавного властелина» владели на Юге России двумя имениями, в которых проживало только 143 души м.п.

В 1-й четверти XVIII в. возвысились и представители фамилии Макаро-

вых. Отец кабинет-секретаря Петра I Алексея Васильевича Макарова был подьячим; ряд представителей фамилии владели вотчинами в XVII веке²⁷⁶. Ко времени III ревизии в собственности Макаровых на Юге России находилось 866 душ м.п. (в 1700 г. – 9, по I ревизии – 33 души м.п.²⁷⁷), однако их имения были преимущественно мелкими и средними²⁷⁸.

Потомки первого генерал-полицмейстера Санкт-Петербурга, генерал-майора А.М. Девиера (среди них генерал-аншеф гр. П.А. Девиер²⁷⁹) владели к 1762 г. на Юге России только 90 душами м.п. в Ефремовском уезде. Сам же А.М. Девиер (ум. 1745 г.), пожалованный в 1726 г. графским титулом (в 1727 г. – сослан с лишением чинов и титула; возвращены в 1743 г.)²⁸⁰, владел по I ревизии вместе с женой в Ряжском и Орловском уездах 207 душами м.п.²⁸¹ По данным Е.И. Индовой, в 1744 г. гр. А.М. Девиеру в Обоянском и других уездах из имений бывшего князя А.Д. Меншикова было пожаловано 1638 душ м.п.²⁸²

Во 2-й половине 20-х гг. XVIII века всего одно имение числилось в Центральном Черноземье за первым генерал-прокурором Павлом Ивановичем Ягужинским (обер-шталмейстер, генерал-аншеф, кабинет-министр, с 1731 г. – граф, ум. 1736 г.)²⁸³. В его данковской вотчине с центром в селе Спасское проживало 328 душ м.п.²⁸⁴ По данным III ревизии, за Ягужинскими имений на Юге России не было.

Столь же нестабильным было душевладение безродных Шафировых. Возвысившийся при Петре I барон (с 1710 г.) П.П. Шафиров был владельцем, по разным оценкам, от 8 до 15 тыс. крепостных²⁸⁵. Однако, по данным I и III ревизии, ни он, ни его потомки вотчин на Юге России не имели. То же можно сказать о герцоге Э.-И. Бироне, графе Г. Лестоке, баронах (затем графах) Остерманах, а также баронах и графах Минихах²⁸⁶.

Род графов и дворян Скавронских возник благодаря браку Петра I и Марты Самуиловны Скавронской. Наиболее стремительная карьера ожидала племянника императрицы гр. Мартына Карловича Скавронского, пожалованного чинами генерал-аншефа и обер-гофмейстера. Ему же принадлежали и самые крупные вотчины рода в ЦЧР. Так, в 1762 г. в этом регионе он владел в общей

сложности 2996 душами м.п. в Кромском, Керенском и Верхнеломовском уездах. Из них 1593 души проживало в Козмодемьянской вотчине в Кромском уезде²⁸⁷. В 1742 г. графское достоинство получили представители родов Гендриковых и Ефимовских. Обе фамилии также, как и Скавронские, находились в родстве с императорским домом по женской линии²⁸⁸. Однако их вотчины были значительно более мелкими, а по Центральному Черноземью на время III ревизии именными владели только графы Гендриковы (213 душ м.п.). В царствование Елизаветы Петровны представители этих трех фамилий служили в самых высоких чинах, и родство с ними являлось залогом успешной карьеры.

В 40-е гг. XVIII века на самой вершине государственной власти оказались потомки простого казака Я.Р. Розума – Разумовские. В 1744 г. А.К., А.Г. и К.Г. Разумовские были пожалованы графским титулом²⁸⁹. По III ревизии представители фамилии Разумовских имели в ЦЧР 10181 душу м.п. Крупнейшими вотчинами владел генерал-фельдмаршал, подполковник лейб-гвардии Измайловского полка граф Кирилл Григорьевич Разумовский. К 1762 г. в регионе ему принадлежало 8813 душ м.п., из которых 8630 душ размещались в Шацком уезде. Менее крупным было лебедянское имение генерал-майора, егермейстера Василия Ивановича Разумовского (1067 душ м.п.), которое он получил за своей женой гр. А.Ф. Апраксиной²⁹⁰.

Именитые люди Строгановы, несмотря на очевидные заслуги перед короной, в XVII веке крупными вотчинами не обладали (в 1678 г. – 28 дворов) и владели по преимуществу поместьями. К 1700 г. Строгановым принадлежало на поместных и вотчинных землях в общей сложности 2990 дворов²⁹¹. В XVIII веке представители дома Строгановых были пожалованы с нисходящим потомством в баронское (в 1722 г. – А.Г., Н.Г., С.Г. Строгановы), а затем в графское (в 1761 г. – А.С. Строганов) достоинство²⁹². В высоких чинах служили действительный камергер, впоследствии обер-камергер, президент Академии художеств граф Александр Сергеевич, генерал-лейтенант, действительный камергер барон Сергей Григорьевич и тайный советник, действительный камергер барон Александр Григорьевич Строганов, а также ряд других представителей фамилии. В

царствование Петра I в чине статс-дамы находилась жена Г.Д. Строганова – М.Я. Строганова²⁹³. Достаточно крупные вотчины в Центральном Черноземье Строгановы получили, видимо, лишь при Елизавете²⁹⁴. Так, по III ревизии за вдовой барона А.Г. Строганова – Марьей Артемьевной числилось 1655 душ м.п. в Рязском, Шацком и Болховском уездах.

В общей сложности к началу 60-х гг. XVIII в. вышеперечисленные фамилии, включенные в состав российского дворянства с начала столетия, владели в ЦЧР 46 вотчинами и 38283 душами м.п., что составляло 6,04 % от числа крепостных светских феодалов по региону²⁹⁵. Часть этих родов (князья фон Голштейнбек, Кантемиры, графы и дворяне Разумовские) пополнила слой крупнейших земле- и душевладельцев Центрального Черноземья.

* * *

В заключение рассмотрим изменения произошедшие в родовой структуре верхушки дворянства в 1-й половине XVIII столетия на примере изучаемого региона²⁹⁶. В составе этой части сословия нами выделяются две большие чиновные группы. В первую из них отнесены думные люди и верхушка дворцовых чинов, соответствовавшие в чиновной иерархии Табели о рангах генеральским чином. Во вторую группу включены дворяне, служившие в начале XVIII века в стольниках, а в середине столетия – в штаб-офицерских рангах²⁹⁷.

В 1700 г. в состав наиболее чиновной части дворянского сословия в регионе входили представители 310 родов. В думных чинах, а также кравчими и постельничими (1 группа) служили дворяне 59 фамилий, из которых наиболее прочное положение в Думе и при Дворе имели князья Волконские, князья Голицыны, Головины, князья Львовы, Матюшкины, Нарбековы, Нарышкины, князья Прозоровские, Пушкины, Салтыковы, Стрешневы, князья Урусовы, Хитрово, князья Щербатовы. Вышеперечисленные роды имели в указанной чиновной группе от 2 до 4 представителей обоих полов. Кроме того, все 14 родов относились к тому слою светских феодалов, представители которого в течение XVII века служили в высших думных чинах (из них князья Голицыны, дворяне Салтыковы и Головины являлись окольными и боярами и в более раннее вре-

мя)²⁹⁸. Рассматривая родовую структуру верхушки дворянства Юга России в целом (1 и 2 группы), среди имевших наиболее стабильное положение в ее составе (не менее пяти представителей) также следует указать роды Вердеревских, Волынских, князей Долгоруковых, князей Енголычевых, Ильиных, князей Кугушевых, Левшиных, Лодыженских, Ляпуновых, князей Мансыревых, Хрущовых. Из 11 перечисленных фамилий 6 относилось к столичной знати и верхушке городского дворянства, возвысившегося в течение XVII века²⁹⁹.

В 1762 г. на Юге России вотчины имели дворяне 878 фамилий, представители которых служили в генеральских (181 род) и штаб-офицерских (807 родов) чинах. К этому времени родовой состав верхушки дворянства изменился достаточно значительно. В генеральских чинах (1 группа), приравненных нами к думным и высшим дворцовым чинам, несли службу представители титулованной аристократии – князья Голицыны, Долгоруковы, Одоевские, Репнины, Трубецкие, Черкасские, Щербатовы, а также, не входившие в XVII в. в состав Думы, князья Белосельские, Вадбольские, Дашковы и Шаховские. Здесь же мы наблюдаем старомосковскую знать – графов и дворян Бутурлиных, Головиных, Салтыковых, а также дворян Безобразовых, Глебовых, Измайловых и Стрешневых. В чинах 1-5 рангов в середине XVIII века служили представители провинциальной знати 2-й половины XVII столетия – Лопухины и Нарышкины. К выездной аристократии относились князья Кантемиры. Иноземные корни имели также графы и дворяне Брюс. Графы Гендриковы, князья Меншиковы, графы и дворяне Разумовские являлись выходцами из непривилегированных слоев общества. Представители остальных 25 родов (Беклемишевы, Вадковские, графы и дворяне Воронцовы, графы и дворяне Головкины, Дубенские, Жилины, Зиновьевы, князья Килдишевы, Кошелевы, Кутузовы, Лунины, Масловы, Мельгуновы, Наумовы, Неплюевы, Николевы, Панины, Поляковы, Полянские, Сумороковы, Титовы, Ушаковы, Череповы, Шепелевы, Щербачевы) в допетровское время несли службу преимущественно в городских и столичных дворянах, не поднимаясь выше чина стольника. Все вышеперечисленные 50 фамилий имели, по материалам Центрального Черноземья, в генеральских чинах двух и более

своих представителей. Теперь рассмотрим родовую структуру верхушки дворянства Юга России в целом (1 и 2 группы). Кроме вышеуказанных фамилий, в 1762 г. в ее состав прочно (имели в чинах 1-8 рангов не менее пяти своих представителей) входили Алсуфьевы, Афросимовы, Батурины, Бахметевы, Бибиковы, Богдановы, князья Борятинские, Бунины, Воейковы, князья Волконские, князья Гагарины, Глозовы, Гринева, Гурьевы, Давыдовы, Денисьевы, Дурново, Евсюковы, Жуковы, Игнатьевы, Иевлевы, Кологривовы, Коробьины, Кривцовы, Левшины, Лихаревы, Лосевы, Лукашевы, Мацневы, Мещериновы, князья Мещерские, Орловы, Павловы, Похвисневы, Протасовы, Рагозины, Рахманиновы, Ржевские, Ртищевы, Сатины, Сафоновы, Семеновы, Сомовы, Стремоуховы, Ступишины, Суровцовы, Сухотины, Тарбеевы, Хитрово, Хомяковы, Хрушова, Чичерины, Шатиловы, Шеншины, Юшкова, Языковы. Подавляющее большинство этих фамилий (49 из 56) относилось в XVII столетии к среднему и низшему слою провинциального дворянства, отдельные представители которого добивались столичных чинов³⁰⁰.

Структурные изменения в составе верхушки дворянства свидетельствуют о том, что петровские реформы окончательно подорвали монополию старомосковской аристократии и титулованной знати в сфере власти. Основным источником пополнения правящей группы светских феодалов в 1-й половине XVIII в., как и ранее, следует признать слой провинциального дворянства. Также можно говорить о том, что этот процесс протекал с большей интенсивностью, чем в XVII столетии. Число выходцев из непривилегированных сословий, попавших на вершину служилой иерархии, было незначительно.

Однако несмотря на активную трансформацию верхушки дворянства, нетитулованные старомосковские фамилии и родовитая княжеская аристократия продолжали играть крайне важную роль в управлении страной и в 1-й половине XVIII в. Кроме того, крупное крепостническое землевладение, сформировавшееся еще в допетровский период, а также прочные традиции несения службы на высших государственных постах, существенно облегчали восхождение по лестнице чинов для представителей этого слоя светских феодалов.

Проследив эволюцию владений наиболее крупных социальных групп внутри сословия светских феодалов и отдельных дворянских родов в ЦЧР в 1-й половине XVIII века, подведем итоги, определив общие структурные изменения и соотношение в регионе земле- и душевладения различных слоев привилегированного сословия.

Структура имений тех фамилий, которые формировали в XVII веке правящую группу сословия светских феодалов, в течение 1-й половины XVIII столетия претерпела значительные изменения, что отражено в таблице 3.

Таблица 3

Владения дворянских родов, формировавших в XVII веке верхушку сословия
(по данным ЦЧР).

Категория	1700 г.		1762 г.	
	владельцев	душ м.п.	владельцев	душ м.п.
Титулованная знать	264	35826	337	77130
Нетитулованная знать	302	25697	412	48727
Верхушка провинциального дворянства	169	25299	209	35424
Всего по 3-м категориям, абс.	735	86822	958	161281
Доля в общей массе дворянских имений, %	14,52 %	43,68 %	8,55 %	25,44 %

Исходя из данных, представленных в таблице, мы можем сделать вывод, что по абсолютным показателям имения родов, относившихся в допетровское время к верхушке дворянского сословия, за 1-ю половину XVIII столетия выросли практически в два раза. Однако удельный вес этих владений за рассматриваемый период заметно снизился. В первую очередь обращает на себя внимание уменьшение доли населения, проживавшего в имениях этой части привилегированного сословия, более чем на 18 %.

Тем не менее, значительная часть старомосковских родов, титулованной

аристократии, а также верхушки провинциального дворянства XVII столетия приобрела и расширила свои имения в ЦЧР в течение изучаемого периода (84 из 123 фамилий). Среди тех фамилий, которые ко времени III ревизии имели весьма крупные владения в регионе в первую очередь следует указать Безобразовых, князей Волконских, князей Гагариных, князей Голицыных, графов и дворян Головиных, князей Долгоруковых, Измайловых, Колычовых, князей Куракиных, Лопухиных, графов и дворян Мапюшкиных, князей Мещерских, Нарышкиных, князей Одоевских, князей Репниных, графов и дворян Салтыковых, Соковниных, князей Трубецких, Хитрово, князей Черкасских, князей Шаховских, графов и дворян Шереметевых, князей Щербатовых. Более того, несмотря на то что реформы Петра I «подорвали политическую мощь знати», обладание значительными земельными богатствами и огромным количеством крепостных позволяло многим представителям этих и ряда других родов по-прежнему занимать в 1-й половине XVIII века достаточно прочные позиции во власти³⁰¹.

Вместе с тем, в данный период происходит активное формирование «новой знати». В первую очередь к этой категории могут быть отнесены аристократические (в полном смысле этого слова) роды князей Кантемиров, князей и принцев фон Голштейнбек, царевича, принцев и князей Грузинских, князей Багратионов и князей Дадиановых, к 1762 г. владевших в Центральном Черноземье совокупно 15 вотчинами и 21487 душами м.п., из которых только за Кантемирами и Голштейнбек числилось 19745 душ.

Кроме того, в качестве «новой знати» петровского и послепетровского времени следует рассматривать те фамилии, представителям которых в качестве особого отличия в период между 1700 и 1762 гг. были пожалованы титулы. Среди них были владевшие в это время в ЦЧР имениями князя Меншиковы, графы и дворяне Апраксины, Бестужевы-Рюмины, Брюс, Воронцовы, Гендриковы, Головкины, Девиеры, Зотовы, Левенвольде, Матвеевы, Мусины-Пушкины, Орловы, Разумовские, Румянцовы, Скавронские, Строгановы, Толстые, Ушаковы, Чернышевы, Шуваловы, Ягужинские, бароны и дворяне Пospelовы и Черкасовы³⁰².

Структура их владений в 1700-1762 гг. выглядела следующим образом:

Таблица 4

Владения «новой знати» в 1700-1762 гг. (по материалам ЦЧР)

Категория	1700 г.		1762 г.	
	владе- ний	душ м.п.	владе- ний	душ м.п.
Иноземная аристократия	0	0	15	21487
Фамилии, представители которых в 1-й половине XVIII в. были пожалованы титулом	40	1189	136	40957
Итого по 2-м категориям, абс.	40	1189	151	62444
Доля в общей массе дворянских имений, %	0,79 %	0,60 %	1,35 %	9,85 %

Приближение к власти и родство с царствующим домом служило основой роста земельных богатств этих родов. Однако в период дворцовых переворотов близость к престолу не всегда являлась залогом долговременной успешной карьеры и стабильности крупного землевладения. Борьба за власть при отсутствии четкого порядка наследования трона являлась причиной того, что смена монарха приводила к значительным изменениям в его окружении. Кроме того, «новая аристократия», сформировавшаяся в 1-й половине XVIII века, была более уязвима и в большей степени зависела от высочайшего благоволения, поскольку их вотчинный фонд формировался преимущественно из пожалований монарха. В отличие от «новой знати», землевладение допетровской аристократии было более стабильным и, несмотря на участие в дворцовых интригах, такие древние и знатные фамилии, как князья Голицыны и Долгоруковы, смогли не только сохранить в неприкосновенности большую часть своих владений в Центральном Черноземье, но и значительно их укрупнить. Богатство же большинства представителей «новой знати» не было подкреплено многовековой службой их предков Государю и держалось на благополучии одного-двух представителей фамилии, возвысившихся благодаря случаю, и их смерть или неми-

лость к ним могла обернуться катастрофой для всего рода. Так, огромные вотчины на Юге страны утратили князья Меншиковы. Не смогли сформировать в ЦЧР сколько-нибудь устойчивого землевладения графы Гендриковы, Головкины, Девиеры, Ефимовские, Лестоки, Минихи, Остерманы, Ягужинские, герцог Бирон и многие другие. Ко времени III ревизии крупные владения числились за графами и дворянами Толстыми, однако до этого их вотчины подвергались отписке. Крупновотчинное землевладение графов и дворян Разумовских и Чернышевых возникло только в 40-х гг. XVIII века. То же можно сказать и о более скромных южных имениях графов и дворян Бестужевых-Рюминых, Воронцовых и Шуваловых.

Помимо ряда тех провинциальных фамилий, которые к середине XVIII столетия пополнили слой титулованной аристократии, в состав верхушки крупновотчинных провинциальных родов Юга России³⁰³ к этому времени также входили Алсуфьевы, Алымовы, Анненковы, Апухтины, Арбенева, Арсеньевы, Бахметевы, Бахтины, Беклемишевы, Бибиковы, Бобрищевы-Пушкины, Богдановы, Бунины, Васильчиковы, Веревкины, Воейковы, Всеволожские, Вышеславцовы, Гринева, Гурьевы, Давыдовы, Даниловы, князья Девлеткилдеева, Денисьевы, Дубенские, Дурново, Дуровы, князья Енголычевы, князья Еникеева, Жуковы, Загряские, Зиновьевы, Игнатьевы, Каменские, Касаговы, Кожины, Кологривовы, Кошелева, Кривцовы, Кусаковы, Лавровы, Ласунские, Лачиновы, Левшины, Лихаревы, Лосева, Лунины, Лутовиновы, Львовы, Масловы, Мацневые, Машковы, Мельгуновы, Мерлины, Мещериновы, Мосаловы, Мухановы, Мясоедовы, Наумовы, Нащокины, Небольсины, Неплюевы, Нестеровы, Новиковы, Ознобишины, Павловы, Пашковы, Похвисневые, Протасовы, Рагозины, Раевские, Ржевские, Римские-Корсаковы, Ртищевы, Сатины, Сафоновы, Свищовы, Семичевы, Спешневые, Стремоуховы, Титовы, Тютчевы, Фроловы-Багреева, Чернцовы, Чичерины, Шеншины, Шепелева, Ширковы, Щербачевы, Юшковы и Языковы³⁰⁴. Численность крепостного населения в их владениях за период 1700-1762 гг. возросла в абсолютных показателях в 4,7 раза (с 36529 до 172803 душ м.п.) и превысила размеры душевладения тех родов, которые вхо-

дили в верхушку сословия в XVII веке. Удельный вес имений вышеперечисленных фамилий в общей массе дворянских владений Центрального Черноземья, исходя из их населенности, вырос соответственно с 18,38 % до 27,26 %.

Таким образом, процесс обновления правящей верхушки дворянского сословия за счет привлечения в нее «худородного» провинциального дворянства и представителей податных сословий, начавшийся еще в XVII столетии, не только активно продолжился в 1-й половине XVIII века, но и ощутимо сказался на распределении земельных богатств внутри сословия светских феодалов. Наряду с весьма крупным землевладением старомосковских родов и княжеской аристократии на протяжении петровского и послепетровского времени в Центральном Черноземье интенсивно формируются обширные владения «новой знати», а также части провинциальных фамилий. И если удельный вес имений родов, которые в XVII веке принадлежали к верхушке дворянства, за 1700-1762 гг. снизился с 43,68 % до 25,44 %, то доля крепостного населения, проживавшего во владениях «новой знати», а также крупновотчинного провинциального дворянства, за тот же период выросла с 18,98 % до 37,11 %. Исходя из высокой степени корреляции между населенностью имений и их размерами, мы можем прийти к сходным выводам относительно эволюции земельного фонда вышеперечисленных родов в Центральном Черноземье в 1-й половине XVIII века.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подведем наиболее общие итоги.

Юридический статус дворянского землевладения в течение 1-й половины XVIII в. претерпел определенные изменения. Крайне жесткие ограничения прав сословия на владение и распоряжение недвижимостью, введенные при Петре I, во 2-й четверти XVIII столетия постепенно отменяются. Был ослаблен контроль дворянских родовых корпораций над сделками с имениями, находящимися в собственности отдельных представителей фамилии.

Вместе с тем, землевладение дворянства на всем протяжении 1-й половины века продолжало носить феодальный, крепостнический, условный и ограниченный характер. Сохраняются иерархическая структура собственности (государство – род – дворянин), а также элементы вотчинной юрисдикции землевладельца по отношению к крепостному крестьянству. Происходит усиление сословного характера дворянской собственности на населенные и ненаселенные имения. Сохранив право верховной собственности на весь дворянский земельный фонд, казна в течение всего изучаемого периода, как и ранее, активно использует практику конфискации и пожалования имений. Продолжают существовать значительные ограничения прав собственника на распоряжение вотчинами. Ликвидация поместной системы и либерализация дворянской службы, начавшаяся после смерти Петра I, фактически не изменили традиции, в соответствии с которой сословие рассматривалось как служилое, а право дворянства на владение недвижимостью было прочно связано с государственной службой.

В 1-й половине XVIII столетия начинается новый этап развития дворянского землевладения на Юге страны. Это было обусловлено следующими факторами:

Во-первых, в данное время ЦЧР фактически теряет статус пограничной территории. В указанном процессе решающую роль сыграли одноворчская колонизация Юга России в XVII столетии и постройка Белгородской и Изюмской засечных черт, сделавшие уезды Центрального Черноземья более безопас-

ными. Помимо этого, новые принципы комплектования армии, введенные при Петре I, значительно снизили потребности короны в служилых людях, в том числе и на южных рубежах страны. А поскольку как в XVII, так и в XVIII вв. политика правительства в отношении статуса уездов Юга России обуславливалась балансом между узкосословными интересами дворянства и заинтересованностью монархии в безопасности южных границ государства¹, верховная власть уже в конце XVII столетия значительно ослабляет контроль за распространением светского феодального землевладения в Центрально-Черноземном регионе.

Во-вторых, в изучаемый период происходит активизация процессов консолидации сословия светских феодалов и его размежевания с остальной массой служилых людей, вошедших при Петре I в состав податных категорий населения. Осуществляется слияние различных привилегированных социальных групп, унификация их статуса, ликвидируется разделение дворянства на московские и городские чины, а затем устанавливается единая чиновная иерархия Табели о рангах 1722 г. Кроме того, уже к концу XVII столетия происходит распад «служилого города», усиливается мобилизация земли в дворянской среде, вследствие чего землевладение городских дворян перешагнуло границы тех уездов, по которым они служили².

Именно этими причинами было вызвано то, что с конца XVII в. правительство фактически отказалось от системы заказных городов. Новые принципы землевладения на Юге страны были утверждены в законодательном порядке в 1727 г.: разделение уездов на закрытые и открытые для московских чинов отменялось, а дворянство получило право на беспрепятственное приобретение земель в бывших заказных городах, исключая земли однодворцев. К сохранению однодворческого землевладения правительство подталкивала неразрешенность Крымского вопроса и необходимость сохранения однодворцев как платежеспособной категории населения, способной содержать ландмилицию и служить в ее составе; а поскольку интересы казны ограничивались именно этим, самодержавие с 30-х гг. XVIII в. разрешает дворянам покупку «отсутственных»

однодворческих земель, на которых представители тяглого сословия не были положены в подушный оклад. Наметившаяся тенденция к ограничению землевладения однодворцев их наделами, стала еще одним шагом на пути сближения статуса мелких служилых людей Юга России с положением государственных крестьян.

С этой точки зрения вполне закономерно, что одной из важнейших характеристик процесса эволюции дворянских владений в Центральном Черноземье в 1-й половине XVIII в. являлось их территориальное расширение. За период 1700-1762 гг. общие размеры землевладения сословия в регионе, по нашим оценкам, выросли в 5,31 раза (с 1268 тыс. до 6737 тыс. десятин), а по пашне – в 3,55 раза (с 951 тыс. до 3375 тыс. десятин). За это же время численность крепостных, проживавших в дворянских имениях Юга России, увеличилась в 3,37 раза – с 222 тыс. до 749 тыс. душ муж. п.

Наиболее масштабное проникновение крепостнического землевладения в южные уезды страны происходило в 1-й четверти XVIII в., когда экспансия дворянства в ЦЧР была практически бесконтрольна. На это время пришлось свыше $\frac{2}{3}$ миграционного прироста населения светских феодальных владений, отмеченного за период между 1700 и 1762 годами. После возобновления правительством в конце 20-х гг. XVIII в. протекционистской политики по отношению к однодворческому землевладению, темпы роста дворянских вотчин в регионе постепенно снижаются, а в период между II и III ревизиями прирост числа крепостных, принадлежавших светским феодалам, находился на уровне естественного.

Процесс активного расширения дворянских имений в 1-й половине XVIII века был наиболее характерен для уездов, располагавшихся на линии заказных городов 1681 г., а также к северу от нее, то есть для той территории, которая вплотную примыкала к древнему Замосковному краю, являвшемуся на протяжении веков сосредоточием светского феодального землевладения России.

Крупнейшими центрами дворянского земле- и душевладения в ЦЧР к середине XVIII в. являлись Белевский, Брянский, Елецкий, Карачевский, Керен-

ский, Кромский, Курский, Новосильский, Орловский, Рыльский, Ряжский, Севский и Шацкий уезды. В более южных районах Центрального Черноземья рост дворянских вотчин был выражен не столь ярко, а уезды, расположенные по Белгородской черте, и к середине столетия оставались преимущественно однодворческими.

Территориальный рост крепостнического землевладения на Юге страны сопровождался укрупнением имений, и ко времени III ревизии в крупных владениях проживало 66,16 % крестьян светских феодалов по региону против 48,79 % в начале века. Концентрация земельного фонда и крепостных в руках крупных собственников была свойственна как для верхушки дворянства, так и для остальной части сословия, что опровергает устоявшееся мнение об измельчании владений рядового дворянства в связи с ликвидацией поместных раздач. Более того, темпы укрупнения владений дворянства, не входившего в правящую группу сословия, намного превышали те же показатели по имениям наиболее чиновного слоя дворян, где степень концентрации крепостных в крупных имениях была близка к максимальной уже в начале XVIII столетия. Вышеперечисленные процессы являлись особенностью Центрального Черноземья, поскольку расширение крепостнического землевладения в регионе осуществлялось в значительной мере за счет массового захвата и скупки земель.

Наиболее активной в освоении Центрально-Черноземной России являлась чиновная верхушка сословия, и за период с 1700 по 1762 г. доля крепостных, проживавших в имениях этого слоя дворянства, возросла на 16,8 % (с 42,4 % до 59,2 %). Таким образом, отказ правительства от системы заказных городов, ограничивавших распространение владений московских чинов на Юге России, объективно способствовал усилению позиций верхушки дворянства в ЦЧР и расширению экономической базы политического господства этой части сословия. К середине XVIII столетия Центральное Черноземье становится одним из центров землевладения правящей группы дворянства. Взаимосвязь властных полномочий и собственности отражалась также в том факте, что удельный вес крупных имений в составе владений правящей группы светских феодалов в

ЦЧР был значительно выше, чем у остального дворянства.

Наряду с распространением дворянского землевладения, на Юге России происходил процесс трансформации родовой структуры имений привилегированного сословия. В течение 1-й половины XVIII века доля крепостных, числившихся в ЦЧР за представителями родов, формировавших верхушку сословия в XVII веке, снизилась с 43,68 % до 25,44 %. В то же самое время удельный вес владений, принадлежавших «новой аристократии», сложившейся в изучаемое время, возрос с 0,6 % до 9,85 %. За указанный период также складывается слой особо крупных земле- и душевладельцев из числа провинциального дворянства, а доля крепостного населения, сосредоточенного в имениях, принадлежавших по ЦЧР этим фамилиям, возрастает с 18,38 % до 27,26 %.

Данный процесс являлся отражением более общего: изменения состава тех дворянских родов, представители которых формировали правящую группу сословия.

Вовлечение во власть худородного провинциального дворянства и выходцев из социальных низов было вызвано необходимостью расширения социальной опоры тех реформ, которые проводились в стране при Петре I, а последовавший за этим период дворцовых переворотов, характеризовавшийся сменой правящих элит, также позволил возвыситься целому ряду неродовитых и беспородных фамилий. Кроме того, изменения в составе правящего сословия давали возможность активно формировавшемуся в этот период российскому абсолютизму усилить независимость верховной власти от боярских аристократических фамилий XVI-XVII вв., а также найти источник для пополнения стремительно расширявшегося бюрократического аппарата.

Основной средой, из которой в петровское и послепетровское время расширялась правящая группа сословия, остаются многочисленные провинциальные фамилии. Из этого слоя в состав чиновной верхушки дворянства в 1-й половине XVIII в. попадают Алсуфьевы, Апраксины, Бестужевы-Рюмины, Воронцовы, Головкины, Дубенские, Каменские, Сафоновы, Толстые, Ушаковы, Чернышевы, Шеншины, Шепелевы, Шуваловы и целый ряд других родов. Провин-

циальному дворянству также принадлежали ведущие позиции среди крупновотчинных родов ЦЧР: к 1762 г. из 140 фамилий, владевших на Юге России более чем по 1 тысяче душ муж. п., 97 относилось в XVII в. к среднему и низшему слою провинциальных дворян. Количество стремительно возвысившихся выходцев из низов общества было не так велико, и из них только графы и дворяне Разумовские и графы Скавронские владели в ЦЧР ко времени III ревизии более чем по 1 тысяче крепостных. Следует также заметить, что положение фамилий, вошедших в 1-й половине XVIII столетия в состав «новой знати», было весьма нестабильным, а аристократические корни имели лишь немногие (князья Кантемиры, князья фон Голштейнбек, царевич, принцы и князья Грузинские, князья Багратионы, князья Дадиановы).

Активное расширение на Юге России в 1-й половине XVIII в. земле- и душевладения «новой аристократии» и ряда провинциальных родов, представители которых проникали в высшие эшелоны власти, не привело тем не менее к резкому изменению родового состава крупных собственников в регионе. В их числе продолжают оставаться Безобразовы, князья Волконские, князья Гагарины, князья Голицыны, графы и дворяне Головины, князья Долгоруковы, Измайловы, Колычовы, князья Куракины, Лопухины, графы и дворяне Матюшкины, князья Мещерские, Нарышкины, князья Одоевские, князья Репнины, графы и дворяне Салтыковы, Соковнины, князья Трубецкие, Хитрово, князья Черкасские, князья Шаховские, графы и дворяне Шереметевы, князья Щербатовы. Эти и целый ряд других фамилий, относившихся к среде княжеской аристократии, старомосковской знати и верхушке провинциального дворянства XVII столетия, продолжали занимать весьма прочные позиции в составе чиновной элиты страны, составляя своеобразное консолидирующее ядро господствующего сословия. Подорвав монополию боярской аристократии на власть, «новая знать» тем не менее была не в состоянии заменить древнюю и родословную часть дворянства, обладавшую значительными земельными богатствами, огромным числом крепостных крестьян и многовековыми традициями службы на высших государственных постах.

ПРИМЕЧАНИЯ**К введению**

¹ Поскольку в царствование Петра I боярство становится частью дворянского сословия, термин «дворянство» используется в работе как синоним сословия светских феодалов в целом.

² Под «имением» в данной работе подразумевается весь комплекс земель (как поместных, так и вотчинных), принадлежавших дворянству, с поселенными на этих землях крепостными. В соответствии с правовой традицией изучаемого времени, термины «поместье» и «вотчина» используются при изложении вопросов, относящихся к периоду до издания Пунктов 1714 г., которые фактически уравнивали статус обеих форм феодальной собственности на землю. Начиная с 1714 г., для обозначения дворянской земельной собственности употребляются термины «вотчина» и «недвижимое имение».

³ Далее в работе также используется аббревиатура ЦЧР.

⁴ См.: Водарский Я.Е. Задачи изучения региональной истории // Проблемы региональной истории России. Ч. 1. Липецк, 1997. С. 4-9.

⁵ Рубинштейн Н.Л. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М., 1957. С. 20-21.

⁶ Докучаев В.В. Русский Чернозем // Избранные сочинения в 3-х тт. Т. 1. М., 1948. С. 240.

⁷ За исключением Бахмутской провинции. Чересполосно расположенные с великороссийскими земли, населенные черкасами, не входили в состав Белгородской и Воронежской губерний. – Российский государственный архив древних актов (далее: РГАДА). Ф. 264. Оп. 2. Д. 37. С. 938, 972 и др.; Готье Ю. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т. 1. М., 1913. С. 110, 119; Водарский Я.Е. Дворянское землевладение в России в XVII-первой половине XIX в. (размеры и размещение). М., 1988. С. 182-183. См. также: Бе-

режная С.В. К вопросу об определении северной границы Слободжанщины // Проблемы исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья и Запада России. Липецк, 1998. С. 28.

⁸ Важинский В.М. Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII веке. Воронеж, 1974. С. 5, 43-44.

⁹ Наиболее полным источником, характеризующим размещение и структуру поместно-вотчинного фонда светских феодалов на начало XVIII в., являются Сказки Генерального двора 1700 г. Подавляющее большинство сказок III ревизии, материалы которой также послужили источниковой базой для данной работы, подавалось в 1762 г.

¹⁰ Неволин К.А. История российских гражданских законов. Т. 2. СПб., 1851. С. 117-119, 123-124, 126-128, 206; Он же. История российских гражданских законов. // Неволин К.А. Полн. собр. соч. Т. IV. СПб., 1857. С. 159; Сергеевич В. Лекции и исследования по истории русского права. СПб., 1883. С. 940-941, 947, 949-950; См. также: Соловьев Я. Об однодворцах // Отечественные записки. Т. 69. СПб., 1850. Отдел. 2. С. 95; Васильчиков А. Землевладение и земледелие в России и других Европейских государствах. Т. 1. СПб., 1876. С. 305-306.

¹¹ Васильчиков А. Указ. соч. С. 362, 364; Сергеевич В. Указ. соч. С. 950, 952; Блюменфельд Г.Ф. О формах землевладения в древней России. Одесса, 1884. С. 218-219; Неволин К.А. История российских гражданских законов. Т. 2. СПб., 1851. С. 254-255; Якушкин В. Очерки по истории русской поземельной политики в XVIII и XIX в. Вып. 1. XVIII век. М., 1890. С. 4-6; Романович-Славатинский А. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. СПб., 1870. С. 238; Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в 3-х кн. Кн. 2. М., 1993. С. 525-530; На слияние поместья и вотчины в единый тип земельной собственности также обратили внимание Я. Соловьев и Н.А. Благовещенский, однако данный факт рассматривался ими скорее как ре-

зультат издания указа 1714 г., а не итог длительного процесса.— Соловьев Я. Указ. соч. С. 96; Благовещенский Н.А. Четвертное право. М., 1899. С. 89.

¹² Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Киев, 1888. С. 218, 477-478, 481-483; Неволин К.А. История российских гражданских законов. Т. 2. СПб., 1851. С. 277; Неволин К.А. История российских гражданских законов // ПСС. Т. IV. СПб., 1857. С. 324-350. Неволин перечисляет и иные ограничения прав владения и пользования недвижимыми имуществами, перечень которых сходен с ограничениями, которые усматривали другие отечественные историки (на леса, недра, мельницы, места промыслов и т.д.).

¹³ Лакиер А. О вотчинах и поместьях. СПб., 1848. С. 33-36.

¹⁴ Шульгин М.М. Землеустройство и переселения в России в XVIII и первой половине XIX вв. М., 1928. С. 4-5.

¹⁵ Там же. С. 3-6, 9-10, 17-18, 144.

¹⁶ Васильчиков А. Указ. соч. С. 443, 445; Шульгин М.М. Указ. соч. С. 18-21; Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. соч. С. 478.

¹⁷ Романович-Славатинский А. Указ. соч. С. 115, 154-157, 238-239, 243-247, 256-257. Констатируя факт взаимосвязи служебных обязанностей дворянства и права сословия на владение землей, историк, в отдельных случаях, противоречит себе, указывая, что в 1-й четверти столетия дворянин начинает нести службу как представитель «известного» сословия.— Там же. С. 117. Практически те же идеи высказывались И.Е. Германом.— Герман И.Е. История межевого законодательства от Уложения до Генерального межевания (1649-1765). М., 1893. С. 221-223, 229, 235-236; Он же. История русского межевания (Курс). М., 1910. С. 148.

¹⁸ Романович-Славатинский А. Указ. соч. С. 147.

¹⁹ Васильчиков А. Указ. соч. С. 305, 364-365, 387, 425-426, 430, 457.

²⁰ Сергеевич В. Указ. соч. С. 949, 952-953; Благовещенский Н.А. Указ. соч. С. 89; Градовский А.Д. История местного управления в России // Собр. соч. Т. 2. СПб., 1899. С. 146.

²¹ Якушкин В. Указ. соч. С. 4-6, 11, 16-73, 92-93; Ключевский В.О. Указ. соч. Кн. 2. С. 528-529.

²² Богословский М.М. История России XVIII века (1725 г.-1796 г.). М., 1915. С. 153.

²³ Ключевский В.О. Указ. соч. Кн. 2. С. 158; Неволин К.А. История Российских гражданских законов // Полн. собр. соч. Т. IV СПб., 1857. С. 282, 293. По мнению Неволина, «свободное обращение имуществ» было восстановлено в 1731 г., и в царствование Анны Иоанновны и Елизаветы потомственные дворяне «обладали полной поземельной собственностью» на земли не приписанные к городу, в уезде.— Неволин К.А. История российских гражданских законов // ПСС. Т. IV. СПб., 1857. С. 293. Однако в другом месте исследователь противоречит себе, указывая, что даже при Екатерине превращение дворянской поземельной собственности в «полную» не завершилось, хотя и был сделан значительный шаг в этом направлении.— Неволин К.А. История российских гражданских законов. Т. 2. СПб., 1851. С. 288.

²⁴ Васильчиков А. Указ. соч. С. 457; Богословский М.М. Указ. соч. С. 312; Сергеевич В. Указ. соч. С. 954, 955; Якушкин В. Указ. соч. С. 201; Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. соч. С. 478; Романович-Славатинский А. Указ. соч. С. 239; Лакиер А. Указ. соч. С. 34-36.

²⁵ Отдельные историки утверждали, что частная собственность существовала в России еще до XVIII века (Г.Ф. Блюменфельд, К.А. Неволин, А. Лакиер, В. Сергеевич).— Блюменфельд Г.Ф. Указ. соч. С. 127; Неволин К.А. История российских гражданских законов. Т. 2. СПб., 1851. С. 126-127, 128; Сергеевич В. Указ. соч. С. 949, 947, 941; Лакиер А. Указ. соч. С. 35-36. Однако, по мнению А. Васильчикова, термин «частная собственность» в современном ему значении неприменим к древнерусской вотчине и вотчине удельного периода.— Васильчиков А. Указ. соч. С. 305-306. Той же позиции придерживался русский историк В.Б. Ельяшевич.— Ельяшевич В.Б. История права поземельной собственности в России. Т. 1. Париж, 1948. С. 156-159, 178, 381.

²⁶ Сергеевич В. Указ. соч. С. 952-953; Богословский М.М. Указ. соч. С. 72, 91, 153; Ключевский В.О. Указ. соч. Кн. 3. С. 157.

²⁷ Ключевский В.О. Указ. соч. Кн. 3. С. 159-161.

²⁸ Рассматривая причины попыток проведения генерального межевания, К.А. Неволин, И.Е. Герман, С.М. Соловьев, М.М. Шульгин обращали основное внимание на желание правительства прекратить «драки и споры на межах», которые были вызваны неопределенностью границ владения, В.О. Ключевский ограничивался упоминанием желания правительства Елизаветы «упорядочить дворянское землевладение». – Герман И.Е. История межевого законодательства... С. 308-310; Ключевский В.О. Указ. соч. Кн. 3. С. 158; Шульгин М.М. Указ. соч. С. 123; Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. XII. М., 1964. С. 106-108, 202-203, 541-542, 588-589; Неволин К.А. Об успехах государственного межевания в России до императрицы Екатерины II // Полн. собр. соч. Т. VI. СПб., 1859. С. 504.

²⁹ Герман И.Е. История межевого законодательства... С. 219, 308-311; Шульгин М.М. Указ. соч. С. 123; Неволин К.А. Об успехах... С. 504.

³⁰ Иванов П. Опыт исторического исследования о межевании земель в России. М., 1846. С. 57-59; Герман И.Е. История межевого законодательства... С. 312, 315, 358-360, 378-379; Ключевский В.О. Указ. соч. Кн. 3. С. 158-159; Шульгин М.М. Указ. соч. С. 123-127; Неволин К.А. Об успехах... С. 434, 500, 505, 506, 510, 515-517; Соловьев С.М. Указ. соч. С. 645.

³¹ Следует заметить, что считая крепостничество неотъемлемым признаком феодализма, П.И. Ляшенко не учитывает все многообразие форм феодальной эксплуатации и зависимости и оперирует схемами «Краткого курса ВКП (б)». – Ср.: Ляшенко П.И. История народного хозяйства СССР. Т. 1. М., 1956. С. 115; Свердлов М.Б. Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII-XX веков. СПб., 1996. С. 220-221.

³² Лященко П.И. Указ. соч. С. 115. См. также: Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность. М.-Л., 1948. С. 94; Барг М.А. О природе феодальной собственности // Вопросы истории. 1978. № 7. С. 92-93.

³³ Барг М.А. Указ. соч. С. 92, 93, 96, 100; Шапиро А.Л. О природе феодальной собственности на землю // Вопросы истории. 1969. № 12. С. 59-60; Лященко П.И. Указ. соч. С. 115; Поршнева Б.Ф. Феодализм и народные массы. М., 1964. С. 34; Дембо Л.И. Земельные правоотношения в классово-антагонистическом обществе. Л., 1954. С. 100.

³⁴ Шапиро А.Л. О природе... С. 61, 71-72.

³⁵ Дембо Л.И. Указ. соч. С. 86, 87, 100; Колганов М.В. Собственность. Докapиталистические формации. М., 1962. С. 412-414, 417; Поршнева Б.Ф. Указ. соч. С. 34, 35, 38, 39, 41; Венедиктов А.В. Указ. соч. С. 95, 101, 102-105, 178, 180, 186 и др. Такие черты феодальной поземельной собственности как иерархичность и наличие верховных собственнических прав государства на дворянские имения признавались А.А. Преображенским и В.А. Роговым.— Буганов В.И., Преображенский А.А., Тихонов Ю.А. Эволюция феодализма в России. М., 1980. С. 169, 244; Рогов В.А. История государства и права России IX-начала XX веков. М., 1995. С. 162; См. также: Корсунский А.Р. Об иерархической структуре феодальной собственности // Проблемы развития феодальной собственности на землю. М., 1979. С. 145-174.

³⁶ Поршнева Б.Ф. Указ. соч. С. 38-41; Венедиктов А.В. Указ. соч. С. 132-133.

³⁷ Поршнева Б.Ф. Указ. соч. С. 39, 41; Данилова Л.В. Понятие земельной вотчины в Средневековой Руси // Средневековая и новая Россия. СПб., 1996. С. 273, 274; Барг М.А. Указ. соч. С. 62.

³⁸ Поршнева Б.Ф. Указ. соч. С. 38; Барг М.А. Указ. соч. С. 94, 95 и др.

³⁹ Преображенский А.А. Об эволюции феодальной земельной собственности в России XVIII -начала XIX века // Вопросы истории. 1977. № 5. С. 48, 62;

Буганов В.И., Преображенский А.А., Тихонов Ю.А. Указ. соч. С. 169, 170, 244;
Венедиктов А.В. Указ. соч. С. 179; Барг М.А. Указ. соч. С. 95-96, 101.

⁴⁰ Барг М.А. Указ. соч. С. 101; Шапиро А.Л. О природе... С. 62-63.

⁴¹ Барг М.А. Указ. соч. С. 102.

⁴² Барг М.А. Указ. соч. С. 92-96, 101-102; Новосельцев А.Н., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В. Пути развития феодализма. М., 1972. С. 215 и др.; Венедиктов А.В. Указ. соч. С. 132-133; Поршнев Б.Ф. Указ. соч. С. 39-40; Шапиро А.Л. О природе... С. 65; Преображенский А.А. Указ. соч. С. 46; Колганов М.В. Указ. соч. С. 422, 424, 425.

⁴³ Поршнев Б.Ф. Указ. соч. С. 35; См. также: Данилова Л.В. Указ. соч. С. 274.

⁴⁴ Лященко П.И. Указ. соч. С. 115, 119-120.

⁴⁵ Колганов М.В. Указ. соч. С. 412.

⁴⁶ Венедиктов А.В. Указ. соч. С. 227-231. Речь идет о вечночиншевом владении, в частности в Западных и Белорусских губерниях России и наследственном оброчном держании в Прибалтийских губерниях. Вместе с тем, автор справедливо не признавал права собственности крепостного крестьянина на его надел.— Там же. С. 208-218.

⁴⁷ Колганов М.В. Указ. соч. С. 8, 85, 417, 421 и др.

⁴⁸ Новосельцев А.Н., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В. Указ. соч. С. 214, 218;
Поршнев Б.Ф. Указ. соч. С. 38 и др.

⁴⁹ Дембо Л.И. Указ. соч. С. 27, 86.

⁵⁰ Колганов М.В. Указ. соч. С. 421-422.

⁵¹ Венедиктов А.В. Указ. соч. С. 102-105.

⁵² Барг М.А. Указ. соч. С. 91; Данилова Л.В. Указ. соч. С. 254, 266.

⁵³ Буганов В.И., Преображенский А.А., Тихонов Ю.А. Указ. соч. С. 169, 244.

⁵⁴ Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй четверти XVIII в. М., 1957. С. 80-84; Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в. М., 1956. С. 77-78.

⁵⁵ Преображенский А.А. Указ. соч. С. 46-62; Лященко П.И. Указ. соч. С. 399, 402; Малышев М.Ю. Сословная политика правительства Анны Иоанновны (дворянство, крестьянство, духовенство). Автореф. ... к.и.н. Ижевск, 1997. С. 14.

⁵⁶ Лященко П.И. Указ. соч. С. 399.

⁵⁷ Шапиро А.Л. О природе... С. 64; Raeff M. Origins of The Russian Intelligensia. The Eigtheenth-Century Nobility. NY., 1966. P. 108-109; Процесс образования российской бюрократии достаточно полно был исследован Троицким. – Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. М., 1974.

⁵⁸ Виленский Б.В. Лекции по истории государства и права СССР. Ч. 1. Саратов, 1985. С. 120.

⁵⁹ Мавродин В.В. Экономический рост России, внутренняя и внешняя политика царизма в конце XVII-первой половине XVIII века. М., 1957. С. 13. В другом месте В.В. Мавродин вполне справедливо подчеркивает служилый характер социальной структуры привилегированного сословия после петровских реформ (со времен Петра I, по его мнению, Россия становится «чиновничье - дворянской монархией со служилыми сословиями». – Там же. С. 83).

⁶⁰ Преображенский А.А. Указ. соч. С. 50.

⁶¹ Павленко Н.И. К вопросу об эволюции дворянства в XVII-XVIII вв. // Вопросы генезиса капитализма в России. Л., 1960. С. 56; Дембо Л.И. Указ. соч. С. 199.

⁶² Малышев М.Ю. Указ. соч. С. 13-14.

⁶³ Носов Б.В. О праве распоряжения феодальной земельной собственностью в 60-70-е годы XVIII в. // Проблемы истории СССР. Вып. XIII. М., 1983. С. 66-84; Он же. Политика правительства в отношении дворянского землевладения в России в 30-70-е гг. XVIII в.: Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. М.,

1985. А.А. Преображенский считал, что в XVIII веке между дворянином и верховным собственником – государем отсутствовали какие-либо промежуточные звенья.– Преображенский А.А. Указ. соч. С. 48. Данная позиция, по нашему мнению, недооценивает роли и прав собственника такого важнейшего института феодального общества, как дворянский род.

⁶⁴ Развитие русского права второй половины XVII-XVIII вв. М., 1992. С. 139, 140, 142, 157.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ На этот факт, а также на то, что окончательное оформление абсолютизма ущемляло положение всех сословий, в т.ч. и дворянства, обратил внимание и Малышев.– Малышев М.Ю. Указ. соч. 9-10.

⁶⁷ Соколова Е.С. Сословное законодательство Российской империи: основные тенденции развития на примере привилегированных и полупривилегированных сословий (середина XVII-середина XIX веков). Дисс. ... канд. юр. наук. Екатеринбург, 1995. С. 53-58, 66, 76, 80-83, 100-102, 109.

⁶⁸ Киприянова Н.В. К вопросу о дворянском землевладении в законодательстве XVIII в. // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1983. № 1. С. 57-61, 64, 66, 68.

⁶⁹ Индова Е.И. К вопросу о дворянской собственности в России в поздний феодальный период // Дворянство и крепостной строй России XVI-XVIII вв. М., 1975. С. 272-292; Она же. Дворцовое хозяйство в России. Первая половина XVIII века. М., 1964. С. 65, 79.

⁷⁰ Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII в. Подгот. к печати К.В. Сивков. М., 1951; Сивков К.В. Отписные книги начала XVIII в. как исторический источник // Проблемы источниковедения. Сб. III. М., 1941. С. 368-369; Преображенский А.А. Указ. соч. С. 51.

⁷¹ Колганов М.В. Указ. соч. С. 485-486. Однако в другом месте автор противоречит себе утверждая, что в 1785 г. Екатерина II «передала поместья в частную собственность дворян» – Там же. С. 429. Хотя возможно, что автор под-

разумевал здесь лишь частный характер владения, противопоставляя его условному владению поместьем в период существования поместной системы, когда дворянин делил право собственности на поместье с государством. Но в этом случае мы вынуждены обратить внимание на некорректное обращение исследователя с терминологией.

⁷² В советской историографии практически не уделялось внимания вопросам, касающимся попытки проведения Генерального межевания в царствование Анны Иоанновны. Исключение составляла лишь работа Малышева, в которой в качестве основной причины провала межевания указывается сопротивление на местах со стороны дворян и «других участников поземельных отношений». – Малышев М.Ю. Указ. соч. С. 12. Следует отметить, что точка зрения автора, по всей вероятности, основана на недоразумении, поскольку межевание даже не было начато.

⁷³ Рассматривать «укрепление дворянского землевладения» в качестве цели елизаветинского межевания можно только в смысле приведения к взаимному соответствию границ дворянских имений и крепостной документации (безусловно, что владение, освященное законом, является более прочным, чем незаконное), поскольку общая направленность инструкции в части передела примерных земель противоречила имущественным интересам части представителей сословия. Кроме того, весьма сомнительно, что правительство придавало меньшее значение прекращению захватов государственных земель, а также, ведущих к снижению платежеспособности крепостных крестьян, распрей и «драк на межах».

⁷⁴ Ю.Я. Коган подчеркивает, что одной из основных целей елизаветинского межевания была ликвидация недворянского землевладения. – Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в. М., 1956. С. 260. Однако автор не обратил внимание на то, что Межевая инструкция предусматривала владение землей и недворянами.

⁷⁵ Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в. М., 1956. С. 76, 260, 261; Рахматуллин М.А. (Комментарии), Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. XII. М., 1964. С. 667-668; Марголин С.Л. Генеральное межевание в России // Советская историческая энциклопедия. Т. 4. М., 1963. С. 194. На тех же позициях стоял и М.Ю. Малышев.— Малышев М.Ю. Указ. соч. С. 12.

⁷⁶ Киприянова Н.В. Указ. соч. С. 63. См. также: Колотинская Е.Н. Правовые основы земельного кадастра в России. М., 1968. С. 69.

⁷⁷ Милов Л.В. Исследование об «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию. М., 1965. С. 12-21; Носов Б.В. Политика правительства в отношении дворянского землевладения в России в 30-70е гг. XVIII в. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1985. С. 111-121.

⁷⁸ Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. М., 1954. С. 47, 189, 190, 200; Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй четверти XVIII в. М., 1957. С. 80, 83, 84; Буганов В.И., Преображенский А.А., Тихонов Ю.А. Указ. соч. С. 160-161, 167-168; Мавродин В.В. Указ. соч. С. 12.

⁷⁹ Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969; Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584-1605 гг.). СПб., 1992; Шватченко О.А. Светские феодальные вотчины в России во второй половине XVII века. М., 1996.

⁸⁰ Водарский Я.Е. Население России в конце XVII - начале XVIII века (Численность, сословно-классовый состав, размещение) М., 1977; Он же. Дворянское землевладение...; Он же. Рост распаханности Черноземного центра России в XVII - первой половине XVIII века // Историческая география Черноземного центра России. Воронеж, 1989. С. 29-41; Он же. Количество земли и пашни на душу мужского пола в Центрально-промышленном районе в XVII-XIX вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы (далее: ЕАИВЕ). 1965 г. М., 1970. С. 237-245; Он же. Правящая группа светских феодалов в Рос-

сии в XVII в. // *Дворянство и крепостной строй России XVI-XVIII вв.* М., 1975. С. 70-107 и др.

⁸¹ См.: Водарский Я.Е. *Население России...* С. 76, 65 (прим. 15); Шепукова Н.М. Об изменении размеров душевладения помещиков Европейской России в первой четверти XVIII-первой половине XIX в. // *ЕАИВЕ.* 1963 г. Вильнюс, 1964. С. 390. См. также: лист 33 настоящей работы и прим. 106 к данной главе.

⁸² Троицкий С.М. *Русский абсолютизм...*

⁸³ Там же. С. 216, 219.

⁸⁴ Рабинович М.Д. Социальное происхождение и имущественное положение офицеров регулярной русской армии в конце Северной войны // *Россия в период реформ Петра I.* М., 1973. 133-171.

⁸⁵ Недосекин В.И. Источники роста крупного землевладения на юге России в XVIII столетии // *Известия Воронежского государственного педагогического института* (далее: ВГПИ). Т. 63. Воронеж, 1967. С. 252-325; Он же. Четвертное землепользование однодворцев Юга России в XVIII веке // *Труды Воронежского государственного университета.* Т. 53. Вып. 1. 1960. Воронеж, 1961. С. 105-113; Он же. Обострение борьбы за землю между помещиками и однодворцами Воронежской губернии в середине XVIII века. // *Известия ВГПИ.* Т. 19. Исторический факультет. Воронеж, 1955. С. 133-154; Белявский М.Т. *Однодворцы Черноземья (по их наказам в Уложенную Комиссию 1767-1768 гг.).* М., 1984; Слюсарский А.Г. *Социально-экономическое развитие Слобожанщины. XVII-XVIII вв.* Харьков, 1964; Новосельский А.А. *Распространение крепостнического землевладения в южных уездах Московского государства* // *Исторические записки.* Т. 4. 1938. С. 21-40. См. также: Проторчина В.М. *К истории воронежских однодворцев в XVIII веке* // *Известия ВГПИ.* Т. 19. Историч. фак-т. Воронеж, 1955. С. 107-131.

⁸⁶ Бураковская Н.И. *Вотчинные инструкции середины XVIII в. как источник по истории крепостного хозяйства (Характеристика инструкций Голицына 1767 г.)* // *Труды Московского государственного историко-архивного института*

(далее: Труды МГИАИ). Т. 16. М., 1961. С. 371-388; Шапиро А.Л. Хозяйство кромских крестьян (опыт сравнительного изучения описей XVII-XVIII вв.) // ЕАИВЕ. 1962 г. Минск, 1964. С. 428-441; Крутиков В.И. Душевладение и землевладение помещиков Тульской губернии в XVIII-начале XX в. // ЕАИВЕ. 1971 г. Вильнюс, 1974. С. 186-194; Петрова Л.И. Наделенность земель и скотом крестьян Курской вотчины в XVIII-XIX вв. // ЕАИВЕ. 1964 г. Кишинев, 1966. С. 375-385; Алефиренко П.К. Крупное вотчинное хозяйство графа М.Г. Головкина в России первой половины XVIII в. // ЕАИВЕ. 1959 г. М., 1961. С. 137-152; Она же. Отписная ведомость канцелярии конфискации как источник по истории помещичьего землевладения в России второй четверти XVIII в. // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. М., 1961. С. 307-309; Троицкий С.М. Хозяйство крупного сановника России в первой четверти XVIII в. (по архиву князя А.Д. Меншикова) // Россия в период реформ Петра I. М., 1973. С. 215-248; Он же. О скупке земель А.Д. Меншиковым, А.В. Макаровым и И.А. и П.И. Мусиными-Пушкиными (Из истории крупного феодального землевладения в России первой трети XVIII в.) // Вопросы аграрной истории Центра и Северо-Запада РСФСР. Смоленск, 1972. С. 88-102.

⁸⁷ Кабузан В.М. Изменения в размещении населения России в XVIII-первой половине XIX в. (по материалам ревизий). М., 1971; Он же. Народы России в XVIII веке. Численность и этнический состав. М., 1990.

⁸⁸ Миронов Б.Н. Применение выборочного метода при анализе движения хлебных цен XVIII в. в России // ЕАИВЕ. 1964 г. Кишинев, 1966. С. 424-436; Он же. Движение цен ржи в России в XVIII в. // ЕАИВЕ. 1965 г. М., 1970. С. 156-163; Он же. Причины роста хлебных цен в России XVIII в. // ЕАИВЕ. 1969 г. Киев, 1979. С. 109-125; Лялина Г.С. К характеристике феодального землевладения во второй половине XVII в. // Труды МГИАИ. Т. 16. М., 1961. С. 397-407; Троицкий С.М. О дележе феодальной ренты между помещиками и государством // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода

феодализма в России. М., 1961. С. 127-132; Он же. О влиянии фискальной системы на положение крестьян в России в XVII-XVIII вв. // ЕАИВЕ. 1963 г. Вильнюс, 1964. С. 283-295; Павленко В.Н. Ведомости XVIII в. о хлебных ценах как исторический источник // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. М., 1961. С. 301-306; Милов Л.В. О производительности труда в земледелии России в середине XVIII в. // Исторические записки. Т. 85. М., 1970. С. 207-267; Он же. О роли переложных земель в русском земледелии второй половины XVIII в. // ЕАИВЕ. 1961 г. Рига, 1963. С. 279-288; Кафенгауз Б.Б. Некоторые вопросы генезиса капитализма в России // Вопросы генезиса капитализма в России. Л., 1960. С. 5-13; Шапиро А.Л. Об имущественном неравенстве и социальном расслоении русского крестьянства в эпоху феодализма // Вопросы генезиса капитализма в России. Л., 1960. С. 14-53; Он же. Об опасности модернизации экономической истории русского крестьянства XVII-первой половины XVIII в. // ЕАИВЕ. 1959 г. М., 1961. С. 52-68; Павленко Н.И. Указ. соч. С. 54-75; Индова Е.И. Урожай в Центральной России за 150 лет // ЕАИВЕ. 1965 г. М., 1970. С. 141-155; Слободин В.М. О возникновении и развитии паровой системы земледелия на территории России в период феодализма // ЕАИВЕ. 1963 г. Вильнюс, 1964. С. 158-166; Яцунский В.К. Социально-экономическая история России XVIII-XIX вв. М., 1973; Он же. Генезис капитализма в сельском хозяйстве России // ЕАИВЕ. 1959 г. М., 1961. С. 30-51; Он же. Основные моменты истории сельскохозяйственного производства в России с XVI века до 1917 года // ЕАИВЕ. 1964 г. Кишинев, 1966. С. 52-117; Колесников П.А. Типологическая классификация и группировка земельных угодий в период позднего феодализма // ЕАИВЕ. 1971 г. Вильнюс, 1974. С. 98-109; Горская Н.А., Милов Л.В. Опыт сопоставления некоторых сторон агротехнического уровня земледелия Центральной России начала XVII и второй половины XVIII вв. // ЕАИВЕ. 1964 г. Кишинев, 1966. С. 173-192; Сивков К.В. Новые явления в технике и организации сельского хозяйства России во второй половине XVIII в. // ЕАИВЕ. 1959 г. М., 1961. С. 153-162; Рубинштейн Н.Л. Указ. соч.;

Шепукова Н.М. К вопросу о численности барщинных и оброчных помещичьих крестьян Европейской России во 2 половине XVIII века // ЕАИВЕ. 1964 г. Кишинев, 1966. С. 400-408; Прохоров М.Ф. Крепостное крестьянство России в 1750-начале 1770-х годов. Автореф. ... д.и.н. М., 1998.

⁸⁹ См. список источников в конце работы.

⁹⁰ См.: Черников С.В. К вопросу о поместных дачах из Дикого поля и порожжих земель в первой половине XVIII в. // Вестник ЛГТУ-ЛЭГИ. 1999. № 3 (4). С. 135-141.

⁹¹ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 34. Ч. 2. Л. 401-456 об.; Ф. 248. Оп. 13. Д. 746. Л. 311-336 об.

⁹² РГАДА. Ф. 248. Д. 6746. Л. 281-291. Материалы «Рассуждения ...» П. Хераскова использовались Б.В. Носовым, однако источник не вошел в широкий научный оборот. – Носов Б.В. Политика правительства в отношении дворянского землевладения в России в 30-70-х гг. XVIII в. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1985. С. 117-120.

⁹³ Важинский В.М. Указ. соч. С. 88-93; Герман. И.Е. История межевого законодательства... С. 379-380.

⁹⁴ РГАДА. Ф. 248. Д. 1360. Л. 463, 465; Ф. 447. Оп. 1. Д. 641. Л. 68 об.-69.

⁹⁵ Цветков М.А. Динамика лесистости Европейской России в XVIII, XIX, начале XX столетия. Дисс. ... докт. с/х. наук. Б.м., 1953. Т. 1. С. 199.

⁹⁶ Водарский Я.Е. Рост распаханности... С. 29-41; Он же. Дворянское землевладение... С. 39-40.

⁹⁷ Водарский Я.Е. Население России...; Он же. Дворянское землевладение...; Дворянство России и его крепостные крестьяне. XVII-первая половина XVIII в. Сост.: Я.Е. Водарский, О.А. Швагченко. М., 1989 (далее – Дворянство.); Швагченко О.А. Указ. соч.; Воробьев В.М., Дегтярев А.Я. Русское феодальное землевладение от «Смутного времени» до кануна петровских реформ. Л., 1986; Шепукова Н.М. Об изменении... С.388-419.

⁹⁸ См.: Ефимова М.Р. Петрова Е.В. Румянцев В.Н. Общая теория статистики. М., 1999. С. 143, 144, 235, 245-250, 404.

⁹⁹ Там же. С. 404. Объем выборки $n=36$, вероятность 99,8 %.

¹⁰⁰ Водарский Я.Е. Население России... С. 59.

¹⁰¹ Шватченко О.А. Указ. соч. С. 43.

¹⁰² РГАДА. Ф. 1209. Д. 6188, 6188 а, 6190, 6191, 6195. Подробная характеристика источника, а также Алфавитов к Сказкам, дана Я.Е. Водарским.— Водарский Я.Е. Население России... С. 34-38.

¹⁰³ РГАДА. Ф. 1209. Алф. 661, 662, 664. Разница между Сказками и Алфавитами, по данным Я.Е. Водарского, составляет всего 0,3 %.— Водарский Я.Е. Население России... С. 37.

¹⁰⁴ Дворянство. С. 34-111; Водарский Я.Е. Дворянское землевладение...; Он же. Население России...; Он же. Правящая группа... С. 70-107.

¹⁰⁵ РГАДА. Ф. 248. Д. 1159, 1161, 1163, 3519. Данные по Воронежской и Белгородской губерниям см.: Там же. Д. 1163. Ч. 1, 2. Итоговую ведомость см.: Там же. Ч. 2. Л. 1013 об.-1014. Характеристику источника см. также: Шепукова Н.М. Об изменении... С. 389; Кабузан В.М. Народы России... С. 15-16.

¹⁰⁶ На это обращает внимание и сам Я.Е. Водарский, указывая, что итоги подсчетов носили оценочный и общий характер.— Водарский Я.Е. Население России... С. 76, 65 (прим. 15). Ср. данные в приложении 14 с публикацией Я.Е. Водарского.— Дворянство. С. 112-119. См. также: Шепукова Н.М. Об изменении... С. 390.

¹⁰⁷ Водарский Я.Е. Дворянское землевладение... С. 39, 54 и далее; Он же. Население России... С. 57, 64, 65, 77 и далее; Кабузан В.М. Народы России... С. 15, 16.

¹⁰⁸ Анисимов Е.В. Податная реформа Петра I. Л., 1982. С. 80, 85, 86, 101, 105, 111.

¹⁰⁹ В тексте работы в качестве датировки используется 1725 г.

¹¹⁰ Менее существенным является отсутствие данных по уездам с незначительным удельным весом дворянского землевладения: Вольновскому, Каменному, Коротоякскому, Миропольскому, Новооскольскому, Ольшанскому, Салтовскому. В итоговую ведомость Табели включены данные о 98,4 % душ м.п. (ср. с результатами I ревизии на 1751 г.). – Анисимов Е.В. Указ. соч. С. 111.

¹¹¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 109. Д. 158; Оп. 117. Д. 1464; Ф. 264. Оп. 2. Д. 37; Ф. 447. Оп. 1. Д. 541; Ф. 453. Оп. 1. Д. 2094, 2095.

¹¹² РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 322, 324, 408-410, 568-572, 843-846, 952-956, 992-998, 1289-1292, 1299-1301, 1360-1367, 1500, 1676-1682, 1707, 1708, 1736-1739, 1903-1906, 1935-1941, 2330-2333, 2354-2355, 2876-2884, 2891, 3402-3404, 4060, 4064, 4074, 4177-4180.

¹¹³ РГАДА. Ф. 453. Оп. 1. Д. 2095. Л. 50; Ф. 447. Оп. 1. Д. 541. Л. 1. Характеристику прокурорских ведомостей как источника также см.: Шепукова Н.М. К вопросу... С. 400-408.

¹¹⁴ Архив Российской Академии Наук (Москва). Ф. 489 (В.И. Семевский). Оп. 1. Д. 259; Семевский В.И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. Т. 1. СПб., 1888. С. 46

¹¹⁵ Недосекин В.И. Источники роста... С. 278-279; Рубинштейн Н.Л. Указ. соч. С. 27; Шепукова Н.М. К вопросу... С. 400-408; Ковальченко И.Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1967. С. 62-63.

¹¹⁶ В материалах прокурорских ведомостей, ревизских сказок и Табели 1737-38 гг. также содержатся данные о владениях монастырей, церквей, государственных крестьян, в том числе и однодворцев, дворцовых вотчинах.

¹¹⁷ Российский государственный архив древних актов: Путеводитель. Т. 3. Ч. 1. М., 1997. С. 219.

¹¹⁸ Лаппо Ф.И. Ревизские сказки как источник по истории русского крестьянства (по материалам 3-й ревизии) // ЕАИВЕ. 1960 г. Киев, 1962. С. 236-247.

¹¹⁹ Изменения в административно-территориальном делении в течение 1-й половины XVIII в. и карты региона см.: Готье Ю. Указ. соч. Т. 1. С. 102-125; Во-

дарский Я.Е. Население России... С. 251, 256-259; Всемирная история. Т. V. М., 1958. С. 364-365.

¹²⁰ Обработка массовых источников производилась на базе электронных таблиц Excel 97, 2000.

Нецелые итоги округлялись на этапе занесения данных в приложения. По этой причине ряд результатов могут казаться ошибочными. Пример: см.: Приложение 31. Строка: «Потемкины». По данным на 1700 г. у представителей рода в Ряжском уезде было 37, а в Чернском 9 дворов. При пересчете в души мужского пола (4,5 души м.п. на двор) получаем соответственно 166,5 (округленно – 167) и 40,5 (округленно – 41). Сумма округленных значений – 208. Однако суммарное число душ, принадлежавших Потемкиным согласно расчетам (166,5 + 40,5), равняется 207 (см.: столбец «1700 г. / душ м.п.»).

¹²¹ Полное собрание законов Российской империи, с 1649 г. Т. I-XVII. СПб., 1830.

¹²² Соборное Уложение 1649 года. Л., 1987; Законодательные акты Русского государства второй половины XVI-первой половины XVII в.: Тексты. Л., 1986; Проект нового Уложения, составленный законодательной комиссией 1754-1766 гг. СПб., 1893. С. 174-188;

¹²³ Сборник Русского Исторического Общества. СПб., Юрьев, 1888-1915. Т. 63, 104, 106, 108, 111, 114, 117, 120, 124, 126, 130, 138, 146.

¹²⁴ Межевой вестник. 1884. № 7. С. 49-52; № 8. С. 53-63.

¹²⁵ Переписи населения России. Вып. III. М., 1972. С. 111-165.

¹²⁶ Там же. Вып. I. М., 1972. С. 18-19.

¹²⁷ Дворянство. С. 34-91.

¹²⁸ Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII в. М., 1951.

¹²⁹ См. также: Алефиренко П.К. Отписная ведомость... С. 307-309; Она же. Крупное вотчинное хозяйство... С. 137-152

¹³⁰ Долгоруков П. Российская родословная книга. Ч. 1-4. СПб., 1854-57; Списки титулованным родам и лицам Российской империи. СПб., 1892; Дворянские роды, внесенные в общий Гербовник Всероссийской империи. Сост. гр. А. Бобринский. СПб., 1890; Двор русских императоров в его прошлом и настоящем. Сост. Н.Е. Волков. СПб., 1900; Лобанов-Ростовский А.Б. Русская родословная книга. Т. 1-2. СПб., 1895; История родов русского дворянства. Сост. П.Н. Петров. Кн. 1-2. М., 1991; Список пожалований графского и княжеского Российской империи достоинств за время от Петра Великого по 1881 год. СПб., 1889 и др.

¹³¹ Работы упоминаются в ссылках к обзору источников.

¹³² См. листы 29-31 настоящей работы.

К 1 главе

¹ Шапиро А.Л. О природе феодальной собственности на землю // Вопросы истории. 1969. № 12. С. 61; Сахаров А.М. Феодальная собственность на землю в Российском государстве XVI-XVII вв. // Проблемы развития феодальной собственности на землю. М., 1979. С. 88-89.

² Неволин К. История российских гражданских законов. Т. 2. СПб., 1851. С. 120-121.

³ Морошкин Ф.Л. О владении по началам российского законодательства. М., 1837. С. 81, 82; Неволин К. История российских гражданских законов. Т. 2. СПб., 1851. С. 117-121; Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность. М.-Л., 1948. С. 102-105; Барг М.А. О природе феодальной собственности // Вопросы истории. 1978. № 7. С. 85; Носов Б.В. О праве распоряжения феодальной земельной собственностью в 60-70-е годы XVIII в. // Проблемы истории СССР. Вып. XIII. Изд-во МГУ. М., 1983. С. 67.

⁴ Носов Б.В. О праве распоряжения... С. 67-68; Данилова Л.В. Понятие земельной вотчины в Средневековой Руси // Средневековая и новая Россия. СПб., 1996. С. 254, 266-267.

⁵ Барг М.А. Указ. соч. С. 94-95, 96, 101 и др. Преображенский А.А. Об эволюции феодальной земельной собственности в России XVII-начала XIX в. // Вопросы истории. 1977. № 5. С. 48 и др.; Буганов В.И., Преображенский А.А., Тихонов Ю.А. Эволюция феодализма в России. М., 1980. С. 169, 244.

⁶ Барг М.А. Указ. соч. С. 95.

⁷ Поршнева Б.Ф. Феодализм и народные массы. М., 1964. С. 39-41; Буганов В.И., Преображенский А.А., Тихонов Ю.А. Указ. соч. С. 244; Данилова Л.В. Указ. соч. С. 273-274; Венедиктов А.В. Указ. соч. С. 180.

⁸ Неволин К. История российских гражданских законов. Т. 2. СПб., 1851. С. 26-35. Термин «благоприобретенное имение» был впервые употреблен в Жалованных грамотах дворянству и городам 21 мая 1785 г. – Полное собрание законов Российской империи, с 1649 г. СПб., 1830. (далее: ПСЗ). Т. XXII. № 16187. Ст. 22; № 16188. Ст. 88; Неволин К. История российских гражданских законов. Т. 2. СПб., 1851. С. 27.

⁹ ПСЗ. Т. V. № 2789. С. 91-92.

¹⁰ ПСЗ. Т. VIII. № 5633.

¹¹ «Все старинные крепостные люди и по вотчинам и поместьям и по иным всяким крепостям люди и крестьяне вотчинником своим крепки и в таком исчислении, как о недвижимом имении положено». – Цит. по: Маньков А.Г. Крепостное законодательство в России первой четверти XVIII в. (по материалам проекта Уложения 1720-1725 гг.) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1971 г. Вильнюс, 1974. С. 147. См. также: Замуруев А.С. Проект Уложения Российского государства 1723-1726 гг. – памятник отечественной политико-правовой мысли. Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 1993. С. 154.

¹² ПСЗ. Т. VIII. № 5653. С. 346.

¹³ Российский государственный архив древних актов (далее: РГАДА). Ф. 342. Д. 34. Ч. I. Л. 21-22 об., 66-66 об., 193.

¹⁴ Первый вариант статьи датируется по дате составления главы. – Там же. Л. 46; третий вариант – по пометке на листе: «слушано в Сенате апреля 6 дня

739 года».—Там же. Л. 193; второй вариант — по датировке (8 декабря 1738 г.) рассуждения Сенага на первый вариант, в котором предписывается внести в него изменения, учтенные во втором варианте.— Там же. Л. 99 об.

¹⁵ См. выше: указы 1714 и 1730 гг.— ПСЗ. Т. V. № 2789; Т. VIII. № 5633.

¹⁶ ПСЗ. Т. XV. № 11511; Т. XVI. № 11681, 11715. Дворы и дворовые пустые места рассматривались как недвижимость и в указе 30 июля 1740 г.— Там же. Т. XI. № 8190.

¹⁷ ПСЗ. Т. XV. № 11511; Т. XVI. № 11681.

¹⁸ ПСЗ. Т. VII. № 5070. С. 790.

¹⁹ ПСЗ. Т. VIII. № 5633; Т. XIV. № 10237. Гл. XXX. П. 5; РГАДА. Ф. 248. Д. 740. Л. 1220-1244; Ф. 342. Оп. 1. Д. 34. Ч. I. Л. 390-390 об. Право владения недвижимостью для государственных крестьян и посадских людей не отрицалось законодательством 1-й половины XVIII в. и даже косвенно подтверждалось (для посадского населения и черносошных крестьян разрешалась взаимная покупка и продажа земель между этими категориями населения).— См.: указ от 23 марта 1753 г. (ПСЗ. Т. XIII. № 10082), а также указ 25 июля 1725 г., на который ссылается вышеупомянутый законодательный акт.

²⁰ ПСЗ. Т. VI. № 3711; Т. IX. № 6858; Т. XII. № 9004; Т. XIII. № 9954, 10147; Т. XIV. № 10237. Гл. XXX. П. 5; Т. XV. № 11490; РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 34. Ч. I. Л. 390-390 об.

²¹ ПСЗ. Т. IV. № 1839, 1828; Т. XV. № 11441, 11481; Т. XVI. № 12060; РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 34. Ч. I. Л. 387-390. Ср.: Соборное Уложение 1649 года. Л., 1987 (далее: Соб. Улож.). Гл. XVII. Ст. 42-44.

²² О статусе городских дворян см.: РГАДА. Ф. 248. Д. 1350. Л. 246. (1731 г.).

²³ ПСЗ. Т. VI. № 3890. С. 491, 492.

²⁴ ПСЗ. Т. XXII. № 16187. Ст. 92.

²⁵ ПСЗ. Т. XIV. № 10237. Гл. XXX. П. 2 и др.

²⁶ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 34. Ч. I. Л. 390-390 об.

²⁷ ПСЗ. Т. XIV. № 10237. Гл. XXX; РГАДА. Ф. 248. Д. 6740. Л. 531-538 об.

²⁸ Рубинштейн Н.Л. Уложенная комиссия 1754-1766 гг. и ее проект нового Уложения «О состоянии подданных вообще» (К истории социальной политики 50-х-начала 60-х годов XVIII в.) // Исторические записки. М.-Л., 1951. Т. 38. С. 250.

²⁹ ПСЗ. Т. XV. № 10796.

³⁰ Там же. № 10842.

³¹ Там же. № 11148.

³² Проект нового Уложения, составленный законодательной комиссией 1754-1766 гг. Под ред. В.Н. Латкина. СПб., 1893. С. 174-188.

³³ ПСЗ. Т. XV. № 10900, 11255, 11340; Т. XIV. № 10508.

³⁴ ПСЗ. Т. XXII. № 16187. Ст. 91, 92.

³⁵ См. также: ПСЗ. Т. XIV. № 10237. Гл. XXIII, XXX. П. 5, 6, 7. Проект Вотчинной главы Уложения Анны Иоанновны предписывал «быть за приказными людьми, ... которые не из шляхетства» и не в обер-офицерских рангах деревням «указному числу» – служащим в СПб и Москве – не более 50 душ м.п. людей и крестьян и 100 четвертей пашни в одном поле, а по другим городам – «вполю» против первых.– РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 34. Ч. I. Л. 390 об.-391.

³⁶ Индова Е.И. К вопросу о дворянской собственности в России в поздний феодальный период // Дворянство и крепостной строй России XVI-XVIII вв. М., 1975. С. 272-282.

³⁷ Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй четверти XVIII в. М., 1957. С. 80; Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. СПб., 1909. С. 218; Неволин К.А. История российских гражданских законов // Полн. собр. соч. Т. IV. СПб., 1857. С. 362-363.

³⁸ РГАДА. Ф. 248. Д. 1360. Л. 109; Д. 1378. Л. 36 об.

³⁹ РГАДА. Ф. 248. Д. 691. Л. 178-180; Д. 1360. Л. 110, 116.

жих земель, а также их сыск, досмотр и обмеривание без указа Сената, а только один законодательный акт – сенатский указ от 16 марта 1736 г.

⁵⁶ РГАДА. Ф. 248. Д. 1378. Л. 35 об.-36.

⁵⁷ Там же. Л. 35 об.-37.

⁵⁸ Там же. Л. 38-38 об.

⁵⁹ Романович-Славатинский А.В. Дворянство в России от начала XVIII века. Киев, 1912. С. 155.

⁶⁰ ПСЗ. Т. X. № 7236.

⁶¹ Сборник Русского Исторического Общества (далее: Сборник РИО). Т. 104. С. 178-179; Т. 117. С. 31; РГАДА. Ф. 248. Д. 1354. Л. 39.

⁶² ПСЗ. Т. X. № 7545, 7595; Т. XIII. № 9924, 9935 и др.

⁶³ РГАДА. Ф. 248. Д. 691. Л. 247-248 об., 275-275 об., 276-276 об, 313, 318-319, 352, 630, 638; Д. 1354. Л. 294, 316-317; Д. 1383. Л. 1108; Сборник РИО. Т. 63. С. 611-612.

⁶⁴ ПСЗ. Т. VII. № 4938.

⁶⁵ ПСЗ. Т. IX. № 6465; РГАДА. Ф. 248. Д. 1355. Л. 708-711, 712 об.

⁶⁶ ПСЗ. Т. XI. № 8675.

⁶⁷ Карнович Е.П. Замечательные богатства частных лиц в России. Экономико-историческое исследование. СПб., 1874; Минарик Л.И. Происхождение и состав земельных владений крупнейших помещиков России к. XIX-н. XX в. // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства в СССР. Сб. VI. М., 1965. С. 356-395; ПСЗ. Т. XI. № 8666.

⁶⁸ Сборник РИО. Т. 104. С. 129.

⁶⁹ РГАДА. Ф. 248. Д. 1379. Л. 65-73 об., 1096-1209 об.; Д. 1349. Л. 686-697, 749; Д. 1354. Л. 294; Д. 1370. Л. 40, 886; Сборник РИО. Т. 104. С. 145-146, 134; Т. 114. С. 329; Т. 117. С. 340; ПСЗ. Т. XI. № 8637.

⁷⁰ РГАДА. Ф. 248. Д. 1379. Л. 788-817, 818-825, 827-834 об., 881-891, 892-894; Д. 1354. Л. 72-76, 77-78 об., 208-210 об., 238-241 об., 294, 311, 333; Д. 1349. Л. 116-117, 703-703 об., 733 об., 740; Д. 1350. Л. 186-190, 440; Сборник РИО. Т.

63. С. 525, 611-612, 627-628, 629, 659; Т. 104. С. 129, 220, 322, 323, 334, 335, 446, 451, 465-466, 519-520; Т. 108. С. 34, 45, 142.

⁷¹ РГАДА. Ф. 248. Д. 1350. Л. 381; Д. 1354. Л. 316-317; Д. 1360. Л. 61, 63; Сборник РИО. Т. 104. С. 197, 199, 369, 522-523; Т. 106. С. 34-35; Т. 108. С. 459-461; Т. 111. С. 63.

⁷² ПСЗ. Т. XIII. № 9910.

⁷³ РГАДА. Ф. 248. Д. 1354. Л. 294; Д. 1378. Л. 39-103; Д. 1379. Л. 224-325; Сборник РИО. Т. 104. С. 451; Т. 108. С. 45.

⁷⁴ Сборник РИО. Т. 108. С. 162.

⁷⁵ Сборник РИО. Т. 108. С. XVIII, 28-29; Т. 111. С. 63, 126-127, 283-284, 198; Т. 114. С. 171-172, 648.

⁷⁶ Индова Е.И. Дворцовое хозяйство в России. Первая половина XVIII века. М., 1964. С. 65, 79; Индова Е.И. К вопросу о дворянской собственности... С. 278-279. Подсчеты Е.И. Индовой подтверждаются и нашими данными: пожалования из отписных имений.— См.: РГАДА. Ф. 248. Д. 1379. Л. 751-759, 788-817, 881-891, 892-894; Д. 1354. Л. 208-210 об., 238-241 об.; Д. 1349. Л. 703-703 об., 733 об., 740, 830, 995, 997 об.; Д. 1350. Л. 186-190, 195, 831; Д. 1354. Л. 72-76 об., 77-78 об., 293, 294, 311, 333; Д. 691. Л. 312 об.; Сборник РИО. Т. 63. С. 525, 627-628, 629; ПСЗ. Т. XI. № 8666; пожалования из выморочных имений.— См.: РГАДА. Ф. 248. Д. 691. Л. 312 об.; Д. 1354. Л. 316-317; Д. 1378. Л. 150-168 об.; Д. 1379. Л. 788-817, 818-825, 827-834 об.; Сборник РИО. Т. 63. С. 611-612; пожалования из дворцовых деревень.— См.: РГАДА. Ф. 248. Д. 1349. Л. 116-117.

⁷⁷ Сивков К.В. Отписные книги начала XVIII в. как исторический источник // Проблемы источниковедения. Сб. III. М., 1941. С. 368-369; Преображенский А.А. Указ. соч. С. 51; Ворожбитова М.В. Документы канцелярии конфискации как источник для характеристики быта горожан середины XVIII в. // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1999. № 1. С. 71-84. См. также: Голикова Н.Б. Органы политического сыска и их развитие в XVII-XVIII вв. // Абсолютизм в России (XVII-XVIII вв.). М., 1964. С. 243-280.

⁷⁸ По данным, приведенным Е.И. Индовой, большая часть случаев лишения дворян имений по вышеуказанным причинам приходится на время Петра I, но не исключительно – отписка за «нежелание нести царскую службу» встречается и в 1-й половине 50-х гг. XVIII в. – Индова Е.И. К вопросу о дворянской собственности... С. 285-289. См. также: ПСЗ. Т. IX. № 7151; Т. XII. № 9013; Т. XV. № 10898.

⁷⁹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Д. 5266 / 212. Л. 187, 349; Индова Е.И. К вопросу о дворянской собственности... С. 285-289; Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII в. М., 1951. С. 372-379; ПСЗ. Т. VIII. № 5554, 5916; Т. XI. № 8682; Т. XIII. № 10061.

⁸⁰ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Д. 5266 / 212. Л. 305-305 об.; ПСЗ. Т. IV. № 1761, 1960; Т. V. № 2845, 2988; Т. VI. № 3874; Т. VII. № 4295, Т. X. № 7913.

⁸¹ Соколова Е.С. Сословное законодательство Российской империи. Дисс. ... канд. юр. наук. Екатеринбург, 1995. С. 80; Индова Е.И. К вопросу о дворянской собственности... С. 272-282; Романович-Славатинский А. Дворянство в России от начала XVIII века. СПб., 1870. С. 239.

⁸² ПСЗ. Т. XV. № 11444. Обратить внимание на пункт 4.

⁸³ ПСЗ. Т. XXII. № 16187. П. 11, 24.

⁸⁴ В пункте 20 Жалованной грамоты дворянству записано: «Но как благородное дворянское название и достоинство исстари, ныне, да и впредь приобретаетя службою и трудами, империи и престолу полезными, и существенное состояние российского дворянства зависимо есть от безопасности отечества и престола, и для того во всякое таковое российскому самодержавию нужное время, когда служба дворянства общему добру нужна и надобна, тогда всякий благородный дворянин обязан по первому призыву от самодержавной власти не щадить ни труда, ни самого живота для службы государственной». – ПСЗ. Т. XXII. № 16187. П. 20. Манифест 1762 г. обращал внимание на моральную недопустимость «праздности» дворянства и призывал не служивших представителей сословия «яко суще нерадивых о добре общем, презирать и уничтожать».

Кроме того, «вольность» по Манифесту 1762 г. не распространялась на обер-офицеров, служивших менее 12 лет в воинской службе.— ПСЗ. Т. XV. № 11444 (заключение и пункт 8 Манифеста).

⁸⁵ См. также: Медушевский А.Н. Указ. соч. С. 133-137, 143-144.

⁸⁶ По всей видимости оно не было реализовано.— См.: Цагурова М.К. Русское семейное право XVI-XVIII вв. М., 1991. С. 25.

⁸⁷ ПСЗ. Т. IV. № 2789; РГАДА. Ф. 248. Оп. 21. Д. 1347. Л. 53; Д. 1354. Л. 608-608 об.

⁸⁸ ПСЗ. Т. VIII. № 5658; РГАДА. Ф. 248. Д. 1899. Л. 254 об., 221 об., 419 об., 445 об.

⁸⁹ ПСЗ. Т. V. № 2596.

⁹⁰ Там же. № 3013.

⁹¹ ПСЗ. Т. VII. № 4722.

⁹² Там же. С. 490, 494. Пунктами также была разрешена продажа «отеческого» наследственного имения между братьями в том случае, если оно было справлено за ними «вообще» (обще) или разделено по жеребьям до указа о единой наследии.— Там же. С. 490.

⁹³ Протасов Г.А. Кондиции и проекты 1730 г. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1954. С. 268, 269.

⁹⁴ ПСЗ. Т. VIII. № 5653.

⁹⁵ ПСЗ. Т. II. № 634. Ст. 3, 6-8 и др.; Т. VIII. № 5717; Соб. Улож. Гл. XVII. Ст. 2, 4 и др.

⁹⁶ Выделение прожитка отсутствовало только в период между указами 23 марта 1714 г. и 15 апреля 1716 г.

⁹⁷ ПСЗ. Т. IV. № 2471. См. также: Сборник РИО. Т. 104. С. 174-177; ПСЗ. Т. V. № 2789. П. 7.

⁹⁸ ПСЗ. Т. VII. № 4704, 4722. С. 494. Необходимо заметить, что до 1729 г. фраза: «из имения своего продал или заложил для совершенных своих нужд и росплаты долгов» являлась неотъемлемой частью формуляра купчей или за-

кладной, однако из этого отнюдь не следует, что сделки с недвижимостью не производились в иных случаях.— РГАДА. Ф. 248. Д. 1347. Л. 53.

⁹⁹ РГАДА. Ф. 248. Д. 1347. Л. 53.

¹⁰⁰ ПСЗ. Т. V. № 3204; Т. XIV. № 10238; РГАДА. Ф. 248. Д. 1360. Л. 200-205; Д. 1370. Л. 490, 886; Д. 1379. Л. 518; Соб. Улож. Гл. II. Ст. 5, 8-10. Кроме того, конфискованное имущество отделялось от имений поступивших по закладу и продаже во владение других лиц до совершения преступления.— ПСЗ. Т. XIV. № 10238; РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 34. Ч. II. Л. 5 об.-6.

¹⁰¹ ПСЗ. Т. VIII. № 5276; Т. XI. № 8822.

¹⁰² РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 34. Ч. II. Л. 7 об.-8; Ф. 248. Д. 1354. Л. 34; Соб. Улож. Гл. XVII. Ст. 38. Запрет на выкуп имения изменника, по мнению К.А. Неволина, говорил о том, что «изменою прекращаются права родства».— Неволин К. История российских гражданских законов. Т. 3. СПб, 1851. С. 85.

¹⁰³ РГАДА. Ф. 248. Д. 691. Л. 185-186 об.; Ф. 342. Оп. 1. Д. 34. Ч. II. Л. 4 об.-5, 7 об.-8.

¹⁰⁴ РГАДА. Ф. 248. Д. 1369. Л. 1402-1403; Д. 1345. Л. 81-83 об., 131-135 об.; Д. 1374. Л. 1120-1124; Д. 1346. Л. 131-133 об.; Д. 1366. Л. 619-621 об.; Ф. 1209. Оп. 4. Д. 5266/212. Л. 84-84 об., 247; Сборник РИО. Т. 104. С. 322, 341; Т. 108. С. 167; Т. 117. С. 351-352. См. также книги запрещений и разрешений на сделки с недвижимостью.— РГАДА. Ф. 1209. Оп. 81. Д. 1, 2.

¹⁰⁵ РГАДА. Ф. 248. Д. 1383. Л. 1089-1091; Д. 1354. Л. 184-191 об.; Д. 1073. Л. 525-529; ПСЗ. Т. XV. № 10954.

¹⁰⁶ ПСЗ. Т. V. № 2789. П. 5.

¹⁰⁷ Более ранних указов о разрешении на продажу деревень в подобных случаях нами не обнаружено, а наиболее ранние челобитные по этому вопросу относятся к 1726-1727 гг.— РГАДА. Ф. 248. Д. 691. Л. 198-198 об., 199-199 об.

¹⁰⁸ РГАДА. Ф. 248. Д. 1349. Л. 483-489; Д. 1350. Л. 429-434 об., 529-532 об.; Д. 1354. Л. 65-71, 305-310 об., 348-355, 357-365; ПСЗ. Т. VIII. № 5462, 5817, 5975; Т. IX. № 6458; Сборник РИО. Т. 104. С. 72-73, 459, 545-546; Т. 106. С. 18,

340-342; Т. 114. С. 267-268. За период с 1729 г. по 1747 г. нами было обнаружено только 12 случаев подобного разрешения, из них 11 за период с 1729 по 1736 г.

¹⁰⁹ ПСЗ. Т. XI. № 8363, 8637.

¹¹⁰ РГАДА. Ф. 248. Д. 1383. Л. 1073. (1747 г.).

¹¹¹ ПСЗ. Т. V. № 2789.

¹¹² Соб. Улож. Гл. XVII. Ст. 27.

¹¹³ ПСЗ. Т. X. № 7339; Т. XII. № 8936.

¹¹⁴ Соб. Улож. Гл. XVII. Ст. 27. Исключение составляли братья и племянники, «приложившие руки» к крепостям, а также их потомки до 2-го колена включительно.— Там же.

¹¹⁵ ПСЗ. Т. V. № 2789. П. 13.

¹¹⁶ ПСЗ. Т. X. № 7339; Т. XII. № 8936; Т. XIV. № 10461; Т. XVII. № 12782.

¹¹⁷ Соб. Улож. Гл. XVII. Ст. 30, 27, 29. Уложение также предусматривало установление размера выкупной суммы «по сказкам» владельцев имений, в том случае, если подобное условие было оговорено в крепостях при продаже или закладе. «Взятые по сказкам» было отменено по указу 1714 г.— Соб. Улож. Гл. XVII. Ст. 28; ПСЗ. Т. V. № 2789. П. 13.

¹¹⁸ По указу 1744 г., кроме того, было предписано не отчуждать в течение одного года справленные по просрочке имения, для того чтобы у заложившего была возможность его выкупа в течение этого срока по первой цене.— ПСЗ. Т. XII. № 8936. П. 2. По мнению Б.В. Носова, принцип оплаты «новоприбылого строения» при выкупе родовой вотчины, сохранявшийся вплоть до 1744 г., «противоречил традиции».— Носов Б.В. Политика правительства в отношении дворянского землевладения в России в 30-70-е гг. XVIII в. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1985. С. 105-106. Однако мы не можем согласиться с данным утверждением, поскольку он предусматривался еще в Уложении 1649 г.— Соб. Улож. Гл. XVII. Ст. 27-29.

¹¹⁹ ПСЗ. Т. V. № 2789; Т. X. № 7339. Т. XII. № 8936. Необходимо отметить, что Уложение 1649 г. не определяло очередность родственников при выкупе ро-

дового имущества и не ограничивало их право на выкуп степенями родства (исключения см. выше). Кроме того, Уложение не устанавливало необходимости разрешений на выкуп одному представителю рода от другого.

¹²⁰ ПСЗ. Т. XIV. № 10461; Т. XVII. № 12782.

¹²¹ Водарский Я.Е. Дворянское землевладение в России в XVII-первой половине XIX в. (размеры и размещение). М., 1988. С. 7-26; Важинский В.М. Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII веке. Воронеж, 1974. С. 29-31, 90.

¹²² Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй четверти XVIII в. М., 1957. С. 87-88; Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в. М., 1956. С. 260-261; Герман И.Е. История межевого законодательства от Уложения до генерального межевания (1649-1765). М., 1893. С. 219-224.

¹²³ Герман И.Е. Указ. соч. С. 379-380. См. также: РГАДА. Ф. 248. Д. 6744. Л. 351-352 об.

¹²⁴ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 34. Ч. I. Л. 1 об.; Ч. II. Л. 401-456 об.

¹²⁵ ПСЗ. Т. VIII. № 5739.

¹²⁶ РГАДА. Ф. 342. Д. 34. Ч. II. Л. 295-299 об.; Ф. 248. Д. 1378. Л. 35 об.-37.

¹²⁷ РГАДА. Ф. 248. Д. 746. Л. 311-336 об.; Д. 6740. Л. 21-70; Ф. 342. Оп. 1. Д. 34. Ч. II. Л. 401-456 об.

¹²⁸ Дата упоминается в тексте первого варианта Писцового наказа (П. 17).– РГАДА. Ф. 248. Д. 746. Л. 321 об. Упоминания о работе над текстом Писцового наказа также содержатся в журналах правительствующего Сената за 16, 23 и 27 сентября 1731 г.– Там же. Д. 1902. Л. 40 об., 58, 59.

¹²⁹ В этот день из Сената «собрания Уложения членом» был прислан «вновь исправленной межевщиков наказ» (2-й вариант).– РГАДА. Ф. 248. Д. 6740. Л. 17 об.

¹³⁰ Герман И.Е. Указ. соч. С. 310. См. также: РГАДА. Ф. 248. Д. 746. Л. 377-377 об.

¹³¹ ПСЗ. Т. II. № 1074. С. 596-599, 602-603, 606-607 (П. 13-15, 21, 28, 29, 31-32, 34); РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 34. Ч. II. Л. 415-415 об., 421 об.-422, 426 об.-431 об., 435 об.-436 (П. 11, 17-18, 25, 27-29, 32); Ф. 248. Д. 746. Л. 324-325 об., 331-331 об. (П. 21-23, 32).

¹³² РГАДА. Ф. 248. Д. 746. Л. 3-3 об.

¹³³ Герман И.Е. Указ. соч. С. 310.

¹³⁴ См. примечание редактора.– Межевой вестник. 1884. № 8. С. 61.

¹³⁵ Межевой вестник. 1884. № 8. С. 60-62.

¹³⁶ РГАДА. Ф. 248. Д. 746. Л. 7 об., 14, 46-46 об., 49, 52-54 об., 101-101 об., 199-200.

¹³⁷ ПСЗ. Т. VIII. № 5793. Для сравнения, в период активного проведения елизаветинского межевания, в нем было занято 1183 человека.– РГАДА. Ф. 248. Д. 6744. Л. 350-350 об.

¹³⁸ Межевой вестник. 1884. № 8. С. 54-55.

¹³⁹ РГАДА. Ф. 248. Д. 1366. Л. 897, 898, 907-907 об.

¹⁴⁰ См.: Гл. XXVIII. П. 3. Межевой инструкции 1754 г.– ПСЗ. Т. XIV. № 10237. С. 145.

¹⁴¹ Наряду с главой 9 «О даче земель из диких поль и о порозжих обводных землях», определявшей нормы поместных раздач по указным статьям для существовавших в то время чинов, в состав проекта входили главы, базировавшиеся на принципе единства статуса поместья и вотчины.– РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 34. Ч. I. Л. 66-66 об., 193; Ч. II. Л. 411 об. и др.

¹⁴² Милов Л.В. Исследование об «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию. М., 1965. С. 17-18; Недосекин В.И. Источники роста крупного землевладения на юге России в XVIII столетии // Известия Воронежского государственного педагогического института. Т. 63. Воронеж, 1967.

С. 252-325; Белявский М.Т. Олнодворцы Черноземья (по их наказам в Уложенную Комиссию 1767-1768 гг.). М., 1984.

¹⁴³ ПСЗ. Т. II. № 1074. С. 596-597 (П. 13, 14, 15); РГАДА. Ф. 248. Д. 746. Л. 323 об.-325 об. (П. 21, 22, 23); Ф. 342. Оп. 1. Д. 34. Ч. II. Л. 415-415 об. (П. 11. Арт. 1, 2.).

¹⁴⁴ Важинский В.М. Указ. соч. С. 100-101.

¹⁴⁵ ПСЗ. Т. XIV. № 10237. С. 111. (Гл. IV. П. 1).

¹⁴⁶ Инструкция декларировала, что если в результате межевания по крепостям и писцовым книгам «у котораго владельца из его писцовой межи или владения несколько примерной земли, лесов и сенных покосов и выбудет, и то ему в разсуждении общей Государству пользы обидно быть не может, да по самой справедливости оное ему никогда и не принадлежало, а только прежними межевщиками, сверх надлежащаго числа, отмежевано ему излишнее из Государственных земель, по какому либо пристрастию неправильно, что за действительно ныне таковой межи и утвердить не должно». – ПСЗ. Т. XIV. № 10237. С. 111. (Гл. IV. П. 1).

¹⁴⁷ Там же. С. 112, 125. (Гл. IV. П. 3, Гл. 16. П. 5.).

¹⁴⁸ Там же. С. 112. (Гл. IV. П. 2, 3).

¹⁴⁹ Там же. С. 133. (Гл. XX. П. 17); № 10406. С. 360-361.

¹⁵⁰ Милов Л.В. Указ. соч. С. 12. См. также: Шульгин М.М. Землеустройство и переселения в России в XVIII и первой половине XIX вв. М., 1928. С. 150.

¹⁵¹ ПСЗ. Т. XIV. № 10237. С. 111. (Гл. IV. П. 1). В соответствии с указом от 17 мая 1755 г. при полюбовном «разводе земель» примерные земли передавались помещикам по 3 копейки за 1,5 десятины. – ПСЗ. Т. XIV. № 10406.

¹⁵² Шульгин М.М. Указ. соч. С. 124; Марголин С.Л. Генеральное межевание в России // Советская историческая энциклопедия. Т. 4. М., 1963. С. 194; Рахматуллин М.А. (Комментарии), Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. XII. М., 1964. С. 667-668. См. также: Милов Л.В. Указ. соч. С. 12-13. Практика размеривания примерных земель между смежными владель-

цами, в результате которой определенная доля собственников теряла часть земли, не может рассматриваться как проявление принципа редукции, поскольку обратной стороной этого процесса была примежевка этой же земли к имениям других смежных вотчинников, а понятие «редукция» предполагает изъятие земель, находящихся в незаконном владении, в пользу государства.

¹⁵³ Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в 3-х книгах. Кн. 3. М., 1993. С. 158.

¹⁵⁴ В самой Инструкции цели межевания определены следующим образом: «И тако, когда вся земля измерена, известна будет, то уже вперед причины к спорам и дракам, как донныне происходит, быть не может; да и все владельцы точно определенным и известным числом владеть будут». – ПСЗ. Т. XIV. № 10406. С. 111-112. (Гл. IV. П. 1).

¹⁵⁵ Важинский В.М. Указ. соч. С. 101-102; Законодательные акты Русского государства второй половины XVI-первой половины XVII в.: Тексты. Л., 1986. № 93; Законодательные акты Русского государства второй половины XVI-первой половины XVII века.: Комментарии. Л., 1987. № 93. С. 137-138; Соб. Улож. Гл. XVII. Ст. 18, 21, 45; Гл. XVI. Ст. 60.

¹⁵⁶ В период существования поместной системы государство лишь подчеркивало различие между двумя формами земельной собственности, предусматривая продажу примерных земель только в случае перехода их из разряда поместных в разряд вотчинных. – ПСЗ. Т. II. № 1074. П. 13, 14. С. 596.

¹⁵⁷ Безвозмездное межевание примерных земель в случае полюбовного их развода между владельцами при Екатерине II не противоречит нашему утверждению, поскольку отказ от ревизии прав владения в данном случае был в значительной степени вынужденным из-за затрудненности, если не невозможности, этой процедуры в масштабах всего государства.

¹⁵⁸ РГАДА. Ф. 248. Д. 6746. Л. 281-291.

¹⁵⁹ Там же. Л. 286.

¹⁶⁰ Носов Б.В. Политика... С. 119.

¹⁶¹ РГАДА. Ф. 248. Д. 6746. Л. 285 об., 286, 287.

¹⁶² Там же. Л. 289-289 об.

¹⁶³ Там же. Л. 289 об.-290.

¹⁶⁴ Там же. Л. 286 об., 287, 290 об.

¹⁶⁵ Там же. Л. 291. Подобная методика была использована Екатериной II (ПСЗ. Т. XVII. № 12659. С. 719-720, 722-723), и она принесла успех межевому делу.

¹⁶⁶ РГАДА. Ф. 248. Д. 6744. Л. 347-349 об., 353-354, 368, 403, 419-422 об. Первоначально в межевании участвовало 1183 чел.— Там же. Л. 350-350 об.

¹⁶⁷ Шульгин М.М. Указ. соч. С. 125-126.

¹⁶⁸ Анализ законодательных ограничений собственных прав дворянства в 60-70-е гг. XVIII в. см.: Носов Б.В. Политика...; Он же. О праве распоряжения... С. 66-81.

Ко 2 главе

¹ Шватченко О.А. Светские феодальные вотчины в России во второй половине XVII века. М., 1996; Водарский Я.Е. Население России в конце XVII-начале XVIII века (Численность, сословно-классовый состав, размещение) М., 1977; Он же. Дворянское землевладение в России в XVII-первой половине XIX в. (размеры и размещение). М., 1988; Он же. Правящая группа светских феодалов в России в XVII в. // Дворянство и крепостной строй России XVI-XVIII вв. М., 1975. С. 70-107; Новосельский А.А. Распространение крепостнического землевладения в южных уездах Московского государства // Исторические записки. Т. 4. 1938. С. 21-40; Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. М., 1974; Недосекин В.И. Источники роста крупного землевладения на юге России в XVIII столетии // Известия ВГПИ. Т. 63. Воронеж, 1967. С. 252-325; Он же. Четвертное землепользование однодворцев Юга России в XVIII веке // Труды ВГУ. Т. 53. Вып. 1. 1960. Воронеж, 1961. С. 105-113; Он же. Обострение борьбы за землю между помещиками и однодворцами Во-

ронежской губернии в середине XVIII века // Известия ВГПИ. Т. 19. Исторический факультет. Воронеж, 1955. С. 133-154; Шепукова Н.М. Об изменении размеров душевладения помещиков Европейской России в первой четверти XVIII-первой половине XIX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы (далее: ЕАИВЕ). 1963 г. Вильнюс, 1964. С. 388-419.

² В конце XVII столетия официальной южной границей России являлась река Тихая Сосна.– Важинский В.М. Землевладение и складывание общины одноворцов в XVII веке. Воронеж, 1974. С. 72.

³ Более подробно см.: Загоровский В.П. Белгородская черта. Воронеж, 1969; Он же. Изюмская черта. Воронеж, 1980.

⁴ Чернь, Новосиль, Орел, Лебедянь, Данков, Елец, Кромы, Курск, Ефремов, Ливны, Белгород, Старый Оскол, Воронеж, Рыльск, Путивль, Севск.– Полное собрание законов Российской империи, с 1649 г. СПб., 1830. (далее: ПСЗ). Т. II. № 884, 1074 (П. 56).

⁵ Суммарные данные по ЦЧР о численности крепостных светских феодалов, духовенства и дворцовых крестьян заимствованы у Я.Е. Водарского.– Водарский Я.Е. Население России... С. 225-229. Численность одноворцов (без черкас), проживавших на территории Белгородского и Севского разрядов, по данным В.М. Важинского, составляла в конце 90-х гг. XVII века около 230 тыс. человек мужского пола. Общие размеры их земельного фонда составляли в это время около 3560 тыс. десятин (из них пашни – 2689 тыс. десятин).– Важинский В.М. Землевладение... С. 67, 104. См. также: Шватченко О.А. Светские феодальные вотчины... С. 35 и др.

⁶ Шацкий уезд считался «заказным» лишь несколько лет в 70-х гг. XVII в.– Важинский В.М. Землевладение... С. 83.

⁷ См. приложение 10. Данные о численности крепостных духовенства, дворцовых крестьянах и одноворцах см.: Водарский Я.Е. Население России... С. 105-107, 225-229.

⁸ Новосельский А.А. Указ. соч. С. 32.

⁹ См. приложения 10, 12.

¹⁰ См. приложения 18, 13, 12.

¹¹ В уезде было только одно дворянское владение (30 дворов).

¹² См. приложения 12, 13, 18.

¹³ См. приложения 12, 13.

¹⁴ См. приложения 10, 11.

¹⁵ См.: Водарский Я. Е. Население России... С. 95, 102.

¹⁶ Бескровный Л.Г., Водарский Я.Е., Кабузан В.М. Миграции населения в России в XVII-начале XX вв. // Проблемы исторической демографии СССР. Томск, 1980. С. 26-32.

¹⁷ См. приложения 10, 11.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Новосельский А.А. Указ. соч. С. 24-27; Важинский В.М. Землевладение... С. 78-88.

²¹ Анисимов Е.В. Податная реформа Петра I. Л., 1982. С. 166-167; Мизис Ю.А. Правительственная политика по регулированию социальной структуры населения Центрального Черноземья в конце XVII-начале XVIII вв. // Формирование и развитие социальной структуры населения Центрального Черноземья. Тамбов, 1992. С. 35.

²² Анисимов Е.В. Указ. соч. С. 178-179; Важинский В.М. Землевладение... С. 67; Проторчина В.М. К истории воронежских однодворцев в XVIII веке // Известия Воронежского государственного педагогического института. Т. 19. Историч. фак-т. Воронеж, 1955. С. 109-110. По 90-м гг. XVII в. количество служилых людей – однодворцев дано вместе с приборными чинами, но без черкас; на 1731 г. – указана численность ландмилицких полков.

²³ См. приложения 7, 10.

²⁴ См. приложения 7, 10, 11.

²⁵ См. приложения 10, 11, 18.

²⁶ См. приложения 18, 19, 13, 15, 10, 12, 14, 3 (здесь и далее приложение 3 в случае необходимости используется для корректировки итоговых данных приложения 15). Возможно наличие крупных дворянских вотчин в Путивльском и Трубчевском уездах.

²⁷ См. приложения 14, 18, 19.

²⁸ См. приложения 13, 15 (с учетом данных из приложения 3), 18.

²⁹ См. приложения 15 (с учетом данных из приложения 3), 19, 14.

³⁰ См. приложение 13, 15 (с учетом данных из приложения 3), 14.

³¹ В документах фонда Правительствующего Сената нами обнаружены данные о челобитных 69 однодворцев Шацкого и 227 – Козловского и других уездов. – Российский государственный архив древних актов (далее: РГАДА). Ф. 248. Д. 691. Л. 179; Д. 1360. Л. 110.

³² РГАДА. Ф. 248. Д. 691. Л. 178-180; Д. 1360. Л. 110.

³³ РГАДА. Ф. 248. Д. 691. Л. 180. Начиная с указа 20 июня 1730 г. правило единонаследия, установленное в Пунктах 1714 г., на однодворцев не распространялось. – ПСЗ. Т. VIII. № 5579. Для остальных категорий землевладельцев, в том числе и дворян, указ 1714 г. был отменен 9 декабря 1730 г. – Там же. № 5653.

³⁴ В начале 30-х гг. XVIII в. правительством было принято решение о постройке на Юге страны еще одной оборонительной линии – Украинской (по рекам Северскому Донцу, Берестовой и Орели). – Проторчина В.М. Указ. соч. С. 109-111; РГАДА. Ф. 248. Д. 477. Л. 142-142 об.; Д. 482. Л. 603-605; Д. 483. Л. 317-323.

³⁵ ПСЗ. Т. VII. № 5138. См. также: Анисимов Е.В. Указ. соч. С. 174.; Сборник Русского Исторического Общества. Т. 63. СПб., 1888. С. 658, 668-672.

³⁶ Составители ПСЗ и проект Уложения 30-х гг. XVIII в. трактуют этот запрет как распространявшийся только на «иногородних» дворян. – ПСЗ. Т. VII. № 5138. С. 835; РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 34. Ч. II. Л. 448-448 об.

³⁷ См.: Важинский В.М. Землевладение... С. 87.

³⁸ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 34. Ч. II. Л. 444-445. (П. 37, Арт. 8). См. также: Черников С.В. Право однодворцев на землю в проекте Уложения 30-х гг. XVIII в. // История крестьянства в России. СПб., 2000. С. 38-39.

³⁹ ПСЗ. Т. VIII. № 5579; Т. X. № 7409. Указ 19 февраля 1730 г. упоминается в указе 2 августа 1739 г. – ПСЗ. Т. X. № 7864.

⁴⁰ Е.В. Анисимов ошибочно полагает, что указ 1727 г. возродил систему заказных городов. – Анисимов Е.В. Указ. соч. С. 174.

⁴¹ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 34. Ч. I. Л. 405 об.-406.

⁴² Анисимов Е.В. Указ. соч. С. 178-179.

⁴³ Использовались данные о раздачах, представленные Е.И. Индовой. – Индова Е.И. Дворцовое хозяйство в России. Первая половина XVIII века. М., 1964. С. 65, 79. Данные о численности крепостных светских феодалов по всей России см.: Водарский Я.Е. Население России... С. 95; Анисимов Е.В. Указ. соч. С. 109; Переписи населения России. Вып. III. М., 1972. С. 266.

⁴⁴ Подсчитано по итоговым данным I и II ревизий. – Анисимов Е.В. Указ. соч. С. 109; Переписи населения России. Вып. III. М., 1972. С. 266.

⁴⁵ См. приложения 10, 11.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ См. приложение 10.

⁴⁸ Прирост населения по всей России подсчитан по итоговым данным II и III ревизий. – Переписи населения России. Вып. III. М., 1972. С. 266. По ЦЧР, как и ранее, считается на 50 % выше общероссийского.

⁴⁹ См. приложения 10, 11.

⁵⁰ См. приложения 8, 9, 18.

⁵¹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Ч. III. Д. 5713. Л. 397, 398, 398 об. (в деле на 944 листах содержится список сделок, которые Вотчинная коллегия предполагала проверить на законность. – Там же. Л. 410-881.). См. также: РГАДА. Ф. 1055. Оп. 1. Д. 393. Л. 1, 6-6 об. и др.

⁵² РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 11489. Л. 61-66, 131-132 (1762 г.); Д. 3158. Л. 3

об.-4, 35 об.-37 (1752 г.); Д. 3095. Л. 32, 33 об. (1742 г.); Д. 3065. Л. 120-124 (1732 г.) и др.

⁵³ ПСЗ. Т. XIV. № 10237. С. 138-139 (Гл. XXIII. П. 5-6). Ср. с проектом Писцового наказа 30-х гг. XVIII в. – РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 34. Ч. II. Л. 446-447 (П. 37. Арт. 10, 11).

⁵⁴ См. приложение 10.

⁵⁵ См. приложения 18, 17, 15 (с учетом данных приложения 3).

⁵⁶ См. приложения 14, 16.

⁵⁷ См. приложения 18, 17, 13.

⁵⁸ См. приложения 16, 18, 15 (с учетом данных приложения 3), 17, 19.

⁵⁹ См. приложения 15 (с учетом данных приложения 3), 17. По Наровчатскому, Тавровскому и Хоперскому уездам см. приложение 4.

⁶⁰ См. приложения 15 (с учетом данных приложения 3), 17.

⁶¹ Мы исходим из равенства числа мужчин и женщин в составе населения.

⁶² Струмилин С.Г. Очерки экономической истории России. М., 1960. С. 138. Важинский В.М. Сельское хозяйство в Черноземном Центре России в XVII веке. Воронеж, 1983. С. 14. Использование данной методики подсчета см.: Водарский Я.Е. Количество земли и пашни на душу мужского пола в Центрально-промышленном районе в XVII-XIX вв. // ЕАИВЕ. 1965 г. М., 1970. С. 237-245; Он же. Сводные источники о земельных угодьях у дворцовых крестьян в конце XVII в. и опыт реконструкции данных о количестве пахотной земли и сенокосов // ЕАИВЕ. 1971 г. Вильнюс, 1974. 52-53. О количестве земли, приходившейся в среднем на крестьянский двор в XVII веке см. также: Водарский Я.Е. Дворянское землевладение... С. 228. (данные о раздачах); Шватченко О.А. Пашенное земледелие в выслуженных вотчинах Юга России первой трети XVII века // Проблемы региональной истории России. Ч. 1. Липецк, 1997. С. 31.

⁶³ Водарский Я.Е. Дворянское землевладение... С. 193, 286-292.

⁶⁴ Там же. С. 192, 194, 292.

⁶⁵ Там же. С. 41.

⁶⁶ Кабузан В.М. Изменения в размещении населения России в XVIII-первой половине XIX в. (по материалам ревизий). М., 1971. С. 97, 109.

⁶⁷ Водарский Я.Е. Дворянское землевладение... С. 221-222; Важинский В.М. Землевладение... С. 99, 104, 105.

⁶⁸ Водарский Я.Е. Дворянское землевладение... С. 193.

⁶⁹ Рикман В.Ю. Дворянское законодательство Российской империи. М., 1992. С. 5-6.

⁷⁰ Водарский Я.Е. Правящая группа... С. 81, 82.

⁷¹ См. приложение 21. В ЦЧР из высших придворных чинов именными владели только кравчий и постельничий.

⁷² См. приложения 21, 1, 23.

⁷³ См. приложение 21.

⁷⁴ См. приложения 21, 1.

⁷⁵ См. приложение 23. Используются данные на основе экстраполяции.

⁷⁶ Лица, отнесенные нами к правящей группе светских феодалов, владели по Нижнему Ломову, Инсару, Ливнам и Старому Осколу в общей сложности только четырьмя именными (по одному на уезд).

⁷⁷ См. приложение 23.

⁷⁸ См. приложение 22.

⁷⁹ См. приложения 22, 29. Два имени постельничего (по нормам поместных раздач из Дикого поля был близок к чину думного дьяка) Г.И. Головкина были средними по своим размерам. – РГАДА. Ф. 1209. Алф. 664. Л. 30-30 об.

⁸⁰ См. приложение 22.

⁸¹ См. приложения 10, 11, 5, 6, 18. Как было показано во введении, структура данных выборки полно отражает структуру генеральной совокупности.

⁸² РГАДА. Ф. 342. Д. 34. Ч. II. Л. 295-297.

⁸³ Здесь и далее имеются в виду чины по военной табели и приравненные к ним по гражданской и придворной.

⁸⁴ См. приложения 24, 21.

⁸⁵ См. приложения 24, 25.

⁸⁶ См. приложение 25.

⁸⁷ См. приложения 21, 24.

⁸⁸ См. приложение 28.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй четверти XVIII в. М., 1957. С. 80, 81.

⁹¹ См. приложение 27.

⁹² Там же.

⁹³ Там же. Исключение составляли лишь некоторые уезды, расположенные на южных границах региона и северо-востоке ЦЧР. Однако, так как масштабы распространения крепостнического землевладения на их территории к середине XVIII столетия были минимальными, то преобладание в уезде имений той или иной чиновной группы не следует рассматривать как сколько-нибудь стабильное, поскольку появление нескольких новых дворянских владений могло в корне изменить ситуацию.

⁹⁴ Данные о численности крепостных светских феодалов по всей России см.: Водарский Я.Е. Население России... С. 95; Анисимов Е.В. Указ. соч. С. 109; Переписи населения России. Вып. III. М., 1972. С. 266.

⁹⁵ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 34. Ч. I. Л. 405 об.

К 3 главе

¹ Цит. по: Рикман В.Ю. Дворянское законодательство Российской империи. М., 1982. С. 7-8.

² Там же. С. 6.

³ См.: Шватченко О.А. Светские феодальные вотчины в России во второй половине XVII века. М., 1996.

⁴ Дворянство России и его крепостные крестьяне. М., 1989. (далее: Дворянство). С. 34-91.

⁵ Подсчет по приложению 31. Данные о числе родов, включенных в состав дворянства в 1-й половине XVIII в., получены путем сопоставления фамилий дворян, владевших вотчинами в ЦЧР в 1762 г. (приложение 31), с перечневыми ведомостями землевладельцев России в 1700 г. (Дворянство. С. 34-91).

⁶ При пересчете числа дворов в души м.п. по ЦЧР использовалось соотношение 4,5 души м.п. на 1 двор.

⁷ Здесь и далее до конца главы данные о дворянских поместьях и вотчинах на 1700, 1725 и 1762 гг. заимствованы из приложений 29, 30, 31; иные источники оговариваются особо.

⁸ Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб., 1992. С. 114, 116, 118, 175; Шватченко О.А. Указ. соч. С. 90-91, 111-113, 122, 264; Российский государственный архив древних актов (далее: РГАДА). Ф. 1209. Алф. 664. Л. 32 об.-37.

⁹ Дворянство. С. 34, 51.

¹⁰ Индова Е.И. Дворцовое хозяйство в России. Первая половина XVIII века. М., 1964. С. 59. Она же. К вопросу о дворянской собственности в России поздний феодальный период // Дворянство и крепостной строй России XVI-XVIII вв. М., 1975. С. 289.

¹¹ Индова Е.И. К вопросу о дворянской собственности... С. 284.

¹² Павлов А.П. Указ. соч. С. 15, 18, 75, 109, 110, 115, 159, 162, 201, 205; Шватченко О.А. Указ. соч. С. 99-100, 111-113, 120, 273; Зимин А.А. Служилые князья в русском государстве конца XV-первой трети XVI в. // Дворянство и крепостной строй России XVI-XVIII вв. М., 1975. С. 29-31.

¹³ Дворянство. С. 35.

¹⁴ Павлов А.П. Указ. соч. С. 17, 18, 114-116, 122, 124, 135, 136, 148; Шватченко О.А. Указ. соч. С. 86-87, 111-113, 121, 261; Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 115; РГАДА. Ф. 1209. Алф. 664. Л. 13 об.-15 об.

¹⁵ Дворянство. С. 34, 46.

¹⁶ Шватченко О.А. Указ. соч. С. 122, 108-109, 111-113; Павлов А.П. Указ. соч. С. 15, 18, 109, 110, 115, 116, 118, 138, 177, 240-241; РГАДА. Ф. 1209. Алф. 664. Л. 160-161 об.

¹⁷ Дворянство. С. 37, 89.

¹⁸ Павлов А.П. Указ. соч. С. 15, 18, 24, 73, 75, 96, 97, 115, 116, 174; Шватченко О.А. Указ. соч. С. 101-102, 120, 276.

¹⁹ Дворянство. С. 36.

²⁰ Павлов А.П. Указ. соч. С. 17, 18, 74, 104, 106, 112, 113, 114, 116, 121, 122, 124, 133, 136; Шватченко О.А. Указ. соч. С. 84-85, 121, 258.

²¹ Дворянство. С. 34, 43.

²² Шватченко О.А. Указ. соч. С. 88-89, 129-130, 262; Павлов А.П. Указ. соч. С. 17, 103, 105, 118, 122, 124, 148.

²³ Дворянство. С. 47.

²⁴ Павлов А.П. Указ. соч. С. 12, 15, 18, 64, 65, 72, 109, 115-117, 132, 157, 165, 201; Шватченко О.А. Указ. соч. С. 105, 129-130, 282.

²⁵ Дворянство. С. 36, 85.

²⁶ Павлов А.П. Указ. соч. С. 25, 115, 116, 122, 136, 148, 169; Шватченко О.А. Указ. соч. С. 107, 125, 126, 283; Дворянство. С. 37, 88.

²⁷ Павлов А.П. Указ. соч. С. 16, 18, 109, 115, 116, 153; Шватченко О.А. Указ. соч. С. 100-101, 111-113, 125, 276.

²⁸ Павлов А.П. Указ. соч. С. 15, 18, 33, 39, 42, 53, 112, 115-117, 123, 128, 135, 148, 172, 202, 217; Шватченко О.А. Указ. соч. С. 96, 127, 269; Долгоруков П. Российская родословная книга. СПб., 1854. Ч. 1. С. 213.

²⁹ По I ревизии см.: РГАДА. Ф. 248. Д. 1163. Ч. 2. Л. 636, 636 об., 665, 669 об., 681, 686, 686 об., 787.

³⁰ Долгоруков П. Указ. соч. Ч. 1. С. 213, 215.

³¹ РГАДА. Ф. 1209. Алф. 664. Л. 57 об.

³² Павлов А.П. Указ. соч. С. 103; Шватченко О.А. Указ. соч. С. 90, 127, 263; Дворянство. С. 50.

³³ Павлов А.П. Указ. соч. С. 15, 18, 27, 33, 39, 42, 46, 95, 97, 109, 117, 131, 168, 201; Шватченко О.А. Указ. соч. С. 103, 125, 280.

³⁴ Шватченко О.А. Указ. соч. С. 106, 124, 282.

³⁵ Веселовский С.Б. Указ. соч. С. 113-114, 116; Павлов А.П. Указ. соч. С. 15-16, 18, 27, 32, 35, 37, 39, 41, 44, 47, 50, 52, 54, 56, 58-59, 62, 65-66, 68-71, 77, 114, 116-117, 183-185, 201, 231; Шватченко О.А. Указ. соч. С. 89, 111-113, 130, 262; РГАДА. Ф. 1209. Алф. 664. Л. 18 об.-26.

³⁶ Дворянство. С. 34.

³⁷ РГАДА. Ф. 1209. Д. 664. Л. 18 об.-26.

³⁸ РГАДА. Ф. 248. Оп. 117. Д. 1464. Л. 20 об., 30.

³⁹ Там же. Л. 126 об.

⁴⁰ Павлов А.П. Указ. соч. С. 15, 18, 27, 28, 33, 40, 41, 53, 54, 56, 58, 64-66, 68, 109, 110, 115-117, 135, 160-162, 201, 231; Шватченко О.А. Указ. соч. С. 131, 103-104, Веселовский С.Б. Указ. соч. С. 89; Долгоруков П. Указ. соч. Ч. 1. С. 321-322; РГАДА. Ф. 1209. Алф. 664. Л. 132 об.-133 об.; Зимин А.А. Указ. соч. С. 41-42.

⁴¹ Дворянство. С. 36.

⁴² Шватченко О.А. Указ. соч. С. 104; Долгоруков П. Указ. соч. Ч. 1. С. 321-322.

⁴³ Долгоруков П. Указ. соч. Ч. 1. С. 321-322.

⁴⁴ Павлов А.П. Указ. соч. С. 15, 18, 31, 39, 45, 66, 78, 97, 109, 115, 117, 135, 184-185, 201; Шватченко О.А. Указ. соч. С. 95, 131, 269.

⁴⁵ Дворянство. С. 35.

⁴⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 117. Д. 1464. Л. 80 об.; Долгоруков П. Указ. соч. Ч. 1. С. 316-317.

⁴⁷ Павлов А.П. Указ. соч. С. 16, 18, 109, 110, 112, 115, 133, 185; Шватченко О.А. Указ. соч. С. 105-106, 131, 282.

⁴⁸ Списки титулованным родам и лицам Российской империи. СПб., 1892. (далее: Списки титулованным родам). С. 96-97; Шватченко О.А. Указ. соч. С. 132.

⁴⁹ Карамзин Н.М. История государства Российского. [Кн. 3]. Т. IX-XII. Калуга, 1993. С. 17.

⁵⁰ Павлов А.П. Указ. соч. С. 16, 18, 51-53, 56, 64-66, 71, 73, 75, 107-110, 112, 113, 115, 117, 118, 133, 140, 163; Шватченко О.А. Указ. соч. С. 106-107, 111-113, 132, 282.

⁵¹ Дворянство. С. 37, 86.

⁵² В отдельных генеалогических справочниках упоминается как кн. Александр Бекович-Черкасский, родоначальник ветви Бековичей-Черкасских.— Долгоруков П. Указ. соч. Ч. 2. С. 43.

⁵³ Долгоруков П. Указ. соч. Ч. 2. С. 43.

⁵⁴ См.: РГАДА. Ф. 248. Д. 1163. Ч. 2. Л. 779-852 и др.

⁵⁵ Шватченко О.А. Указ. соч. С. 109, 132-133, 284.

⁵⁶ Дворянство. С. 58, 90. Суммарно у кн. Юсуповых и Юсуповых-Княжевых.

⁵⁷ РГАДА. Ф. 248. Д. 1163. Ч. 1. Л. 315 об.; Ч. 2. Л. 742.

⁵⁸ Павлов А.П. Указ. соч. С. 16, 18, 81, 109; Шватченко О.А. Указ. соч. М., 1996. С. 104, 133; РГАДА. Ф. 1209. Алф. 664. Л. 135-138.

⁵⁹ Дворянство. С. 36, 84.

⁶⁰ По I ревизии см.: РГАДА. Ф. 248. Д. 1163. Ч. 1. Л. 317 об.; Ч. 2. Л. 558 об., 569, 636 об., 654, 667, 667 об., 674 об., 682 об., 750 об.-751, 797, 815 об.-816, 820.

⁶¹ Павлов А.П. Указ. соч. С. 96, 98, 105, 115, 116, 118, 124, 127, 139, 145.

⁶² Шватченко О.А. Указ. соч. С. 97-98; РГАДА. Ф. 1209. Алф. 662. Л. 71 об.-78; Алф. 664. Л. 69-69 об.

⁶³ Дворянство. С. 35, 65.

⁶⁴ См. также: Шватченко О.А. Указ. соч. С. 133-134.

⁶⁵ С 1718 г. царевичи Сибирские именовались князьями.— История родов русского дворянства. Сост. П.Н. Петров. Кн. 1. М., 1991. (далее: История родов.). С. 396.

⁶⁶ См.: Индова Е.И. К вопросу о дворянской собственности... С. 288.

⁶⁷ РГАДА. Ф. 248. Д. 1163. Ч. 2. Л. 808 об., 810 об., 811 об., 812.

⁶⁸ Список фамилий рюриковичей и гедиминовичей, владевших имениями в ЦЧР см. по тексту главы и в приложении 31.

⁶⁹ Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. Кн. 1. М., 1993. С. 454, 456.

⁷⁰ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 7. // Сочинения. Кн. IV. М., 1994. С. 11.

⁷¹ С.Б. Веселовский относил возникновение боярского рода Вельяминовых ко времени до 1328 г.— Веселовский С.Б. Указ. соч. С. 480.

⁷² Веселовский С.Б. Указ. соч. С. 480-505, 41 и др.

⁷³ Веселовский С.Б. Указ. соч. С. 506; Ключевский В.О. Указ. соч. Кн. 1. С. 454-456; Шватченко О.А. Указ. соч. С. 139-140; Зимин А.А. Указ. соч. С. 28, 55-56.

⁷⁴ См. Шватченко О.А. Указ. соч. С. 139-170. Перечислены лишь те фамилии, которые владели имениями в ЦЧР в 1-й половине XVIII в.

⁷⁵ Веселовский С.Б. Указ. соч. С. 223-226, 332-337; Шватченко О.А. Указ. соч. С. 202-205.

⁷⁶ Веселовский С.Б. Указ. соч. С. 45, 46, 196, 202, 203, 259; Павлов А.П. Указ. соч. С. 16, 18, 40, 53, 64-66, 70, 109, 115, 117, 118, 193, 201; Шватченко О.А. Указ. соч. С. 151, 156-158, 163-164.

⁷⁷ РГАДА. Ф. 1209. Алф. 664. Л. 113-118 об.

⁷⁸ Жена Иоанна V Алексеевича (Прасковья Федоровна) — урожденная Салтыкова.

⁷⁹ Дворянство. С. 36, 76.

⁸⁰ РГАДА. Ф. 248. Д. 1163. Ч. 2. Л. 558, 646, 651, 667, 671 об.-672, 685 об., 697 об., 723 об., 736, 752 об., 753 об., 784 об., 793, 800 об., 830.

⁸¹ Списки титулованным родам. С. 176.

⁸² Павлов А.П. Указ. соч. С. 16, 18, 27, 31, 39, 40, 65, 66, 70, 74, 75, 97, 110, 115-117, 191, 192, 201; Шватченко О.А. Указ. соч. С. 154, 156-158, 161; Веселовский С.Б. Указ. соч. С. 115, 148, 156, 159-161, 228; Стольник П.В. Шереметев возможно к концу XVII века находился в чине боярина.— Ср.: РГАДА. Ф. 1209. Алф. 664. Л. 154-159.

⁸³ Списки титулованным родам. С. 191.

⁸⁴ Дворянство. С. 37.

⁸⁵ Долгоруков П. Указ. соч. Ч. 3. С. 500-501; Знаменитые россияне XVIII-XIX веков: Биографии и портреты. СПб., 1996. (далее: Знаменитые россияне.). С. 385-386; Щепетов К.Н. Из жизни крепостных крестьян России XVIII-XIX веков. М., 1963. С. 11.

⁸⁶ Веселовский С.Б. Указ. соч. С. 442, 443, 446, 448, 449; Павлов А.П. Указ. соч. С. 25, 27, 30, 31, 34-35, 37, 47, 54, 112, 127, 216, 229; Шватченко О.А. Указ. соч. С. 143-144, 165-166; РГАДА. Ф. 1209. Алф. 664. Л. 26-30.

⁸⁷ Списки титулованным родам. С. 129-130; Долгоруков П. Указ. соч. Ч. 3. С. 108.

⁸⁸ Двор русских императоров в его прошлом и настоящем. СПб., 1900. (далее: Двор русских императоров.). С. 162, 185, 202; Долгоруков П. Указ. соч. Ч. 3. С. 108-109.

⁸⁹ Дворянство. С. 34, 48.

⁹⁰ РГАДА. Ф. 1209. Алф. 661. Л. 428-431 об.; Алф. 664. Л. 26-30.

⁹¹ Павлов А.П. Указ. соч. С. 16, 17, 39, 40, 53, 61, 64, 65, 96, 109, 114, 116-118, 123, 139, 196; Шватченко О.А. Указ. соч. С. 141-142, 156-158, 164-165.

⁹² Павлов А.П. Указ. соч. С. 26, 123.

⁹³ Дворянство. С. 34, 44.

⁹⁴ Павленко Н.И. Птенцы гнезда Петрова. М., 1994. С. 95, 256, 388 и др.

⁹⁵ Двор русских императоров. С. 174; Списки титулованным родам. С. 121-122; Знаменитые россияне. С. 136-138.

⁹⁶ РГАДА. Ф. 447. Оп. 1. Д. 541. Л. 7 об.

⁹⁷ Павлов А.П. Указ. соч. С. 109-110, 112-114, 116, 118, 122, 132-133, 148; Шватченко О.А. Указ. соч. С. 143, 168. См. также: РГАДА. Ф. 1209. Алф. 664. Л. 15 об.-17.

⁹⁸ Дворянство. С. 34, 46.

⁹⁹ Женат на двоюродной сестре императора А.Л. Нарышкиной.— Лобанов-Ростовский А.Б. Русская родословная книга. Т. 2. СПб., 1895. С. 8. Двор русских императоров. С. 163; РГАДА. Ф. 248. Д. 1360. Л. 61 об.

¹⁰⁰ Индова Е.И. К вопросу о дворянской собственности... С. 284, 290.

¹⁰¹ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 954. Л. 5861-5884; Д. 993. Л. 56-62.

¹⁰² РГАДА. Ф. 248. Д. 1163. Ч. 1. Л. 392 об., 424, 528 об.; Ч. 2. Л. 723, 737.

¹⁰³ Павлов А.П. Указ. соч. С. 17-18, 64-66, 74, 75, 112-116, 118, 121, 122, 124, 127, 133, 134, 138, 143, 148, 199; Шватченко О.А. Указ. соч. С. 150, 156-158, 164. Ср.: РГАДА. Ф. 1209. Алф. 664. Л. 101-103; Веселовский С.Б. Указ. соч. С. 39, 45, 66, 67, 98-102, 106, 121, 123-126, 130, 135, 136, 139.

¹⁰⁴ Шватченко О.А. Указ. соч. С. 276.

¹⁰⁵ Дворянство. С. 36, 74.

¹⁰⁶ РГАДА. Ф. 248. Д. 1163. Ч. 1. Л. 223 об., Л. 392 об., 174 об.; Ч. 2. Л. 654, 666, 747, 771 об., 841.

¹⁰⁷ Вдова царя Иоанна V Алексеевича.

¹⁰⁸ Индова Е.И. К вопросу о дворянской собственности... С. 288, 290.

¹⁰⁹ По I ревизии см.: РГАДА. Ф. 248. Д. 1163. Ч. 1. Л. 174 об., 223 об., 392 об.; Ч. 2. Л. 654, 666, 747, 771 об., 841.

¹¹⁰ Веселовский С.Б. Указ. соч. С. 42, 88, 91, 98, 101, 482; Шватченко О.А. Указ. соч. С. 173, 182, 259, 272.

¹¹¹ Списки титулованным родам. С. 159; РГАДА. Ф. 1209. Алф. 664. Л. 72-72 об.

¹¹² Троицкий С.М. О скупке земель А.Д. Меншиковым, А.В. Макаровым и И.А. и П.И. Мусиными-Пушкиными // Вопросы аграрной истории Центра и Северо-Запада РСФСР. Смоленск, 1972. С. 88-89, 97.

¹¹³ Дворянство. С. 35, 67.

¹¹⁴ РГАДА. Ф. 248. Д. 1163. Ч. 1. Л. 223, 247 об., 529 об.

¹¹⁵ Троицкий С.М. О скупке земель... С. 97-99. Конфискованы в 1740 г. (412 душ м.п.).— Индова Е.И. Дворцовое хозяйство... С. 62.

¹¹⁶ Двор русских императоров. С. 171, 188, 191, 199.

¹¹⁷ Шватченко О.А. Указ. соч. С. 166.

¹¹⁸ Шватченко О.А. Указ. соч. С. 152-153, 167; Павлов А.П. Указ. соч. С. 31, 45; Водарский Я.Е. Правящая группа светских феодалов в России в XVII в. // Дворянство и крепостной строй России XVI-XVIII вв. М., 1975. С. 77, 100; РГАДА. Ф. 1209. Алф. 664. Л. 119 об.-124 об.

¹¹⁹ Дворянство. С. 36, 79.

¹²⁰ РГАДА. Ф. 248. Д. 1163. Ч. 1. Л. 160 об., 315, 435; Ч. 2. Л. 651 об., 659 об., 673, 684 об., 785.

¹²¹ По I ревизии см.: примечание 120.

¹²² Веселовский С.Б. Указ. соч. С. 89, 143-146, 484; Павлов А.П. Указ. соч. С. 36, 37, 45, 54, 93, 123, 241, 242; Шватченко О.А. Указ. соч. С. 139-140, 146, 267.

¹²³ Дворянство. С. 35, 59.

¹²⁴ РГАДА. Ф. 248. Д. 1163. Ч. 1. Л. 258, 380, 383, 396, 425 об., 512, 519 об., 528 об.; Ч. 2. Л. 603, 612, 658 об., 734 об., 735, 786 об., 797; Ф. 453. Оп. 1. Д. 2095. Л. 15, 16, 18, 18 об.; Ф. 248. Оп. 109. Д. 158. Л. 833; Оп. 117. Д. 1464. Л. 5 об., 23 об., 46; Ф. 447. Оп. 1. Д. 541. Л. 27; Ф. 350. Оп. 2. Д. 324. Л. 251; Д. 993. Л. 836-844 об.; Д. 1366. Л. 197 об-198; Д. 1938. Ч. 2. Л. 1266-1270 об.; Д. 1939. Л. 339-359, 360-377 об.; Д. 1940. Л. 351-364; Д. 2879. Ч. 2. Л. 988-1008 об.

¹²⁵ Веселовский С.Б. Указ. соч. С. 188-193; Павлов А.П. Указ. соч. С. 16, 18, 27, 33, 39, 40, 50, 52, 53, 56, 62, 64, 65, 68, 93, 109, 115-118, 132, 138, 188-190, 201, 217, 227; Шватченко О.А. Указ. соч. С. 140, 151, 169, 277.

¹²⁶ Дворянство. С. 76.

¹²⁷ РГАДА. Ф. 248. Д. 1163. Ч. 1. Л. 240, 264 об., 266 об., 267, 269; Ч. 2. Л. 683, 746 об.

¹²⁸ РГАДА. Ф. 248. Оп. 117. Д. 1464. Л. 92; Ф. 350. Оп. 2. Д. 409. Л. 478-487 об., 490-494 об.; Д. 570. Л. 82-84 об.; Д. 572. Л. 550-553; Д. 1363. Л. 34-37, 39 об-40, 81-84 об.; Д. 1366. Л. 65-66 об., 226 об-238, 227-234; Д. 1708. Л. 594-596; Д. 1905. Л. 66-99 об.; Д. 2881. Л. 291-296, 339-346 об.; Ф. 447. Оп. 1. Д. 541. Л. 11 об., 52; Ф. 453. Оп. 1. Д. 2095. Л. 36 об., 37 об., 38, 39 об.

¹²⁹ Павлов А.П. Указ. соч. С. 63, 118, 121, 124, 138, 235, 237; Шватченко О.А. Указ. соч. С. 147, 269; РГАДА. Ф. 1209. Алф. 661. Л. 1059 об.-1066; Алф. 664. Л. 58-58 об.

¹³⁰ Дворянство. С. 35, 62.

¹³¹ РГАДА. Ф. 1209. Алф. 661. 1059 об.-1066; Алф. 664. Л. 58-58 об.; Ф. 453. Оп. 1. Д. 2095. Л. 20; Ф. 248. Д. 1163. Ч. 1. Л. 195 об., 228 об., 236, 236 об., 298 об., 310, 310 об., 312 об., 316, 388 об.; Ч. 2. Л. 601, 646 об., 658 об., 736 об.; Оп. 109. Д. 158. Л. 824 об.; Оп. 117. Д. 1464. Л. 22, 50 об., 81 об., 83 об., 120 об., 122 об.; Ф. 447. Оп. 1. Д. 541. Л. 55-55 об.; Ф. 350. Оп. 2. Д. 568. Л. 245-245 об.; Д. 955. Л. 346-350; Д. 1905. Л. 446-451 об.; Д. 1299. Л. 263-266 об.; Д. 1937. Л. 33-36 об.; Д. 2880. Л. 458-458 об.

¹³² РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1299. Л. 263-266 об.; Ф. 453. Оп. 1. Д. 2095. Л. 20.

¹³³ Шватченко О.А. Указ. соч. С. 146-147, 157-158, 168.

¹³⁴ Мать Натальи Кирилловны Нарышкиной (Анна Леонтьевна) была из рода Леонтьевых. – Лобанов-Ростовский А.Б. Указ. соч. Т. 2. С. 6-7.

¹³⁵ РГАДА. Ф. 248. Д. 1163. Ч. 1. Л. 248; Ч. 2. Л. 561, 576 об., 580, 592 об., 604, 697; Ф. 1209. Алф. 661. Л. 1090-1096 об.; Алф. 664. Л. 54-55 об.

- ¹³⁶ Лобанов-Ростовский А.Б. Указ. соч. Т. 1. С. 324-325.
- ¹³⁷ Дворянство. С. 35, 63.
- ¹³⁸ Павлов А.П. Указ. соч. С. 17, 112-116, 122, 124; Шватченко О.А. Указ. соч. С. 145-146, 165, 168; Водарский Я.Е. Правящая группа... С. 77, 89. В 1634 г. А.В. Измайлов и М.Б. Шеин были обвинены в измене и казнены.— Соловьев С.М. Указ. соч. Т. 9. // Сочинения. Кн. V. М., 1995. С. 182-183.
- ¹³⁹ Дворянство. С. 35, 55.
- ¹⁴⁰ Павлов А.П. Указ. соч. С. 27, 39, 53, 65, 114-116, 121, 122, 147, 199; Шватченко О.А. Указ. соч. С. 141, 167, 258; История родов. Кн. 2. С. 193; РГАДА. Ф. 1209. Алф. 661. Л. 152-159.
- ¹⁴¹ Дворянство. С. 42.
- ¹⁴² Ключевский В.О. Указ. соч. Кн. 2. С. 77, 187-189.
- ¹⁴³ Шватченко О.А. Указ. соч. С. 171-172, 212.
- ¹⁴⁴ Шватченко О.А. Указ. соч. С. 200, 209, 229; В данную группу не включены дворяне Соловцевы, не имевшие в 1-й половине XVIII в. владений в ЦЧР. К перечню, представленному О.А. Шватченко, добавлены Лопухины, которые являлись крупными вотчинниками и сидели в конце XVII в. в Думе.— Шватченко О.А. Указ. соч. С. 180, 270; История родов. Кн. 2. С. 32; Водарский Я.Е. Правящая группа... С. 77, 91.
- ¹⁴⁵ Шватченко О.А. Указ. соч. С. 182, 194-195, 204-205, 209, 272; Лобанов-Ростовский А.Б. Указ. соч. Т. 2. С. 6-8; РГАДА. Ф. 1209. Алф. 664. Л. 75 об.-81 об.
- ¹⁴⁶ Дворянство. С. 35.
- ¹⁴⁷ РГАДА. Ф. 1209. Алф. 664. Л. 75 об.-81 об.
- ¹⁴⁸ РГАДА. Ф. 248. Д. 1163. Ч. II. Л. 633-633об., 634 об.-635 об., 691-691 об., 737-737 об.
- ¹⁴⁹ Лобанов-Ростовский А.Б. Указ. соч. Т. 2. С. 8. Капитан флота И.Л. Нарышкин умер в 1734 г.— Там же.

¹⁵⁰ РГАДА. Ф. 1209. Алф. 664. Л. 75 об.-81 об.; Ф. 248. Д. 1163. Ч. 2. Л. 811; Лобанов-Ростовский А.Б. Указ. соч. Т. 2. С. 9.

¹⁵¹ Шватченко О.А. Указ. соч. С. 180, 270; История родов. Кн. 2. С. 32. См. также: РГАДА. Ф. 1209. Алф. 661. Л. 1125 об.-1129; Алф. 664. Л. 58 об.-62 об.

¹⁵² Дворянство. С. 35, 63.

¹⁵³ Индова Е.И. К вопросу о дворянской собственности... С. 287; Двор русских императоров. С. 173, 203, 218; РГАДА. Ф. 248. Оп. 117. Д. 1464. Л. 23 об., 83.

¹⁵⁴ Павлов А.П. Указ. соч. С. 122; Шватченко О.А. Указ. соч. С. 188-189, 193-195, 206-207, 209; РГАДА. Ф. 1209. Алф. 662. Л. 822 об.-829 об.; Алф. 664. Л. 140 об.-141.

¹⁵⁵ Двор русских императоров. С. 163, 182. В 1762 г. в камер-юнкеры пожалован лейб-гвардии конного полка секунд-ротмистр, участник переворота 1762 г. – Ф.А. Хитрово.– Там же. С. 204.

¹⁵⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 117. Д. 1464. Л. 83.

¹⁵⁷ См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 117. Д. 1464. Л. 15 об., 45 об., 50, 53, 56, 58, 77, 80, 82-83, 85-85 об., 89 об.-90, 91-91 об., 98, 102, 103, 117, 121; Ф. 350. Оп. 2. Д. 322. Л. 366-366 об.; Д. 324. Л. 105-107; Д. 408. Л. 52-53 об.; Д. 409. Л. 243-264, 603-611, 679-684, 697-697 об.; Д. 410. Л. 184-187, 199-202, 230-235 об.; Д. 998. Л. 143-148, 149; Д. 1736. Л. 383-383 об., 434-437 об., 673, 675-678 об., 848-849; Д. 1737. Л. 841 об.-843; Д. 1738. Ч. 1. Л. 2-6, 33 об.-36; Д. 1739. Л. 556-567 об., 968 об.-976; Д. 1904. Ч. 2. Л. 619-620 об.; Д. 1905. Л. 128-132; Д. 2355. Ч. 2. Л. 949-950 об.; Д. 2879. Ч. 1. Л. 47-48; Д. 2881. Л. 175-180 об.

¹⁵⁸ Дворянство. С. 36, 85.

¹⁵⁹ Шватченко О.А. Указ. соч. С. 180-181, 193-194, 202, 271; Лобанов-Ростовский А.Б. Указ. соч. Т. 1. С. 368; РГАДА. Ф. 1209. Алф. 664. Л. 67-69.

¹⁶⁰ Дворянство. С. 35, 65.

¹⁶¹ РГАДА. Ф. 248. Д. 1163. Ч. 1. Л. 435 об., 447; Ч. 2. Л. 653 об., 654, 664 об., 667, 729, 771 об., 791 об.

¹⁶² РГАДА. Ф. 447. Оп. 1. Д. 541. Л. 55-55 об.; Списки титулованным родам. С. 154; Двор русских императоров. С. 187; Лобанов-Ростовский А.Б. Указ. соч. Т. 1. С. 369-370; Знаменитые россияне. С. 44-46.

¹⁶³ РГАДА. Ф. 453. Оп. 1. Д. 2094. Л. 12 об.; Д.2095. Л. 25 об.; Лобанов-Ростовский А.Б. Указ. соч. Т. 1. С. 371; Т. 2. С. 10.

¹⁶⁴ Веселовский С.Б. Указ. соч. С. 67, 136; Водарский Я.Е. Правящая группа... С. 77, 99; Шватченко О.А. Указ. соч. С. 186, 205, 278.

¹⁶⁵ РГАДА. Ф.248. Оп. 117. Д. 1464. Л. 82 об.

¹⁶⁶ Веселовский С.Б. Указ. соч. С. 359; Павлов А.П. Указ. соч. С. 40, 53, 64, 103, 114-116, 148, 198; Шватченко О.А. Указ. соч. С. 185, 276. Ср.: РГАДА. Ф. 1209. Алф. 664. Л. 107-108.

¹⁶⁷ См.: 1700 г. – РГАДА. Ф. 1209. Алф. 662. Л. 494 об.-498 об.; Алф. 664. Л. 107-108; I ревизия – РГАДА. Ф. 248. Д. 1163. Ч. 1. Л. 235 об., 245, 245 об., 264, 264 об., 266-267, 268, 269, 271 об.-273, 274-276 об., 315, 388; Ч. 2. Л. 579, 605, 607 об., 611 об., 786; III ревизия – РГАДА. Ф. 248. Оп. 117. Д. 1464. Л. 29, 51, 58, 84, 88, 90, 92; Ф. 350. Оп. 2. Д. 409. Л. 140-163, 164-171, 203-242, 601-602 об.; Д. 410. Л. 158-181, 198-198 об., 256-294 об.; Д. 955. Л. 180-193 об.; Д. 1903. Л. 469 об-472; Д. 1904. Ч. 1. Л. 208-217 об.; Д. 1938. Ч. 1. Л. 28-40; Ф. 453. Оп. 1. Д. 2095. Л. 32 об., 33.

¹⁶⁸ Дворянство. С. 36, 75.

¹⁶⁹ См. примечание 167

¹⁷⁰ По данным Табели 1737-38 гг. по Болховскому и Орловскому уездам на время I ревизии числилось 3787 душ м.п. из общего числа 4407 по ЦЧР (данные по Карачевскому уезду отсутствуют).– См. примечание 167 (I ревизия).

¹⁷¹ РГАДА. Ф. 248. Д. 1163. Ч. 1. Л. 266 об., 267, 269, 272, 275 об., 388; Ф. 350. Оп. 2. Д. 409. Л. 51-98 об.

¹⁷² РГАДА. Ф.248. Оп. 117. Д. 1464. Л. 58; Ф. 350. Оп. 2. Д. 409. Л. 601-602 об.; Д. 410. Л. 158-181, Л. 198-198 об., 256-294 об.

¹⁷³ Павлов А.П. Указ. соч. С. 148; Шватченко О.А. Указ. соч. С. 177; РГАДА. Ф. 1209. Алф. 661. Л. 689 об.-696 об.

¹⁷⁴ Дворянство. С. 54.

¹⁷⁵ РГАДА. Ф. 1209. Алф. 661. Л. 689 об.-696 об.

¹⁷⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 117. Д. 1464. Л. 5, 51, 80 об.

¹⁷⁷ Павлов А.П. Указ. соч. С. 61, 118, 122, 125, 148, 241; Шватченко О.А. Указ. соч. С. 196, 272; РГАДА. Ф. 1209. Алф. 662. Л. 158-166 об.

¹⁷⁸ Дворянство. С. 68.

¹⁷⁹ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1364. Л. 200-279.

¹⁸⁰ Дворянство. С. 34, 39.

¹⁸¹ Списки титулованным родам. С. 114-115; РГАДА. Ф. 1209. Д. 664. Л. 1 об.-2 об. По другим данным, Ф.М. Апраксину графский титул был пожалован в 1710 г.— Список пожалований графского и княжеского Российской империи достоинств за время от Петра Великого по 1881 год. СПб., 1889. (далее: Список пожалований). С. 2-3. Ф.М. Апраксин был братом 2-й жены царя Федора Алексеевича — М.М. Апраксиной.— История родов. Кн. 2. С. 67. При Петре I гр. Апраксин в разное время также занимал посты президента Адмиралтейской коллегии, генерал-губернатора Азовской губернии. В 1726-1728 гг. входил в Верховный тайный совет.— Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. С. 83, 88, 99; Долгоруков П. Указ. соч. Ч. 2. С. 115.

¹⁸² П.М. Апраксин, граф (с 1709 г.), боярин, действительный тайный советник; А.М. Апраксин, граф (с 1722 г.), генерал-майор, действительный статский советник, обер-шенк.— Долгоруков П. Указ. соч. Ч. 2. С. 115; Списки титулованным родам. С. 114-115.

¹⁸³ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Ч. 5. Д. 3604. Л. 40-40 об.

¹⁸⁴ Шватченко. О.А. Указ. соч. С. 87, 119, 150, 160; Важинский В.М. Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII веке. Воронеж, 1974. С. 59.

¹⁸⁵ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Ч. 5. Д. 3604. Л. 40.

¹⁸⁶ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1708. Л. 669-958 об.; Долгоруков П. Указ. соч. Ч. 2. С. 116. М.Е. Ласунский – активный участник переворота 1762 г.– Материалы по истории СССР. Вып. 5. М., 1989. С. 39; Двор русских императоров. С. 186.

¹⁸⁷ Индова Е.И. Дворцовое хозяйство... С. 75. По другим данным, село Брасово было пожаловано С.Ф. Апраксину правительницей Анной Леопольдовной.– Знаменитые россияне. С. 233-234.

¹⁸⁸ РГАДА. Ф. 248. Оп. 117. Д. 1464. Л. 126.

¹⁸⁹ Шватченко О.А. Указ. соч. С. 175, 262.

¹⁹⁰ Дворянство. С. 34, 48.

¹⁹¹ РГАДА. Ф. 1209. Алф. 664. Л. 30-30 об.

¹⁹² Ерошкин Н.П. Указ. соч. С. 84, 99, 100; Списки титулованным родам. С. 130; Лобанов-Ростовский А.Б. Указ. соч. Т. 1. С. 161.

¹⁹³ РГАДА. Ф. 248. Д. 1163. Ч. 1. Л. 131 об., 221 об., 223, 258, 300 об. См. также: Индова Е.И. Дворцовое хозяйство... С. 70; Она же. К вопросу о дворянской собственности... С. 283, 289.

¹⁹⁴ Лобанов-Ростовский А.Б. Указ. соч. Т. 1. С. 161-162; Двор русских императоров. С. 172.

¹⁹⁵ Алефиренко П.К. Крупное вотчинное хозяйство графа М.Г. Головкина в России первой половины XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы (далее: ЕАИВЕ). 1959 г. М., 1961. С. 137-152.

¹⁹⁶ Материалы по истории СССР. Вып. 4. М., 1988. С. 7.

¹⁹⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп. 117. Д. 1464. Л. 18 об.; Лобанов-Ростовский А.Б. Указ. соч. Т. 1. С. 161, 162.

¹⁹⁸ Павлов А.П. Указ. соч. С. 139; Шватченко О.А. Указ. соч. С. 187, 280; Павленко Н.И. Указ. соч. С. 198, 199.

¹⁹⁹ Дворянство. С. 82.

²⁰⁰ Списки титулованным родам. С. 184-185; Ерошкин Н.П. Указ. соч. С. 85-87, 99.

²⁰¹ РГАДА. Ф. 248. Д. 1163. Ч. 1. Л. 105 об., 177, 192, 201, 221, 222 об., 224, 314 об., 316, 395 об., 433, 435 об., 437 об., 461, 462 об., 492 об.; Ч. 2. Л. 588, 602 об., 606, 682 об., 683. По России гр. П.А. Толстой к 1727 г. владел 12521 душой м.п.– Павленко Н.И. Указ. соч. С. 255. В Табели 1737-38 гг. в двух вотчинах по Данковскому и Орловскому уездам за ним числится 291 душа м.п.– См.: РГАДА. Ф. 248. Д. 1163. Ч. 1. Л. 224, 437 об.

²⁰² Списки титулованным родам. С. 184-185; Павленко Н.И. Указ. соч. С. 274-278.

²⁰³ Индова Е.И. К вопросу о дворянской собственности... С. 284; Списки титулованным родам. С. 184-185.

²⁰⁴ Шватченко О.А. Указ. соч. С. 38, 188, 281; РГАДА. Ф. 1209. Алф. 662. Л. 793 об.-800 об.

²⁰⁵ Дворянство. С. 84.

²⁰⁶ Павленко Н.И. Указ. соч. С. 255; Ерошкин Н.П. Указ. соч. С. 86-87.

²⁰⁷ Индова Е.И. Дворцовое хозяйство... С. 72; Ерошкин Н.П. Указ. соч. С. 107-108. Чин см.: РГАДА. Ф. 248. Д. 1163. Ч. 1. Л. 222 об.

²⁰⁸ Есть вариант написания: село Радогожец.– РГАДА. Ф. 248. Д. 1163. Ч. 1. Л. 332 об.

²⁰⁹ Списки титулованным родам. С. 188; Список пожалований. С. 16-17; Знаменитые россияне. С. 234.

²¹⁰ Видимо, после его смерти в 1747 г.

²¹¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 109. Д. 158. Л. 837 об., 842; Оп. 117. Д. 1464. Л. 54 об., 82 об., 109, 114 об., 127; Ф. 350. Оп. 2. Д. 954. Л. 5729-5739; Д. 955. Л. 394-401; Д. 956. Л. 376-380, 757-758; Д. 998. Л. 306-311; Д. 1681. Л. 1-3 об., 5, 218-219 об.; Д. 1682. Л. 628-629 об.; Д. 1736. Л. 419 об.; Д. 2879. Ч. 2. Л. 714-720 об.; Д. 2882. Л. 72-73; Д. 4179. Л. 562, 571-572; Ф. 453. Оп. 1. Д. 2095. Л. 44 об.

²¹² История родов. Кн. 2. С. 53-54; Анисимов Е.В. Податная реформа Пет-

ра I. Л., 1982. С. 83, 295; Полное собрание законов Российской империи, с 1649 г. СПб., 1830. (далее: ПСЗ). Т. VI. № 3901.

²¹³ Дворянство. С. 86.

²¹⁴ РГАДА. Ф. 248. Д. 1163. Ч. 1. Л. 114 об., 169, 194 об., 210 об., 272 об., 385 об., 386, 445, 460, 477а об., 478, 501, 502 об.; Ч. 2. Л. 540 об., 556 об., 559 об., 560, 789, 799 об., 802 об.

²¹⁵ Двор русских императоров. С. 217; Лобанов-Ростовский А.Б. Указ. соч. Т. 2. С. 355; Знаменитые россияне. С. 223.

²¹⁶ Списки титулованным родам. С. 190.

²¹⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп. 117. Д. 1464. Л. 126.

²¹⁸ Дворянство. С. 39.

²¹⁹ Двор русских императоров. С. 159, 171, 216; Знаменитые россияне. С. 183. А.В. Алсуфьев сохраняет высокое положение в царствование Петра III и Екатерины II.— Знаменитые россияне. С. 183.

²²⁰ РГАДА. Ф. 248. Д. 1163. Ч. 2. Л. 592, 682 об.

²²¹ Веселовский С.Б. Указ. соч. С. 39, 40, 42, 54.

²²² Дворянство. С. 56.

²²³ Индова Е.И. К вопросу о дворянской собственности... С. 283; Она же. Дворцовое хозяйство... С. 70.

²²⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 117. Д. 1464. Л. 18 об., 28 об., 56, 81 об.

²²⁵ Двор русских императоров. С. 202; Знаменитые россияне. С. 912; РГАДА. Ф. 248. Оп. 117. Д. 1464. Л. 18 об.

²²⁶ Записки А.П. Ермолова. М., 1991. С. 437.

²²⁷ По данным Е.И. Индовой, крупные вотчины в ЦЧР были пожалованы и самому Ф.Я. Дубенскому, однако нами они не учитывались, поскольку принадлежали духовному лицу.— Индова Е.И. К вопросу о дворянской собственности... С. 279, 285, 292; Она же. Дворцовое хозяйство... С. 78.

²²⁸ РГАДА. Ф. 248. Д. 1163. Ч. 1. Л. 131; Ч. 2. Л. 559, 592 об., 605, 620 об.

²²⁹ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1361. Л. 159-183 об.; Д. 1362. Л. 251 об-255, 826-829; Д. 1364. Л. 285-301, 303-320; Д. 1365. Л. 193-200 об., 203-228 об., 313 об.-314 об., 418-420, 443-455.

²³⁰ РГАДА. Ф. 1209. Алф. 662. Л. 935 об.-938 об.; Шватченко О.А. Указ. соч. С. 283; Лобанов-Ростовский А.Б. Указ. соч. Т. 2. С. 386.

²³¹ Дворянство. С. 88.

²³² Лобанов-Ростовский А.Б. Указ. соч. Т. 2. С. 386; Знаменитые россияне. С. 124-125.

²³³ Двор русских императоров. С. 164; См. также: Индова Е.И. К вопросу о дворянской собственности... С. 283.

²³⁴ РГАДА. Ф. 248. Д. 1163. Ч. 1. Л. 511; Ч. 2. Л. 590 об., 592, 693.

²³⁵ Двор русских императоров. С. 164.

²³⁶ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1903. Л. 558-561 об.; Д. 2879. Ч. 1. Л. 197-203 об.; Ф. 248. Д. 1163. Ч. 1. Л. 511 об. С.А. Шепелев в чине генерал-майора в середине 40-х гг.; на время I ревизии – капитан лейб-гвардии Преображенского полка.

²³⁷ Павлов А.П. Указ. соч. С. 23, 124, 236, 238.

²³⁸ По данным уездов ЦЧР. Чин капитана имели только А. и Г. Сафоновы. – РГАДА. Ф. 248. Д. 1163. Ч. 1. Л. 480 об. Ч. 2. Л. 734 об.

²³⁹ Двор русских императоров. С. 183, 220; Лобанов-Ростовский А.Б. Указ. соч. Т. 2. С. 218; Списки титулованным родам. С. 128-129.

²⁴⁰ См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 109. Д. 158. Л. 820; Оп. 117. Д. 1464. Л. 13, 19-20, 24, 45 об.-46, 47, 48 об.-49, 51, 52, 55, 59-60, 75, 85-85 об., 89, 95 об., 97 об., 107; Ф. 264. Оп. 2. Д. 37. Л. 979 об.; Ф. 350. Оп. 2. Д. 410. Л. 144-157; Д. 845. Л. 368-369 об., 389-393 об., 765-766, 767-768 об.; Д. 955. Л. 502-507; Д. 998. Л. 10-12 об.; Д. 1366. Л. 460-461 об., 471 об-473 об.; Д. 1737. Л. 82; Д. 2355. Ч. 1. Л. 342 об-343 об.; Ф. 447. Оп. 1. Д. 541. Л. 8 об., 51 об., 55-55 об.; Ф. 453. Оп. 1. Д. 2095. Л. 36 об.

²⁴¹ Шватченко О.А. Указ. соч. С. 277.

-
- ²⁴² Дворянство. С. 79.
- ²⁴³ РГАДА. Ф.248. Оп. 117. Д. 1464. Л. 24, 45 об.
- ²⁴⁴ История родов. Кн. 2. С. 172-173; Швагченко О.А. Указ. соч. С. 284.
- ²⁴⁵ Дворянство. С. 89.
- ²⁴⁶ История родов. Кн. 2. С. 172-173; Знаменитые россияне. С. 120, 122, 123.
- ²⁴⁷ ПСЗ. Т. XI. № 8666.
- ²⁴⁸ Списки титулованным родам. С. 192-193.
- ²⁴⁹ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2879. Ч. 1. Л. 148-196; Д. 1739. Л. 584-585 об.; Д. 569. Л. 538-578 об.; Ф. 248. Оп. 117. Д. 1464. Л. 15 об.; Знаменитые россияне. С. 110, 120-127, 234, 937, 950; Двор русских императоров. С. 158, 178, 182, 185, 223.
- ²⁵⁰ Воронцовы (родоначальник фамилии – Ф.В. Воронец, боярин при в. кн. Симеоне Гордом и малолетнем Дмитрие Ивановиче) вплоть до 1579 г. постоянно занимали боярские места в Думе.– Веселовский С.Б. Указ. соч. С. 16, 216, 219, 223-226, 493, 516. Швагченко О.А. Указ. соч. С. 140, 261; Павлов А.П. Указ. соч. С. 97, 198.
- ²⁵¹ Дворянство. С. 47.
- ²⁵² РГАДА. Ф. 248. Д. 1163. Ч. 1. Л. 173, 177 об., 184, 207, 363 об., 379 об., 406, 410, 419 об., 421, 432.
- ²⁵³ Списки титулованным родам. С. 126; Двор русских императоров. С. 177, 209; Знаменитые россияне. С. 29-31.
- ²⁵⁴ Пожалован вместе с братом И.И. Воронцовым (женат на М.А. Волынской – дочери кабинет-министра А.П. Волынского).– Списки титулованным родам. С. 126; Двор русских императоров. С. 181, 184; Знаменитые россияне. С. 37.
- ²⁵⁵ РГАДА. Ф.248. Оп. 109. Д.158. Л.844 об.; Ф. 350. Оп. 2. Д. 570. Л. 158-160 об.; Д. 1935. Л.775-778; Ф. 447. Оп. 1. Д. 541. Л. 50, 51; Ф. 453. Оп. 1. Д. 2095. Л. 7 об.

²⁵⁶ Списки титулованным родам. С. 118; Двор русских императоров. С. 166, 173, 182, 212; Знаменитые россияне. С. 103, 104, 892. Гр. М.П. Бестужев-Рюмин – также обер-гофмаршал.

²⁵⁷ РГАДА. Ф. 248. Д. 1163. Ч. 1. Л. 224.

²⁵⁸ 1700 г. – РГАДА. Ф. 1209. Алф. 662. Л. 933 об.-935 об.; I ревизия – РГАДА. Ф. 248. Д. 1163. Ч. 1. Л. 411.

²⁵⁹ См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 117. Д. 1464. Л. 15 об., 23, 25 об., 45 об., 49 об., 51, 77 об.-78, 84 об., 89-89 об., 91-91 об., 95 об., 96 об., 122, 123 об.; РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 322. Л. 591-591 об.; Д. 1736. Л. 764-767 об., 1101 об.-1109; Д. 1903. Л. 364-371 об., 592-595, 596-599 об., 614 об.-619 об., 635-645 об.; Д. 1904. Ч. 1. Л. 156-161, 308-315 об., 350-353 об., 371-381 об., 382 об.-395, 396-407 об., 409-417 об.; Ч. 2. Л. 575-587 об., 585-588, 589-598, 600-601, 757-762 об., 772-779 об., 781-792, 802 об.-813, 814-832, 836 об.-844 об.; Д. 1905. Л. 221-276 об., 337-345 об., 521-520; Д. 1906. Л. 50 об.-57 об., 59 об.-61 об.; Д. 2330. Л. 246-252; Д. 2333. Л. 155-160.

²⁶⁰ Шватченко О.А. Указ. соч. С. 283.

²⁶¹ Дворянство. С. 88.

²⁶² См. примечания 258 и 259.

²⁶³ Данные для расчетов см.: Водарский Я. Е. Население России в конце XVII-начале XVIII века. М., 1977. С. 95; Переписи населения России. Вып. III. М., 1972. С. 266. По ЦЧР, естественный прирост считается на 50 % выше общероссийского.– Бескровный Л.Г., Водарский Я.Е., Кабузан В.М. Миграции населения в России в XVII-начале XX вв. // Проблемы исторической демографии СССР. Томск, 1980. С. 26-32.

²⁶⁴ Лобанов-Ростовский А.Б. Указ. соч. Т. 1. С. 233-234; Русский биографический словарь. [Т. 8] СПб., 1897. С. 468, 470-471; Списки титулованным родам. С. 45; ПСЗ. Т. VIII. № 6052.

²⁶⁵ РГАДА. Ф. 248. Д. 1163. Ч. I. Л. 333-333 об. По III ревизии слоб. Дмитровка указана как село.– Там же. Ф. 248. Оп. 117. Д. 1464. Л. 126.

²⁶⁶ Лобанов-Ростовский А.Б. Указ. соч. Т. 1. С. 234.

²⁶⁷ Двор русских императоров. С. 219; Русский биографический словарь. [Т. 8] СПб., 1897. С. 470; Долгоруков П. Указ. соч. Ч. 1. С. 289.

²⁶⁸ Пожалована гр. Н.Ф. Головину в 1732 г.; до этого находилась во владении гетмана И.С. Мазепы, затем – А.Д. Меншикова.– Петрова Л.И. Наделенность земель и скотом крестьян Курской вотчины в XVIII-XIX вв. // ЕАИВЕ. 1964 г. Кишинев, 1966. С. 375; История родов. Кн. 2. С. 87.

²⁶⁹ РГАДА. Ф. 248. Д. 1163. Ч. 1. Л. 218 об., 259 об., 261 об. Данными по Путивльскому уезду на 2-ю половину 20-начало 30-х гг. мы не располагаем.

²⁷⁰ См.: Списки титулованным родам. С. 10-11, 31-32; Долгоруков П. Указ. соч. Ч. 1. С. 10.

²⁷¹ Индова Е.И. Дворцовое хозяйство... С. 67.

²⁷² Списки титулованным родам. С. 121; Список пожалований. С. 4-5, 12-13; Ерошкин Н.П. Указ. соч. С. 85; РГАДА. Ф.248. Оп. 117. Д. 1464. Л. 64. См. также: Двор русских императоров. С. 222-223; Знаменитые россияне. С. 85, 894.

²⁷³ Павленко Н.И. Указ. соч. С. 75.

²⁷⁴ Троицкий С.М. Хозяйство крупного сановника России в первой четверти XVIII в. (по архиву князя А.Д. Меншикова) // Россия в период реформ Петра I. М., 1973. С. 218, 219, 220, 223; Он же. О скупке земель... С. 90.

²⁷⁵ Милюков П. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905. С. 405. Прим. 2. См. также: Петрова Л.И. Указ. соч. С. 375-385.

²⁷⁶ Павленко Н.И. Указ. соч. С. 281; Шватченко О.А. Указ. соч. С. 270.

²⁷⁷ РГАДА. Ф. 248. Д. 1163. Ч. 1. Л. 106.

²⁷⁸ РГАДА. Ф. 248. Оп. 117. Д. 1464. Л. 8, 32 об., 55, 72; Ф. 350. Оп. 2. Д. 568. Л. 582-589, 596-602 об.; Д. 1935. Л. 773-774 об.; Ф. 447. Оп. 1. Д. 541. Л. 43 об.; Ф. 453. Оп. 1. Д. 2095. Л. 26 об., 27.

²⁷⁹ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 998. Л. 94-97, 98-101.

- ²⁸⁰ Списки титулованным родам. С. 132-133; История родов. Кн. 2. С. 92-95.
- ²⁸¹ РГАДА. Ф. 248. Д. 1163. Ч. 1. Л. 246; Ч. 2. Л. 578.
- ²⁸² Индова Е.И. Дворцовое хозяйство... С. 78. Не исключено, что большая часть населения вотчины в Обоянском уезде – черкасы, не числившиеся по Белгородской губ.
- ²⁸³ Списки титулованным родам. С. 193; Двор русских императоров. С. 161, 184, 216-217; Ерошкин Н.П. Указ. соч. С. 76, 100.
- ²⁸⁴ РГАДА. Ф. 248. Д. 1163. Ч. 1. Л. 435.
- ²⁸⁵ Материалы по истории СССР. Вып. 4. М., 1988. С. 7.
- ²⁸⁶ Списки титулованным родам. С. 150-151, 155-156, 165, 245, 268; Двор русских императоров. С. 157, 159, 164, 175, 176, 217; История родов. Кн. 2. С. 119-122, 139-140.
- ²⁸⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп. 117. Д. 1464. Л. 23 об. По I ревизии гр. Скавронские владели в ЦЧР 124 душами м.п. – РГАДА. Ф. 248. Д. 1163. Ч. 2. Л. 594 об.
- ²⁸⁸ Списки титулованным родам. С. 128-129, 135-136, 178; Лобанов-Ростовский А.Б. Указ. соч. Т. 2. С. 218; Список пожалований. С. 6-7.
- ²⁸⁹ Списки титулованным родам. С. 171-172; Лобанов-Ростовский А.Б. Указ. соч. Т. 2. С. 152-153; Знаменитые россияне. С. 106-110.
- ²⁹⁰ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1708. Л. 756-853; Лобанов-Ростовский А.Б. Указ. соч. Т. 2. С. 153.
- ²⁹¹ Шватченко О.А. Указ. соч. С. 279; Дворянство. С. 79.
- ²⁹² Списки титулованным родам. С. 180, 256.
- ²⁹³ Двор русских императоров. С. 158, 173, 178, 187, 202, 215.
- ²⁹⁴ По ЦЧР у Строгановых в 1700 г. имений нет, по Табели 1737-38 гг. (I ревизия) – 2 души м.п. – РГАДА. Ф. 248. Д. 1163. Ч. 1. Л. 264.
- ²⁹⁵ В 1700 г. именьями в ЦЧР владели лишь Макаровы (9 душ м.п.).
- ²⁹⁶ Данные заимствованы из Алфавитов 1700 г. и материалов III ревизии.
- ²⁹⁷ См. приложение 20 и лист 102 настоящей работы.

²⁹⁸ См. выше по тексту главы, а также: Водарский Я.Е. Правящая группа... С. 76, 85-104.

²⁹⁹ Волынские, Вердеревские, кн. Долгоруковы, Лодыженские, Ляпуновы, Хрущовы. См.: Шватченко О.А. Указ. соч. Гл. 3, 4, 5.

³⁰⁰ См.: Шватченко О.А. Указ. соч. Гл. 3, 4, 5. К знати следует отнести князей рюрикава дома Борятинских, Волконских, Гагариных, татарских князей Мещерских, а также дворян Коробьиных, Хитрово и Хрущевых.

³⁰¹ См. выше по тексту, а также: Водарский Я.Е. Правящая группа... С. 84; Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. С. 166, 167, 188-198, 210, 211, 216-219, 284 и др.

³⁰² См.: Списки титулованным родам.; Список пожалований. Не указаны входившие в верхушку привилегированного сословия в XVII веке, Бутурлины, Головины, Матюшкины, Салтыковы, Шереметевы. Владения Ягужинских и Левенвольде в ЦЧР упоминаются только в материалах I ревизии.

³⁰³ Исключая те провинциальные роды, которые нами отнесены к «новой знати» (см. выше).

³⁰⁴ Указаны фамилии, владевшие более чем 1000 душ м.п. Представители 87 из 91 перечисленного рода, по данным Центрально-Черноземного региона, входили в 1762 г. в чиновную верхушку дворянского сословия. (Подсчитано по материалам III ревизии).

К заключению

¹ Важинский В.М. Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII веке: По материалам южных уездов России. Воронеж, 1974. С. 79.

² См.: Новосельский А.А. Распад землевладения служилого «города» в XVII в. (по десятиям) // Русское государство в XVII в. М., 1961. С. 231-253; Водарский Я.Е. Население России в конце XVII-начале XVIII века. М., 1977. С. 75-76.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ**Источники*****Архивные источники***

Российский государственный архив древних актов (РГАДА)

1. Проекты Межевой инструкции и писцового наказа 30-х гг. XVIII в. – Ф. 342. Оп. 1. Д. 34. Ч. 2. Л. 401-456 об.; Ф. 248. Оп. 13. Д. 746. Л. 311-336 об.
2. Херасков П. «Рассуждение ... каким образом государственное размежевание производить», 1765 г. – Ф. 248. Д. 6746. Л. 281-291.
3. Алфавиты к Сказкам Генерального двора 1700 г. – Ф. 1209. Алф. 661, 662, 664 (Сказки – Ф. 1209. Д. 6188, 6188 а, 6190, 6191, 6195.).
4. Табель рекрутского набора 1737-1738 гг. – Ф. 248. Д. 1163. Ч. 1, 2.
5. Материалы III ревизии:
 - а. Ведомости провинциальных прокуроров – Ф. 248. Оп. 109. Д. 158; Оп. 117. Д. 1464; Ф. 264. Оп. 2. Д. 37; Ф. 447. Оп. 1. Д. 541; Ф. 453. Оп. 1. Д. 2094, 2095.
 - б. Ревизские сказки – Ф. 350. Оп. 2. Д. 322, 324, 408-410, 568-572, 843-846, 952-956, 992-998, 1289-1292, 1299-1301, 1360-1367, 1500, 1676-1682, 1707, 1708, 1736-1739, 1903-1906, 1935-1941, 2330-2333, 2354-2355, 2876-2884, 2891, 3402-3404, 4060, 4064, 4074, 4177-4180.
6. Итоговые данные I ревизии – Ф. 248. Д. 1163. Ч. 2. Л. 1013 об.-1014.
7. Материалы Правительствующего Сената – Ф. 248. Д. 445, 450, 477, 482, 483, 691, 695, 697, 733, 740, 746, 760, 1201, 1345-1347, 1349-1351, 1354, 1355, 1360, 1365, 1366, 1369, 1370, 1373, 1378, 1379, 1383, 1899-1902, 2088-2091, 3082, 3188, 3629, 3676, 4342, 6740, 6741, 6744, 6746; Оп. 111. Д. 23.
8. Материалы однодворческих канцелярий, правлений и управителей – Ф. 1055. Оп. 1. Д. 30, 38, 200, 322, 352, 354, 356-358, 393, 803.
9. Материалы Герольдмейстерской конторы – Ф. 286. Оп. 2. Д. 6.
10. Материалы архива Оружейной палаты – Ф. 396. Оп. 2. Ч. 5. Д. 3604.
11. Материалы Вотчинной коллегии – Ф. 1209. Оп. 2. Д. 8857; Оп. 4. Ч. III. Д.

5266 / 212, 5713, 5768; Оп. 81. Д. 1.

12. Документы надсмотрщиков крепостных дел – Ф. 615. Д. 3065, 3095, 3158, 11489.
13. Материалы губернских и провинциальных учреждений – Ф. 406. Оп. 1. Д. 1414; Ф. 447. Оп. 1. Д. 641.

Архив Российской Академии Наук (Архив РАН), Москва

14. Ведомости о количестве частновладельческих имений по губерниям, III ревизия – Ф. 489 (В.И. Семевский). Оп. 1. Д. 259.

Опубликованные источники

15. Воронежский край в XVIII веке. Документы и материалы по истории края. / Сост. В.М. Проторчина. – Воронеж: Изд-во Воронежск. гос. ун-та (далее: ВГУ), 1980. – 176 с.
16. Дворянские роды внесенные в общий Гербовник Всероссийской империи. / Сост. гр. А. Бобринский. Ч. II. – СПб.: Типогр. М.М. Стасюлевича, 1890. – 795 с.
17. Документы по Межеванию 30-х гг. XVIII в. – Межевой вестник. – 1884. № 7. – С. 49-52; № 8. – С. 53-63.
18. Долгоруков П. Российская родословная книга. Ч. 1-4. – СПб.: Тип. К. Вингера, Тип. Э. Веймара, Тип. III отдел. С.Е.И.В.К., 1854-1857.
19. Законодательные акты Русского государства второй половины XVI-первой половины XVII в.: Тексты. – Л., 1986.
20. Законодательные акты Русского государства второй половины XVI-первой половины XVII века.: Комментарии. – Л.: Наука, 1987. – 262 с.
21. История родов русского дворянства. / Сост. П.Н. Петров. В 2-х кн. – М.: Современник, 1991.
22. Итоговые данные II-III ревизий – Переписи населения России. Итоговые материалы подворных переписей и ревизии населения России (1646-1858).

- Вып. III. – М.: Изд-во АН СССР, 1972. – С. 111-165.
23. Кабузан В.М. Изменения в размещении населения России в XVIII-первой половине XIX в. (по материалам ревизий). – М.: Наука, 1971.
24. Лобанов-Ростовский А.Б. Русская родословная книга. Т. 1-2. Изд. 2-е. – СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1895.
25. Материалы по истории СССР. Вып. 4. Социально-экономическое развитие России в первой половине XVIII в. / Под ред. А.Д. Горского. – М.: Высш. шк., 1988. – 319 с.
26. Материалы по истории СССР. Вып. 5. Социальный и сословный строй России во второй половине XVIII в. / Под ред. А.Д. Горского. – М.: Высш. шк., 1989. – 352 с.
27. Отписные книги (1 четверть XVIII в.) – Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII в. / Подгот. к печати К.В. Сивков. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 419 с.
28. Перечневые ведомости фамилий, упоминаемых в Алфавитах Сказок Генерального двора – Дворянство России и его крепостные крестьяне. XVIII-первая половина XVIII в. / Сост.: Я.Е. Водарский, О.А. Шватченко. – М.: Изд-во АН СССР, 1989. – С. 34-91. (оригиналы – РГАДА. Ф. 1209. Алф. 661. Л. 4-34 об; Алф. 664. Л. VII-VIII об.).
29. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 г. Т. I-XVII. – СПб.: Типогр. II отделения С.Е.И.В.К., 1830.
30. Проект нового Уложения, составленный законодательной комиссией 1754-1766 гг. (Часть III. «О состояниях подданных вообще»). / Под ред. В.Н. Латкина. – СПб.: Тип. СПб. одиночной тюрьмы, 1893. – С. 174-188.
31. Сборник Русского Исторического Общества. – СПб., Юрьев, 1888-1915. Т. 63, 104, 106, 108, 111, 114, 117, 120, 124, 126, 130, 138, 146.
32. Соборное Уложение 1649 года. Текст, комментарии. – Л.: Наука, 1987. – 448 с.
33. Списки титулованным родам и лицам Российской империи. – СПб.: Типогр.

Прав. Сената, 1892. – 290 + 3 с.

34. Список всем придворным чинам XVIII столетия по категориям и старшинству пожалования – Двор русских императоров в его прошлом и настоящем. В 4-х ч. / Сост. Н.Е. Волков. – СПб.: Печатня Р. Голике, 1900. – С. 157-230.
35. Список пожалований графского и княжеского Российской империи достоинств за время от Петра Великого по 1881 год. – СПб.: Типогр. МВД, 1889. – 71 с.

Литература

36. Алефиренко П.К. Крупное вотчинное хозяйство графа М.Г. Головкина в России первой половины XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы (далее: ЕАИВЕ). 1959 г. – М., 1961. – С. 137-152.
37. Она же. Отписная ведомость канцелярии конфискации как источник по истории помещичьего землевладения в России второй четверти XVIII в. // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. / Сб. статей к 70-летию А.А. Новосельского. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 307-309.
38. Анисимов Е.В. Податная реформа Петра I. Введение подушной подати в России. 1719-1728 гг. – Л.: Наука, 1982. – 296 с.
39. Барг М.А. О природе феодальной собственности // Вопросы истории. – 1978. № 7. – С. 84-104.
40. Белявский М.Т. Олнодворцы Черноземья (по их наказам в Уложенную Комиссию 1767-1768 гг.). – М.: Изд-во МГУ, 1984. – 269 с.
41. Бережная С.В. К вопросу об определении северной границы Слободжанщины (историографический и источниковедческий аспект) // Проблемы исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья и Запада России. Материалы VI научной конференции (Липецк, 21-22 апреля 1998 года). – Липецк, 1998. – С. 27-30.
42. Бескровный Л.Г., Водарский Я.Е., Кабузан В.М. Миграции населения в Рос-

- сии в XVII-начале XX вв. // Проблемы исторической демографии СССР. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1980. – С. 26-32.
43. Благовещенский Н.А. Четвертное право. – М.: Типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К^о, 1899. – 538 с.
44. Блюменфельд Г.Ф. О формах землевладения в древней России. – Одесса, 1884. – 346 с.
45. Богословский М.М. История России XVIII века (1725 г.-1796 г.). – М., 1915. – 375 с.
46. Буганов В.И., Преображенский А.А., Тихонов Ю.А. Эволюция феодализма в России. Социально-экономические проблемы. – М.: Мысль, 1980. – 342 с.
47. Бураковская Н.И. Вотчинные инструкции середины XVIII в. как источник по истории крепостного хозяйства (Характеристика инструкций Голицына 1767 г.) // Труды Московского государственного историко-архивного института. Т.16. – М., 1961. – С. 371-388.
48. Важинский В.М. Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII веке: По материалам южных уездов России.– Воронеж: Изд-во Воронежск. гос. пед. ин-та (далее: ВГПИ), 1974. – 236 с.
49. Он же. Сельское хозяйство в Черноземном Центре России в XVII веке. – Воронеж: Изд-во ВГПИ, 1983. – 84 с.
50. Васильчиков А. Землевладение и земледелие в России и других Европейских государствах. Т. 1. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1876. – 566 с.
51. Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – 840 с.
52. Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. – М.: Наука, 1969. – 584 с.
53. Виленский Б.В. Лекции по истории государства и права СССР. Ч. 1. – Саратов: Изд-во Саратовск. ун-та, 1985. – 224 с.
54. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. – Киев: Тип. И.Н. Кушнерева и К^о, 1888. – 542 с.

55. Он же. Обзор истории русского права. – Изд. 6-е. – СПб.: Изд-во Н.Я. Оглоблина, 1909. – 699 с.
56. Водарский Я.Е. Дворянское землевладение в России в XVII-первой половине XIX в. (размеры и размещение). – М.: Наука, 1988. – 303 с.
57. Он же. Задачи изучения региональной истории // Проблемы региональной истории России. Материалы Всероссийской конференции по региональной истории (Липецк. 23-24 декабря 1996 г.). Ч. 1. – Липецк, 1997. – С. 4-9.
58. Он же. Количество земли и пашни на душу мужского пола в Центрально-промышленном районе в XVII-XIX вв. // ЕАИВЕ. 1965 г. – М., 1970. – С. 237-245.
59. Он же. Население России в конце XVII-начале XVIII века (Численность, сословно-классовый состав, размещение) – М.: Наука, 1977. – 264 с.
60. Он же. Правящая группа светских феодалов в России в XVII в. // Дворянство и крепостной строй России XVI-XVIII вв. / Сб. ст. посв. памяти А.А. Новосельского. – М.: Наука, 1975. – С. 70-107.
61. Он же. Рост распаханности Черноземного Центра России в XVII-первой половине XVIII века // Историческая география Черноземного центра России (дооктябрьский период). Межвузовский сборник научных трудов. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1989. – С. 29-41.
62. Он же. Сводные источники о земельных угодьях у дворцовых крестьян в конце XVII в. и опыт реконструкции данных о количестве пахотной земли и сенокосов // ЕАИВЕ, 1971 г. – Вильнюс: Минтис, 1974. – С. 51-56.
63. Он же. Служилое дворянство в России в конце XVII-начале XVIII в. // Вопросы военной истории России. XVIII и первая половина XIX веков. – М.: Наука, 1969. – С. 233-250.
64. Воробьев В.М., Дегтярев А.Я. Русское феодальное землевладение от «Смутного времени» до кануна петровских реформ. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. – 199 с.
65. Ворожбитова М.В. Документы канцелярии конфискации как источник для характеристики быта горожан середины XVIII в. // Вестник МГУ. Серия 8.

- История. – 1999. № 1. – С. 71-84.
66. Всемирная история. Т. V. / Под ред. Я.Я. Зутиса и др. В 10-ти тт. – М.: Соцэкгиз, 1958. – С. 364-365.
67. Герман И.Е. История межевого законодательства от Уложения до Генерального межевания (1649-1765). – М.: Тип. И.Я. Полякова, 1893. – 380 с.
68. Он же. История русского межевания (Курс). – Изд. 2-е. – М.: Типо-лит. В. Рихтер, 1910. – 299 с.
69. Голикова Н.Б. Органы политического сыска и их развитие в XVII-XVIII вв. // Абсолютизм в России (XVII-XVIII вв.). – М.: Наука, 1964. – С. 243-280.
70. Горская Н.А., Милов Л.В. Опыт сопоставления некоторых сторон агротехнического уровня земледелия Центральной России начала XVII и второй половины XVIII вв. // ЕАИВЕ. 1964 г. – Кишинев, 1966. – С. 173-192.
71. Готье Ю. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т. 1: Реформа 1727 года. Областное деление и областные учреждения 1727-1775 гг. – М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1913. – 472 с.
72. Градовский А.Д. История местного управления в России // Собр. соч. Т. 2. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1899. – 492 с.
73. Данилова Л.В. Понятие земельной вотчины в Средневековой Руси // Средневековая и новая Россия. / Сб. науч. ст. К 60-летию проф. И.Я. Фроянова. – СПб.: Изд-во СПб ун-та, 1996. – С. 254-277.
74. Двор русских императоров в его прошлом и настоящем. В 4-х ч. / Сост. Н.Е. Волков. – СПб.: Печатня Р. Голике, 1900. – 246 с.
75. Дембо Л.И. Земельные правоотношения в классово-антагонистическом обществе. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1954. – 224 с.
76. Докучаев В.В. Русский Чернозем // Избранные соч. в 3-х тт. Т. 1. – М.: ОГИЗ, 1948.
77. Ельяшевич В.Б. История права поземельной собственности в России. Т. 1. – Париж, 1948. – 393 с.
78. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной

- России. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Высш. шк., 1983. – 352 с.
79. Ефимова М.Р. Петрова Е.В. Румянцев В.Н. Общая теория статистики: Учебник. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: ИНФРА-М, 1999. – 416 с.
80. Загоровский В.П. Белгородская черта. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1969. – 304 с.
81. Он же. Воронежская историческая энциклопедия. – Воронеж: Истоки, 1992. – 251 с.
82. Он же. Изюмская черта. – Воронеж, 1980.
83. Замуруев А.С. Проект Уложения Российского государства 1723-1726 гг. – памятник отечественной политико-правовой мысли. Дисс. ... канд. ист. наук. – СПб., 1993. – 220 с.
84. Зимин А.А. Служилые князья в русском государстве конца XV-первой трети XVI в. // Дворянство и крепостной строй России XVI-XVIII вв. / Сб. статей посв. памяти А.А. Новосельского. – М.: Наука, 1975. – С. 28-56.
85. Знаменитые россияне XVIII-XIX веков: Биографии и портреты. / Сост. Е.Ф. Петина. – 2-е изд. – СПб.: Лениздат, 1996. – 958 с., ил.
86. Зудина Л.С. Дворянское землевладение во второй половине XVIII века. Дисс. ... канд. ист. наук. – М., 1988. – 225 с.
87. Иванов П. Опыт исторического исследования о межевании земель в России. – М.: Тип. С. Селивановского, 1846. – 152 с.
88. Индова Е.И. Дворцовое хозяйство в России. Первая половина XVIII века. – М.: Наука, 1964. – 352 с.
89. Она же. К вопросу о дворянской собственности в России поздний феодальный период // Дворянство и крепостной строй России XVI-XVIII вв. / Сб. статей посв. памяти А.А. Новосельского. – М.: Наука, 1975. – С. 272-292.
90. Она же. Урожай в Центральной России за 150 лет (вторая половина XVII-XVIII в.) // ЕАИВЕ. 1965 г. – М., 1970. – С. 141-155.
91. Кабузан В.М. Народы России в XVIII веке. Численность и этнический состав. – М.: Наука, 1990. – 256 с.

92. Он же. Обзор историко-географических источников по административно-территориальному делению России в 1720-1770 гг. // Историческая география России XVIII в. Часть II. Источники и их характеристика. – М.: [Без изд-ва], 1981. – С. 44-113.
93. Кантемир А.Д. // Русский биографический словарь. [Т. 8] – СПб.: Типогр. Гл. Упр. Уделов, 1897. – С. 466-473.
94. Карамзин Н.М. История государства Российского. [Кн. 3]. Т. IX-XII. – Калуга: Золотая аллея, 1993. – 595 с., илл.
95. Карнович Е.П. Замечательные богатства частных лиц в России. Экономико-историческое исследование. СПб., 1874.
96. Кафенгауз Б.Б. Некоторые вопросы генезиса капитализма в России // Вопросы генезиса капитализма в России. Сб. статей. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1960. – С. 5-13.
97. Киприянова Н.В. К вопросу о дворянском землевладении в законодательстве XVIII в. // Вестник МГУ. Серия 8. История. – 1983. № 1. – С. 57-68.
98. Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в 3-х кн. Кн. 1-3. – М.: Мысль, 1993.
99. Ковальченко И.Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. – М.: Изд-во МГУ, 1967. – 400 с.
100. Колганов М.В. Собственность. Докапиталистические формации. – М.: Изд-во соц-экон. лит-ры, 1962. – 496 с.
101. Колесников П.А. Типологическая классификация и группировка земельных угодий в период позднего феодализма (к вопросу о хозяйственном освоении земель в русском государстве) // ЕАИВЕ. 1971 г. – Вильнюс: Минтис, 1974. – С. 98-109.
102. Колотинская Е.Н. Правовые основы земельного кадастра в России. – М.: Изд-во МГУ, 1968. – 272 с.
103. Корсунский А.Р. Об иерархической структуре феодальной собственности // Проблемы развития феодальной собственности на землю. – М.: Изд-во

- МГУ, 1979. – С. 145-174.
104. Крутиков В.И. Душевладение и землевладение помещиков Тульской губернии в XVIII-начале XX в. // ЕАИВЕ. 1971 г. – Вильнюс: Минтис, 1974. – С. 186-194.
105. Лакиер А. О вотчинах и поместьях. – СПб.: Тип. книжн. маг. П. Крашениникова и К^о, 1848. – 230 с.
106. Лаппо Ф.И. Ревизские сказки как источник по истории русского крестьянства (По материалам 3-й ревизии) // ЕАИВЕ. 1960 г. – Киев, 1962. – С. 236-247.
107. Латифундия // Словарь русского языка. В 4-х тт. Т. II. – М.: Гос. изд-во иностр. и национальных словарей, 1958. – С. 221.
108. Лялина Г.С. К характеристике феодального землевладения во второй половине XVII в. // Труды Московского государственного историко-архивного института. Т. 16. – М., 1961. – С. 397-407.
109. Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. Т. 1. Докапиталистические формации. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1956. – 648 с.
110. Мавродин В.В. Экономический рост России, внутренняя и внешняя политика царизма в конце XVII-первой половине XVIII века. – М., 1957. – 68 с.
111. Малышев М.Ю. Сословная политика правительства Анны Иоанновны (дворянство, крестьянство, духовенство). Автореф. ... к.и.н. – Ижевск, 1997. – 24 с.
112. Маньков А.Г. Крепостное законодательство в России первой четверти XVIII в. (по материалам проекта Уложения 1720-1725 гг.) // ЕАИВЕ. 1971 г. – Вильнюс: Минтис, 1974. – С. 146-155.
113. Марголин С.Л. Генеральное межевание в России // Советская историческая энциклопедия. Т. 4. – М.: Советская энциклопедия, 1963. – С. 194.
114. Медушевский А.Н. Утверждение абсолютизма в России. Сравнительное историческое исследование. – М.: Текст, 1994. – 320 с.

115. Мизис Ю.А. Правительственная политика по регулированию социальной структуры населения Центрального Черноземья в конце XVII-начале XVIII вв. // Формирование и развитие социальной структуры населения Центрального Черноземья. Тезисы докладов и сообщений II Межвузовской научной конференции по исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья (Тамбов, 13-15 июня 1972 г.). – Тамбов, 1992. – С. 35-36.
116. Милов Л.В. Исследование об «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию (К истории русского крестьянства и сельского хозяйства второй половины XVIII в.). – М.: Изд-во МГУ, 1965. – 312 с.
117. Он же. О производительности труда в земледелии России в середине XVIII в. (По материалам монастырской барщины) // Исторические записки. Т. 85. – М.: Наука, 1970. – С. 207-267.
118. Он же. О роли переложных земель в русском земледелии второй половины XVIII в. // ЕАИВЕ. 1961 г. – Рига, 1963. – С. 279-288.
119. Милоков П. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. – Изд. 2. – СПб., 1905. – 680 с.
120. Минарик Л.И. Происхождение и состав земельных владений крупнейших помещиков России конца XIX-начала XX в. // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства в СССР. Сб. VI. – М., 1965. – С. 356-395.
121. Миронов Б.Н. Движение цен ржи в России в XVIII в. // ЕАИВЕ. 1965 г. – М., 1970. – С. 156-163.
122. Он же. Применение выборочного метода при анализе движения хлебных цен XVIII в. в России // ЕАИВЕ. 1964 г. – Кишинев, 1966. – С. 424-436.
123. Он же. Причины роста хлебных цен в России XVIII в. // ЕАИВЕ. 1969 г. – Киев, 1979. – С. 109-125.
124. Морошкин Ф.Л. О владении по началам российского законодательства. – М.: Тип. Моск. Ун-та, 1837. – 240 с.
125. Неволин К.А. История российских гражданских законов. В 3-х т. – СПб.:

- Тип. АН, 1851.
126. Он же. История Российских гражданских законов. Ч. II. // Полн. собр. соч. Т. IV – СПб.: Тип. Э. Праца, 1857. – 446 с.
127. Он же. Об успехах государственного межевания в России до императрицы Екатерины II // Полн. собр. соч. Т. VI. – СПб.: Тип. Э. Праца, 1859. – С. 431-517.
128. Недосекин В.И. Источники роста крупного землевладения на юге России в XVIII столетии // Известия ВГПИ. Т. 63. Из истории Центрально-Черноземных областей. – Воронеж: Центр.-Черноземн. книжн. изд-во, 1967. – С. 252-325.
129. Он же. Обострение борьбы за землю между помещиками и однодворцами Воронежской губернии в середине XVIII века. // Известия ВГПИ. Т. 19. Исторический факультет. – Воронеж, 1955. – С. 133-154.
130. Он же. Четвертное землепользование однодворцев Юга России в XVIII веке // Труды ВГУ. Т. 53. Вып. 1. 1960. Из истории Воронежского края. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1961. – С. 105-113.
131. Новосельский А.А. Распад землевладения служилого «города» в XVII в. (по десятиям) // Русское государство в XVII в. – М., 1961. – С. 231-253.
132. Он же. Распространение крепостнического землевладения в южных уездах Московского государства в XVII в. // Исторические записки. Т. 4. – [М.]: Изд-во АН СССР, 1938. – С. 21-40.
133. Новосельцев А.Н., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В. Пути развития феодализма. – М.: Наука, 1972. – 338 с.
134. Носов Б.В. О праве распоряжения феодальной земельной собственностью в 60-70-е годы XVIII в. // Проблемы истории СССР. Вып. XIII. – М.: Изд-во МГУ, 1983. – С. 66-81.
135. Он же. Политика правительства в отношении дворянского землевладения в России в 30-70-е гг. XVIII в. Дисс. ... канд. ист. наук. – М., 1985.
136. Он же. Политика правительства в отношении дворянского землевладения

- в России в 30-70-е гг. XVIII в.: Автореферат дисс. канд. ист. наук. – М., 1985. – 21 с.
137. Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I. / Под ред. Б.Б. Кафенгауза, Н.И. Павленко. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – 816 с.
138. Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в. / Под ред. А.И. Барановича, Б.Б. Кафенгауза и др. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – 896 с.
139. Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй четверти XVIII в. Народы СССР в первой половине XVIII в. / Под ред. А.И. Барановича, Л.Г. Бескровного и др. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – 868 с.
140. Павленко В.Н. Ведомости XVIII в. о хлебных ценах как исторический источник // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. / Сб. ст. к 70-летию А.А. Новосельского. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 301-306.
141. Павленко Н.И. К вопросу об эволюции дворянства в XVII-XVIII вв. // Вопросы генезиса капитализма в России. Сб. статей. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1960. – С. 54-75.
142. Он же. Птенцы гнезда Петрова. – М.: Мысль, 1994. – 397 с.
143. Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584-1605 гг.). – СПб.: Наука, 1992. – 278 с.
144. Панова В.И. Историко-географическая характеристика Воронежского края по карте 1732 года П. Лупандина и И. Шишкова // Историческая география Черноземного Центра России (дооктябрьский период). Межвузовский сб. науч. трудов. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1989. – С. 89-106.
145. Она же. История заселения русских земель донского левобережья (бассейнов Битюга и Икорца) в XVI-XVIII веках. Дисс. ... канд. ист. наук. – Воронеж, 1981. – 177 с.
146. Переписи населения России. Итоговые материалы подворных переписей

- и ревизии населения России (1646-1858). Вып. I. – М.: Изд-во АН СССР, 1972. – С. 18-19.
147. Петрова Л.И. Наделенность землей и скотом крестьян Курской вотчины в XVIII-XIX вв. // ЕАИВЕ. 1964 г. – Кишинев, 1966. – С. 375-385.
148. Поршнева Б.Ф. Феодализм и народные массы. – М.: Наука, 1964. – 520 с.
149. Преображенский А.А. Об эволюции феодальной земельной собственности в России XVIII-начала XIX века // Вопросы истории. – 1977. № 5. – С. 46-62.
150. Он же. Структура земельной собственности в России XVII-XVIII вв. // ЕАИВЕ. 1966 г. – Таллин, 1971. – С. 128-136.
151. Протасов Г.А. Кондиции и проекты 1730 г. Дисс. ... канд. ист. наук. – М., 1954. – 370 с.
152. Проторчина В.М. К истории воронежских однодворцев в XVIII веке // Известия ВГПИ. Т. 19. Историч. фак-т. – Воронеж, 1955. – С. 107-131.
153. Прохоров М.Ф. Крепостное крестьянство России в 1750-начале 1770-х годов: Автореферат дисс. докт. ист. наук. – М., 1998. – 39 с.
154. Он же. Населенность крестьянского двора в крепостной деревне Орловской провинции в середине XVIII столетия // Проблемы исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья. Сб. науч. докладов IV Межвузовской конференции по исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья (Курск, 27 апреля 1994 г.). – М.-Курск: Изд-во КГПИ, 1994. – С. 77-84.
155. Он же. Численность и размещение помещичьих крестьян Центрально-Черноземного района России в середине XVIII в. // Формирование и развитие социальной структуры населения Центрального Черноземья. Тезисы докладов и сообщений II Межвузовской научной конференции по исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья (Тамбов, 13-15 июня 1992 г.). – Тамбов: Изд-во ТГПИ, 1992. – С. 38-40.
156. Рабинович М.Д. Однодворцы в первой половине XVIII в. // ЕАИВЕ.

- 1971 г. – Вильнюс: Минтис, 1974. – С. 137-145.
157. Он же. Социальное происхождение и имущественное положение офицеров регулярной русской армии в конце Северной войны // Россия в период реформ Петра I. – М.: Наука, 1973. – С. 133-171.
158. Он же. Судьбы служилых людей «старых служб» в период формирования регулярной русской армии в начале XVIII века. Дисс. ... канд. ист. наук. – М., 1953. – 693 с.
159. Развитие русского права второй половины XVII-XVIII вв. – М.: Наука, 1992. – 312 с.
160. Рахматуллин М.А. (Комментарии), Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. XII. Т. 23-24. – М.: Мысль, 1964. – С. 667-668.
161. Рикман В.Ю. Дворянское законодательство Российской империи. – М.: Герольдия, 1992. – 118 с.
162. Рогов В.А. История государства и права России IX-начала XX веков. – М.: Зерцало, ТЕИС, 1995. – 264 с.
163. Романович-Славатинский А.[В.] Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. Свод материала и приуготовительные этюды для исторического исследования. – СПб.: Тип. МВД, 1870. – 562 с.
164. Он же. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. Свод материала и приуготовительные этюды для исторического исследования. – Киев, 1912.
165. Российский государственный архив древних актов: Путеводитель: В 4 т. / Сост.: М.В. Бабич., Ю.М. Эскин, Л.А. Тимошина. – М.: Археографический центр, 1997. Т.3. Ч. 1. – 720 с.
166. Рубинштейн Н.Л. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. (Историко-экономический очерк). – М.: Госполитиздат, 1957. – 495 с.
167. Он же. Уложенная комиссия 1754-1766 гг. и ее проект нового Уложения «О состоянии подданных вообще» (К истории социальной политики 50-х-начала 60-х годов XVIII в.) // Исторические записки. Т. 38. – М-Л.: Изд-во

- АН СССР, 1951. – С. 208-251.
168. Сахаров А.М. Феодальная собственность на землю в Российском государстве XVI-XVII вв. // Проблемы развития феодальной собственности на землю. – М.: Изд-во МГУ, 1979. – С. 55-108.
169. Свердлов М.Б. Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII-XX веков. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 1996. – 330 с.
170. Семевский В.И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. Т. 1. – СПб., 1888.
171. Сергеевич В. Лекции и исследования по истории русского права. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1883. – 997 с.
172. Сивков К.В. Новые явления в технике и организации сельского хозяйства России во второй половине XVIII в. // ЕАИВЕ. 1959 г. – М., 1961. – С. 153-162.
173. Он же. Отписные книги начала XVIII в. как исторический источник // Проблемы источниковедения. Сб. III. – М., 1941.
174. Слободин В.М. О возникновении и развитии паровой системы земледелия на территории России в период феодализма // ЕАИВЕ. 1963 г. – Вильнюс: Минтис, 1964. – С. 158-166.
175. Слюсарский А.Г. Социально-экономическое развитие Слобожанщины. XVII-XVIII вв. – Харьков: Харьковск. книжн. изд-во, 1964. – 460 с.
176. Соколова Е.С. Сословное законодательство Российской империи: основные тенденции развития на примере привилегированных и полупривилегированных сословий (середина XVII-середина XIX веков). Дисс. ... канд. юр. наук. – Екатеринбург, 1995. – 292 с.
177. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 23-24. Кн. XII. – М.: Мысль, 1964.
178. Он же. Сочинения в 18 кн. Кн. IV-V. История России с древнейших времен. – М.: Голос, 1994-95.
179. Соловьев Я. Об однодворцах // Отечественные записки. Т. 69. – СПб.,

1850. Отдел. 2. – С. 81-100.
180. Струмилин С.Г. Очерки экономической истории России. – М., 1960.
181. Тихонов Ю.А. Помещичьи крестьяне в России. Феодальная рента в XVII-начале XVIII в. – М.: Наука, 1974. – 336 с.
182. Ткачева Н.К. Из истории однодворцев в XVIII в. // ЕАИВЕ. 1968 г. – Л.: Наука, 1972. – С. 133-141.
183. Троицкий С.М. О влиянии фискальной системы на положение крестьян в России в XVII-XVIII вв. // ЕАИВЕ. 1963 г. – Вильнюс: Минтис, 1964. – С. 283-295.
184. Он же. О дележе феодальной ренты между помещиками и государством // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. / Сб. ст. к 70-летию А.А. Новосельского. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 127-132.
185. Он же. О скупке земель А.Д. Меншиковым, А.В. Макаровым и И.А. и П.И. Мусиными-Пушкиными (Из истории крупного феодального землевладения в России первой трети XVIII в.) // Вопросы аграрной истории Центра и Северо-Запада РСФСР. Материалы межвузовск. научн. конф. – Смоленск, 1972. – С. 88-102.
186. Он же. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. – М.: Наука, 1974. – 396 с.
187. Он же. Хозяйство крупного сановника России в первой четверти XVIII в. (по архиву князя А.Д. Меншикова) // Россия в период реформ Петра I. – М.: Наука, 1973. – С. 215-248.
188. Федоров В.А. (Комментарии), Записки А.П. Ермолова. 1798-1826 гг. – М.: Высш. шк., 1991. – 463 с.
189. Цатурова М.К. Русское семейное право XVI-XVIII вв. – М.: Юрид. лит-ра, 1991. – 112 с.
190. Цветков М.А. Динамика лесистости Европейской России в XVIII, XIX, начале XX столетия. В 2-х т. Т. 1. Дисс. ... докт. с/х. наук. – Б.м., 1953. –

488 с.

191. Черников С.В. К вопросу о поместных дачах из Дикого поля и порозжих земель в первой половине XVIII в. // Вестник ЛГТУ-ЛЭГИ. – 1999. № 3 (4). – С. 135-141.
192. Он же. Право однодворцев на землю в проекте Уложения 30-х гг. XVIII в. // История крестьянства в России: Материалы Шестнадцатой Всероссийской заочной научной конференции. – СПб.: Нестор, 2000. – С. 38-39.
193. Шапиро А.Л. О природе феодальной собственности на землю // Вопросы истории. – 1969. № 12. – С. 57-72.
194. Он же. Об имущественном неравенстве и социальном расслоении русского крестьянства в эпоху феодализма // Вопросы генезиса капитализма в России. Сб. статей. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1960. – С. 14-53.
195. Он же. Об опасности модернизации экономической истории русского крестьянства XVII-первой половины XVIII в. // ЕАИВЕ. 1959 г. – М., 1961. – С. 52-68.
196. Он же. Хозяйство кромских крестьян (опыт сравнительного изучения описей XVII-XVIII вв.) // ЕАИВЕ. 1962 г. – Минск, 1964. – С. 428-441.
197. Шватченко О.А. Пашенное земледелие в выслуженных вотчинах Юга России первой трети XVII века // Проблемы региональной истории России. Материалы Всероссийской конференции по региональной истории (Липецк. 23-24 декабря 1996 г.). Ч. 1. – Липецк, 1997. – С. 26-32.
198. Он же. Светские феодальные вотчины в России во второй половине XVII века. – М.: Изд-во ИРИ РАН, 1996. – 286 с.
199. Шепукова Н.М. К вопросу о численности барщинных и оброчных помещичьих крестьян Европейской России во 2 половине XVIII века // ЕАИВЕ. 1964 г. – Кишинев, 1966. – С. 400-408.
200. Она же. Об изменении размеров душевладения помещиков Европейской России в первой четверти XVIII-первой половине XIX в. // ЕАИВЕ. 1963 г. – Вильнюс: Минтис, 1964. – С.388-419.

201. Шульгин М.М. Землеустройство и переселения в России в XVIII и первой половине XIX вв. – М.: Изд-во Моск. Межевого ин-та, 1928. – 210 с.
202. Щепетов К.Н. Из жизни крепостных крестьян России XVIII-XIX веков. По материалам Шереметьевских вотчин. – М.: Гос. уч.-пед. изд-во мин. просв. РСФСР, 1963. – 100 с.
203. Якушкин В. Очерки по истории русской поземельной политики в XVIII и XIX в. Вып. 1. XVIII век. – М.: Тип. А.И. Мамонтова и К^о, 1890. – 150 с.
204. Яцунский В.К. Генезис капитализма в сельском хозяйстве России // ЕАИВЕ. 1959 г. – М., 1961. – С. 30-51.
205. Он же. Основные моменты истории сельскохозяйственного производства в России с XVI века до 1917 года // ЕАИВЕ. 1964 г. – Кишинев, 1966. – С. 52-117.
206. Он же. Социально-экономическая история России XVIII-XIX вв. Избранные труды. – М.: Наука, 1973. – 304 с.
207. Raeff M. Origins of The Russian Intelligensia. The Eigtheenth-Century Nobility. – NY.: Harcourt, Brace & World, inc., 1966. – 171 p.